

П 73/1 а

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Краткие сообщения
ИНСТИТУТА
НАРОДОВ АЗИИ

79

Финансы и кредит

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

Редакционная коллегия:

В. Н. Никифоров (главный редактор), А. Е. Бертельс,
Л. Р. Гордон-Полонская, А. И. Динкевич,
Н. А. Кузнецова (отв. секретарь), П. П. Моисеев,
Ю. В. Рождественский, Н. А. Сыромятников

Ответственный редактор выпуска

А. И. Динкевич

744225

Центр восточной литературы
Академии наук Казахской ССР

Б. Н. Бродович

РОЛЬ КРЕДИТА В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ ИНДИИ

В современной Индии основное содержание государственного кредита определяется его ролью в качестве специфического фактора, обуславливающего накопление капитала и развитие государственного сектора индийской экономики.

Происхождение государственного долга, а также основных форм государственного кредита в Индии относится к периоду колониальной зависимости страны. В тот период возникновение и возрастание индийского государственного долга было связано с военно-колониальными финансовыми потребностями Англии не только в самой Индии, но и во всей Азии. Ставшая независимой Индия унаследовала все долги британской колониальной администрации в стране, даже сумму задолженности по пенсиям английским колониальным чиновникам, угнетавшим и грабившим ее. Непосредственно после достижения независимости¹ государственный долг Индии составлял 21 810 млн. рупий, а к моменту провозглашения республики он достигал 28 365 млн.

За первое десятилетие, истекшее с момента образования Республики Индии, государственный долг увеличился в 2,5 раза и составил 71,2 млрд. рупий. Однако после достижения Индией независимости причины увеличения ее государственного долга существенно изменились. В настоящее время государственный кредит служит интересам пришедшей к власти индийской буржуазии, которая использует его в целях накопления капитала внутри страны и развития национальной экономики.

Поскольку национализация частной собственности в тех случаях, когда она совершается, производится в Индии на основе выкупа, а выплата компенсации осуществляется в рассрочку, в форме государственных облигаций,— национальный долг представляет не только способ накопления, но и одно из условий возникновения госсобственности. Таким образом, государственный кредит играет весьма важную роль в развитии госкапитализма в современной Индии.

Государственный сектор занимает в настоящее время ключевые позиции в кредитной системе Индии. Во главе кредитной системы стоит государственный Резервный банк, осуществляющий контроль над деятельностью коммерческих и прочих банков. Крупнейшим коммерческим банком, на долю которого приходится 30% совокупных

¹ По состоянию на 1948 г.

депозитов индийских коммерческих банков, является Государственный банк. В государственный сектор входят все промышленные финансово-кредитные корпорации (кроме Кредитно-инвестиционной), почтово-сберегательные банки, занимающиеся мобилизацией мелких сбережений, Государственная корпорация страхования жизни, располагающая подавляющей массой страховых фондов, а также основные фонды социального страхования. Государству принадлежит централизующая роль в кредитно-кооперативной системе страны. В целом государственный сектор располагает приблизительно 58% совокупного осудного капитала Индии.

Необходимость создания государственного сектора кредитной системы была обусловлена неустойчивостью частного рынка осудного капитала. Образование государственного сектора укрепило связь между финансовой и кредитной системами Индии, способствовало подчинению кредита задачам финансирования национального экономического развития.

Основная масса средств, получаемых и используемых индийским государством при посредстве кредитной системы, представляет перераспределение фондов между сферой обращения и производством. Государство использует большую часть средств, полученных из кредитных источников, для финансирования капитальных вложений, часть которых осуществляется через государственные акционерные компании, финансово-кредитные корпорации и кредитно-кооперативную систему. В конечном итоге указанное перераспределение приводит к сокращению доли потребления и увеличению накопления в национальном доходе, так как урезывает потребление трудящихся, изымает резервный фонд покупательных средств у рантье и средних слоев населения, которые накапливают и используют его в потребительских целях.

Создание и деятельность государственного сектора кредитной системы Индии в 1949—1960 гг. способствовали укреплению финансовой базы индустриализации страны, повышению темпов накопления капитала и расширения производства. Национализация ведущих звеньев кредитной системы ослабляет позиции иностранного капитала в стране и тем самым отвечает интересам антиимпериалистической борьбы индийского народа.

Государственный кредит и накопление капитала в государственном секторе экономики

Развитие государственных форм капиталистического накопления в Индии опирается прежде всего на финансовую систему перераспределения национального дохода. Специфическую роль в перераспределении играет государственный кредит, который используется в качестве главного способа покрытия бюджетного дефицита.

Перераспределение национального дохода финансовыми методами представляет одну из форм дополнительной эксплуатации трудящихся, используемую индийским государством в целях накопления капитала. Суммы перераспределения составляют значительную и все возрастающую часть национального дохода страны. Так, если в 1950/51 г. размеры перераспределения национального дохода в пользу государства составляли около 8,5%, то в 1960/61 г. они возросли до 17%. Если учесть, что государство частично использовало полученные средства для капиталовложений в экономику, будет очевидно, что сокра-

щение покупательной способности и потребления масс представляет одну из сторон накопления капитала в государственном секторе современной Индии.

Стремление национальной буржуазии обеспечить потребности капиталистического накопления в условиях хозяйства, обремененного многочисленными феодальными пережитками, раздробленностью и многоукладностью, не прибегая к массовой насильственной экзопроприации крестьянства и городских кустарей, обусловило значение кредита и государственного долга как одного из важных способов перераспределения и концентрации средств в процессе накопления. В этих условиях государственный кредит приобрел двойственные функции, связанные как с мобилизацией средств широких масс трудящихся на основе перераспределения национального дохода, так и с привлечением сбережений и временно свободных капиталов собственных классов.

Важнейшим проявлением государственного капитализма в экономике Республики Индии являются программы капитальных вложений, осуществляемые государством в процессе выполнения пятилетних планов экономического развития.

Финансирование основной массы расходов по пятилетним планам осуществляется из бюджетов центрального правительства и штатов.

Публикации государственной Плановой комиссии, а также бюджетные публикации Резервного банка Индии свидетельствуют, что основным источником финансирования государственных капиталовложений в национальную экономику служит увеличение государственного долга. С другой стороны, размеры увеличения государственного долга вследствие финансирования капиталовложений в государственном секторе экономики показывают, что его рост в 1950—1960 гг. был связан в основном с производительными целями.

В период осуществления первого пятилетнего плана (1951—1956) общая сумма государственных расходов на экономику и социальные нужды составила 20,12 млрд. рупий, из них 8,54 млрд.², или 42%, было покрыто за счет собственных средств государства и 11,58 млрд. рупий заемными средствами (58%), в том числе 2,37 млрд. рупий за счет иностранной помощи. Если исключить иностранные займы и субсидии, то доля собственных и заемных средств будет приблизительно совпадать, составляя соответственно 42 и 45%.

Из общей суммы заемных средств, использованных в целях финансирования первого пятилетнего плана, 2044 млн. рупий (22%) было получено посредством рыночных займов, 2372 млн. рупий (24%) — за счет мелких сбережений населения, 4200 млн. рупий (44%) составляло дефицитное финансирование, которое осуществлялось главным образом за счет увеличения текущего долга казначейства центральному эмиссионному банку, и, наконец, около 1 млрд. рупий (10%) представляли изъятия из различных фондов.

В 1951—1956 гг. общие государственные капиталовложения в экономику, использованные в целях увеличения основного капитала в производстве, составили 15,6 млрд. рупий. Финансирование основной части этих капиталовложений осуществлялось из бюджетов центрального правительства и штатов. Главными статьями поступлений государственных бюджетов капиталовложений в 1951—1956 гг. являлись внутренние займы, использование мелких сбережений населения, де-

² Включая использование наличных и ликвидных резервов.

нежная эмиссия и отчисления из различных фондов, т. е. главные виды поступлений по государственному кредиту. Общая сумма средств, поступивших по внутреннему государственному кредиту³ в бюджеты капиталовложений центрального правительства и штатов в 1951—1956 гг., использованных в производительных целях, составила 9,2 млрд. рупий⁴, т. е. достигала 60% государственных капиталовложений в экономическую по первому пятилетнему плану.

В период осуществления второго пятилетнего плана (1956—1961) общие государственные расходы на развитие экономики и социальные цели составили 46 млрд. рупий, в том числе валовые капитальные вложения — 34,5 млрд. рупий⁵, из них 18,0 млрд. рупий (57%) из бюджета капиталовложений центрального правительства и 16,5 млрд. (43%) из бюджетов штатов⁶.

Из общей суммы 34,5 млрд. рупий 5,8 млрд. (17%) было вложено в развитие сельского хозяйства и осуществление ирригационных мероприятий, 4,45 млрд. (13%) — в энергетику, 8,2 млрд. (24%) — в фабричную промышленность, 0,4 млрд. (1%) — в мелкую промышленность, 12,75 млрд. (37%) — в транспорт и связь.

Финансирование указанных инвестиций было произведено на 2,3 млрд. рупий (6%) за счет текущего бюджета, на 1,4 млрд. (4%) за счет прибыли государственных предприятий, приблизительно 1,4 млрд. рупий — иностранными субсидиями и, наконец, на 29,4 млрд. рупий (84%) за счет роста государственного долга, а именно — 9,0 млрд. за счет внешнего долга и 20,4 млрд. — внутреннего, в том числе около 10 млрд. — рыночные займы (включая конверсию краткосрочных казначейских векселей в долгосрочные займы), 4,0 млрд. — мелкие сбережения и 5,5 млрд. рупий — рост текущего долга (в основном задолженности казначейства Резервному банку по векселям). Таким образом, накопление капитала в государственном секторе экономики Индии, которое в 1956—1961 гг. составило около 30,0 млрд. рупий, было осуществлено главным образом за счет использования заемных средств. За отмеченный период процентный государственный долг центрального правительства увеличился на 29,7 млрд. рупий и в марте 1961 г. достиг 62,8 млрд. рупий⁷ (общий долг, включая беспроцентный, составил 65,7 млрд. рупий).

Из 29,7 млрд. рупий 70% представляло перераспределение внутренних кредитных ресурсов и 30% — использование иностранных заемных средств (в том числе депозитов США по эквивалентному фонду на сумму 2,4 млрд. рупий). В процессе перераспределения внутренних ресурсов решающую роль играли Резервный банк, который предоставил государству около 66% полученных им средств, почтово-сберегательные банки, предоставившие 19%, коммерческие и кооперативные банки, а также Корпорация страхования жизни, пенсионные и прочие фонды, обеспечившие в совокупности оставшиеся 15%.

Приведенные данные показывают, что главной формой государст-

³ За вычетом иностранных займов и субсидий в размере 2568 млн. рупий.

⁴ «Reserve bank of India bulletin», April 1961, pp. 502—503.

⁵ За вычетом текущих расходов и капиталовложений на социально-культурные цели.

⁶ «Reserve bank of India bulletin», April 1961, pp. 502—503; June 1961, pp. 868—869.

⁷ Поскольку финансирование капиталовложений центра, штатов местной администрации и государственных акционерных компаний производилось в основном за счет средств центрального правительства, в данном случае учитывается лишь рост государственного долга, приходящегося на его долю.

венного кредита, которая использовалась в период 1950—1960 гг. в целях накопления капитала в государственном секторе национального хозяйства Индии, являлись займы государства на внутреннем и внешнем рынках капитала; следующей по своему значению являлась вексельная задолженность казначейства Резервному банку; далее следовали использование мелких сбережений и изъятие из амортизационного и резервного фондов предприятий.

Использование рыночных займов в качестве важнейшего способа финансирования накопления капитала в государственном секторе вызывает значительную зависимость программ капиталовложений по пятилетним планам от неустойчивых, подверженных стихийным колебаниям условий частного рынка капитала. Это результат того, что в финансировании государственных экономических программ большое значение приобрели операции Резервного банка с государственными ценными бумагами на открытом денежном рынке.

Стремясь поставить денежный рынок под контроль государства и тем самым частично гарантировать регулярное поступление заемных средств, индийское правительство национализировало в 1956 г. крупнейший коммерческий — Имперский банк страны, а также создало посредством национализации многочисленных частных компаний государственную Корпорацию страхования жизни.

Создание государственного сектора кредитной системы укрепило позиции индийского государства на денежном рынке. Тем не менее сохраняющаяся значительная зависимость государственного кредита от частного рынка ссудного капитала определяет неустойчивость финансовой базы государственных экономических программ и планов. В частности, как известно, имело место недовыполнение программы капиталовложений по первому и второму пятилетним планам. Сознывая шаткость системы финансирования капитальных вложений, индийское правительство разработало программу мероприятий по укреплению связей между частными коммерческими и государственными банками, которая предусматривает усиление контроля Резервного банка над депозитами коммерческих банков, постепенное объединение шести крупнейших из них вокруг Государственного банка и т. д. В результате возникли предпосылки дальнейшей централизации частнокапиталистического денежного рынка страны, его подчинения потребностям государственного капитализма.

После национализации Резервного банка индийское правительство неоднократно предпринимало попытки поставить под государственный контроль местный денежный рынок, на котором господствуют частные банкиры и ростовщики. Им было предложено зарегистрироваться, легализовать свои операции и осуществлять деятельность в соответствии с законами, определяющими статут частнокапиталистических предприятий в стране. В качестве льгот зарегистрировавшимся местным банкирам была предоставлена возможность бесплатного использования аппарата Государственного банка в целях переводных операций, учета в нем и в Резервном банке векселей и ряд других.

Однако упомянутые попытки индийского правительства никакого успеха не имели. Регистрацию прошло незначительное число частных банкиров, осуществлявших операции преимущественно в крупных городах и на условиях, близких к коммерческим банкам. Подавляющая масса ростовщиков и местных банкиров не стала регистрироваться. В результате местный денежный рынок современной Индии остается

вне сферы государственного контроля и не подвержен влиянию государственного сектора. В настоящее время государство лишено возможности активно привлекать и использовать в целях накопления производительного капитала огромные ресурсы местного денежного рынка страны.

Нерешенность этой проблемы сковывает активность государства в вопросах финансирования экономического развития, отрицательно сказывается на темпах накопления. Вместе с тем это является наглядным свидетельством непоследовательности и половинчатости так называемых «социальных преобразований», осуществляемых национальной буржуазией в области преодоления феодальных пережитков и устранения архаичных институтов.

Основная масса накоплений в современной Индии приходится на долю индивидуального натурального, мелкотоварного и патриархального хозяйства, а также частных промышленных, торговых и кредитных предприятий. Мобилизация этих накоплений естественно приобрела важное значение для осуществления государственных капиталовложений в экономику.

Главным рычагом перераспределения денежных ресурсов в пользу государства в 1950/51—1960/61 гг. являлся банковский капитал, который господствовал на денежном рынке Индии. В 1960 г. из 52,2 млрд. рупий общей суммы внутреннего государственного долга 17,6 млрд. было профинансировано за счет средств Резервного банка, 6,0 млрд.—коммерческих банков, 8,6 млрд.—государственных почтово-сберегательных банков и 0,12 млрд. рупий—кооперативных банков (табл. 1).

Накопление государственного сектора и перераспределение ссудных капиталов в целях финансирования бюджета составляют вместе большие суммы.

В 1950/51—1959/60 гг. они составили около 40% к общей сумме накопления в национальном доходе Индии. Главными методами перераспределения наличных денежных ресурсов в пользу государства в 1950—1960 гг. являлись: учет казначейских векселей в центральном банке, который связан с дополнительной эмиссией банкнот, а также использование так называемых личных депозитов в коммерческих и сберегательных банках.

Перераспределение доходов частного сектора в бюджет связано в первую очередь с деятельностью Резервного банка, коммерческих и почтово-сберегательных банков, на долю которых в 1960 г. приходилось более 50% общей суммы государственного долга Индии.

Общая сумма средств, поступивших в распоряжение государства по линии Резервного банка, всех коммерческих и почтово-сберегательных банков страны, составила на конец июня 1960 г. 22,0 млрд. рупий⁸, а общие расходы центрального правительства и штатов на развитие экономики⁹ за период 1950—1960 гг. были равны 58,5 млрд. рупий. Таким образом размеры финансирования индийскими банками государства превысили 37% его общих расходов на экономику. Применение этого орудия перераспределения капитала позволило молодому индийскому государству осуществить основные капиталовложения в народное хозяйство, намеченные пятилетними планами.

⁸ За вычетом государственных вкладов в банках.

⁹ Только экономика без расходов на социально-культурные цели.

Таблица 1
Государственный кредит и банковское перераспределение капитала в целях финансирования государства (млн. рупий)*

	1950— 1955 гг.	1956— 1960 гг.	1950— 1960 гг. (в среднем за год)
Накопление в национальном доходе	30 062	46 762	7 682
в том числе государственный сектор**	5 277	5 363	1 064
Государственные расходы на экономику и социальные нужды***	19 600	46 000	6 560
Государственный дефицит	14 344	51 157	6 550
Методы покрытия дефицита (формы гос. кредита):			
внутренние займы	4 624	1 4836	1 946
займы штатов у центрального правительства	5 347	14 823	2 017
казначейская задолженность РБИ	1 160	8 258	942
мобилизация личных сбережений	2 052	3 560	561
прочая внутренняя задолженность	—868	—465	—133
иностранные займы	1 045	6 303	735
иностранные ассигнования и субсидии***	984	3 842	483
Банковское кредитование и финансирование государства (всего)****	3 725	17 760	2 148
в том числе:			
ссуды Резервного банка Индии****	—16	391	37
инвестиции в гос. ценные бумаги*****	1 689	13 209	1 489
сберегательные депозиты и сертификаты	2 052	3 560	565
Государственные депозиты в банках***	—590	—238	—83
Итого сумма перераспределения	4 315	17 998	2 231

* «Report on currency and finance for the years 1950/51, 1960/61», Bombay, pp. 200—203, Statements 55—62, 90; «Reserve bank of India bulletin», July 1961, pp. 1062, 1064; August 1961, p. 1203; September 1961, p. 1394; «Statistical tables relating to banks in India for the years 1956», Bombay, 1957; «Statistical tables relating to banks in India for the year 1960», Bombay, 1961; см. также Н. Шейн, *Государственные финансы Индии*, М., 1961, стр. 206—208.

** Включая превышение текущих доходов государственной администрации над расходами.

*** Соответственно в 1950/51—1955/56 и 1956/57—1960/61 гг.

**** Резервный банк, коммерческие, кооперативные и почтово-сберегательные банки.

***** Включая краткосрочные.

Формирование капитала в государственном секторе представляет сложный процесс, включающий перераспределение собственности на капитал в форме национализации частных предприятий за выкуп, бюджетные способы перераспределения национального дохода, эмиссионную деятельность казначейства, связанную с дефицитным финансированием, перераспределение ссудного капитала путем облигационных займов и посредством привлечения банковских ресурсов, использование средств сберегательных и прочих фондов, иностранную помощь, превращение в капитал доходов государственных предприятий и организаций. Большинство из перечисленных способов формирования капитала государственного сектора имеет кредитный характер; они тесно связаны с функциями государственных финансов.

По форме образования капитала государственный сектор современной Индии включает два основных типа предприятий: 1) ведомственные предприятия и организации, находящиеся в управлении министерств, доходы которых поступают в бюджет, а расходы погашаются из бюджета (включая предприятия, находящиеся в управлении министерств, но принадлежащие штатам); 2) государственные корпорации и предприятия, организованные на началах акционерных компаний. Естественно, условия формирования капитала у тех и других существенно различаются.

К моменту провозглашения Республики Индии государственный сектор страны включал лишь такие предприятия, которые были непосредственно подведомственны центральному министерствам и местной администрации, в частности железнодорожный транспорт, почту и телеграф, военные заводы, предприятия, входившие в государственную соляную монополию, и некоторые другие. Эти предприятия вошли в национализированный государственный сектор непосредственно в результате свержения британского колониального господства, ликвидации княжеств и перехода государственной собственности в руки национального правительства.

После завоевания независимости основным способом формирования капитала в государственном секторе стало создание корпораций и акционерных компаний. До 1961 г. всего было организовано 139 государственных акционерных компаний с оплаченным капиталом 4984 млн. рупий, из них 34 на началах общественно-правовых (334 млн. рупий) и 105 частноправовых акционерных обществ¹⁰ (4650 млн. рупий). Национализированы были крупнейшие авиационная и судостроительная компании, а также упоминавшиеся выше кредитные организации.

Специфика индийской национализации заключается в том, что государство выплачивает бывшим владельцам огромный выкуп, который равен средней рыночной цене национализируемой собственности за год, предшествующий ее переходу к государству. Эта цена, являясь выражением размеров фиктивного, а не действительного капитала, может быть меньше или превышать его действительные размеры, а также реальные затраты бывших собственников, связанные с его приобретением. Этот принцип, в частности, был положен в основу национализации Имперского банка, компаний страхования жизни и др. Такая национализация иногда бывает выгодна частным владельцам, тем не менее они обычно возражают против ее проведения, так как централизованная скупка акций ограничивает возможности спекулятивных операций и искусственного раздувания фиктивного капитала.

Крупнейшими государственными акционерными компаниями, созданными после провозглашения республики, являются «Хиндустан стил прайвет» с капиталом, превышающим 300 млн. рупий, которая контролирует три государственных металлургических завода в Бхилаи, Роуркеле и Дургапуре; «Нангал фертилайзерс энд кемиклз», «Синдри фертилайзерс энд кемиклз», возникшие в период первого пятилетнего плана, и «Хеви энджиниринг корпорейшн», «Нэшнл коул девелопмент корпорейшн», «Хеви электриклз», «Нейвели лигнит корпорейшн», «Ойл Индиа компани», основанные в период второго пятилетнего плана. Уставный капитал каждой из перечисленных компаний превышает 250 млн. рупий.

Из 139 государственных акционерных компаний, существовавших в 1961 г., 31 компания была создана до образования Республики Индии, 21 компания — в период первого и 87 компаний — в период второго пятилетнего плана (табл. 2):

Таблица 2

Государственные акционерные компании в Индии*

Год	Число компаний, созданных за год	Уставный капитал компании (млн. рупий)	Оплаченный капитал компании (млн. рупий)
1951/52	4	415	234
1952/53	4	168	70
1953/54	4	3060	3035
1954/55	3	115	55
1955/56	6	318	170
Всего 1951—1956 гг.	21	4076	3564
1956/57	13	1199	644
1957/58	18	86	16
1958/59	16	983	46
1959/60	23	301	4
1960/61	17	314	768
Всего 1956—1961 гг.	87	2883	1478
Итого 1951—1961 гг.	108	6959	5042

* «Commerce», Bombay, 2.IX.1961, p. 454.

Из перечисленных в таблице государственных компаний 37 были организованы центральным правительством и 71 — правительствами штатов.

На долю акционерных компаний, созданных в 1951—1961 гг., приходится 95% оплаченного капитала всех государственных предприятий, не находящихся на бюджетном финансировании.

Формирование капитала вновь создаваемых государственных компаний чаще всего осуществляется путем закрытой подписки, проводимой среди государственных финансово-кредитных организаций (банков, корпораций страхования, сберегательных пенсионных фондов и др.), иногда с привлечением частного сектора, причем само государство подписывается не менее чем на 51% акционерного капитала. Поэтому большинство из них организовано в форме частноправовых акционерных компаний. Формирование капитала общественноправовых государственных компаний производится посредством открытой подписки на 49% их акционерного капитала.

Большинство государственных акционерных компаний является вновь созданными, и поэтому определяющую роль в образовании их капитала играли источники и процессы его первичного формирования. Недостаточная доходность молодых предприятий, только приближающихся к своей проектной мощности, с неполностью отрегулированным производственным процессом, обуславливает большое значение привлечения дополнительного капитала на первых этапах их деятельности. Так, например, доходность предприятия «Синдри фертилайзерс» с

¹⁰ Две главные формы акционирования в современной Индии.

оплаченным капиталом 170 млн. рупий в 1960/61 г. составляла 15,1 млн. рупий, т. е. не превышала 8,8%¹¹.

Совокупный оплаченный капитал всех государственных акционерных компаний в промышленности достиг в 1960/61 г. 6047 млн. рупий¹², доходность тех из них, которые вообще приносили прибыль, составляла около 8% ко всему использованному в производстве капиталу. У частнокапиталистических предприятий она достигала 10%. Однако, если большая часть прибыли частных предприятий распределяется в качестве дивидендов и используется в личном потреблении, подавляющая масса прибыли государственных предприятий может быть использована в целях накопления. Это создает благоприятные условия для накопления капитала в государственном секторе национального хозяйства.

Из совокупного оплаченного капитала 50-ти государственных акционерных компаний (на долю которых в 1960 г. приходилось 98% капитала всех государственных компаний) 96,6% принадлежало центральному правительству Индии, 24% — правительствам штатов и 1% — частному сектору; что же касается заемных ресурсов, использованных этими компаниями, то на долю частного сектора приходилось 30% совокупного кредита, полученного ими.

Как свидетельствуют данные балансов 50 упомянутых государственных компаний, роль кредита в формировании их капитала была весьма значительной. Так, из общего прироста капитала за два года, с 1957/58 по 1959/60, в сумме 5017 млн. рупий около 50,8% было получено из различных кредитных источников, в том числе 11,5% из частных. Собственные средства компаний, поступившие из резервных фондов (в том числе амортизационного) за счет внутреннего накопления и возмещения капитала, составили всего 160 млн. рупий, или 7% их капиталовложений. Если учесть, что сумма кредитов, предоставленных самими государственными компаниями за тот же период, не превышала 890,1 млн. рупий, то величина перераспределения капитала в их пользу посредством кредита достигала 1659,0 млн. рупий, т. е. более 33% общего прироста капитала. Поскольку увеличение производительного капитала государственных акционерных компаний выражалось суммой 4038,3 млн. рупий (из них 3947 млн. рупий — основного), то роль кредита в формировании действительного капитала в государственном секторе индийской экономики (по акционерным компаниям) измерялась 41%.

Анализ финансовых итогов деятельности 19 государственных компаний центрального правительства, предприятия которых были введены в эксплуатацию в период 1956—1959 гг., показывает, что их прибыль, которая в 1956 г. составляла после вычета налогов всего 2,5% к оплаченному капиталу, в 1959 г. достигла 6,4%. Прибыль 20 компаний, находившихся в собственности штатов, увеличилась с 7,6% к оплаченному капиталу в 1956 г. до 11,6% в 1959 г. Возрастание доходности государственных предприятий после освоения ими процесса производства вполне закономерно; оно разоблачает миф, распространяемый апологетами частного предпринимательства, о нерентабельности государственного сектора в современной Индии.

Накопление капитала в государственном секторе индийской эко-

номики является не только одной из сторон, но и общей предпосылкой капиталистического накопления в стране. Индийская буржуазия использует госкапитализм в целях накопления совокупного общественного капитала, представляющего совокупность капитала государственного и частного секторов. Наряду с формированием капитала в государственном секторе государственный капитализм в современной Индии проявляется в форме кредитования и финансирования частнокапиталистического хозяйства. Предоставляя частным компаниям кредиты, связанные прежде всего с потребностями развивающегося производства, государство способствует накоплению производительного капитала в частном секторе. Важную роль в этом кредитовании играют созданные в государственном секторе промышленные финансово-кредитные корпорации, которые предоставляют долгосрочные и среднесрочные займы частнокапиталистической промышленности.

Государственное кредитование и финансирование частного производства отвечает интересам индийской буржуазии и служит целям ее экономической политики, направленной на развитие национальной фабричной промышленности. Упомянутые цели предполагают также кредитование мелкой промышленности, которое и осуществляется индийским государством в увеличивающихся размерах. Наряду с этим государство предоставляет займы для расширения и обновления основного капитала крупнейшим индийским монополиям, содействуя развитию крупных промышленных предприятий в частном секторе.

Государственный долг — условие развития государственного капитализма в современной Индии

Сочетание условий первоначального накопления и расширенного капиталистического воспроизводства, характерное для современного этапа экономического развития Индии, определяет специфическое значение государственного долга в качестве формы госкапитализма в стране. Как уже отмечалось, в период 1950—1960 гг. (особенно в 1956—1960 гг.) увеличение суммы национального долга являлось основным способом финансирования государственных программ капиталовложений и накопления производительного капитала в государственном секторе экономики, а также формой выкупа национализированной частной собственности. Рост госдолга поэтому непосредственно связан с развитием государственного капитализма, происходящим на основе расширения государственной собственности (табл. 3).

Структура государственной собственности независимой Индии по сравнению с колониальным периодом существенно изменилась и продолжает меняться. Если в 1947/48 г. государственная промышленность располагала всего шестью процентами капитала в государственном секторе национальной экономики, то в 1961 г. на ее долю приходился уже 31%.

Главную часть непроизводительно используемых заемных средств центрального правительства и штатов составляют суммы погашения ранее полученных ими кредитов. Вместе с капиталовложениями на военные цели эти суммы только по центральному бюджету капиталовложений в период 1951—1961 гг. в совокупности превысили 10 млрд. рупий. Непроизводительное использование значительной части заемных средств в колониальный период, а также наличие упомянутых непроизводительных расходов в бюджете независимой Ин-

¹¹ «The Eastern economist», New Delhi, 27.X.1961, p. 780.

¹² Ibid. Весь капитал, использованный в производстве, составлял около 10 млрд. рупий.

дии определили несоответствие размеров государственных активов и государственного долга¹³, который в 1961 г. превышал величину активов на 11,5 млрд. рупий, т. е. на 18% его суммы.

Таблица 3

Структура задолженности и собственности правительства Индии
(млн. рупий)*

	1938/39	1947/48	1950/51	1955/56	1960/61
Процентный долг (всего)	12 058	21 820	25 615	33 116	62 806
в том числе:					
внутренний долг (всего)	7 366	21 326	25 007	31 708	52 150
рыночные займы	4 379	15 171	14 385	15 096	25 722
казначейские векселя	463	868	3 732	7 119	12 626
сберегательные вклады и сертификаты	2 138	2 331	3 262	5 744	9 661
изъятия из амортизационного и резервного фондов предприятий	273	1 121	1 556	1 868	873
прочее	113	1 834	2 073	1 882	3 268
внешний долг (всего)	4 443	494	608	1 408	10 656
депозиты США по эквивалентному фонду	—	—	—	—	2 400
Активы (всего)	9 464	14 068	18 232	25 186	51 436
в том числе:					
капитал государственного сектора**	7 526	7 198	9 305	11 418	22 489
железные дороги	7 252	6 759	8 141	9 737	15 559
предприятия в управлении хозяйственных министерств и ведомств	274	439	901	1 121	2 197
государственные акционерные компании	—	—	263	560	4 733
кредиты, предоставленные государственным сектором	1 440	4 409	7 770	13 265	28 407
займы штатам, компаниям и местной администрации	1 440	731	2 170	9 591	25 213
долг Пакистана	—	3 000	3 000	3 000	3 000
аннуитеты по стерлинговым пенсиям	—	—	2 009	654	194
прочее	—	678	591	20	—
наличность и ликвидные ценные бумаги на счетах казначейства	303	2 461	1 420	503	540

* «Report on currency and finance for the year 1960/61», Bombay, 1961, Statement 64; «Report on the currency and finance for the year 1950/51», Bombay, 1951, Statement 66, pp. 216—217.

** Только центральное правительство.

Соотношение собственных и заемных средств, а также доли заемных средств, мобилизуемых в порядке первоначального накопления и посредством перераспределения осужденного капитала для расширения государственной собственности в Индии, является одним из важнейших показателей действительных источников накопления капитала в госсекторе национальной экономики. Исследование указанного соотношения представляет интерес при анализе условий накопления в современной Индии. Как уже отмечалось, государственные акционер-

¹³ Долг центрального правительства к сумме его активов.

ные предприятия были созданы после достижения страной независимости. Строительство большинства производственных объектов этих предприятий было завершено лишь в последние годы первого и второго пятилетних планов; их основной капитал почти полностью образован из заемных средств, полученных по линии государственного финансирования и кредитования за счет увеличения государственного долга.

Ту же основу имел процесс формирования капитала государственных ведомственных предприятий. Основная масса их капитала была образована еще в период колониальной зависимости; первоначальным источником образования этого капитала также являлся государственный долг (в частности внешняя задолженность Индии английскому правительству). Однако в период второй мировой войны внешний долг Индии по активам государственных ведомственных предприятий был полностью погашен. Стерлинговый долг по активам железных дорог, в частности, погашен в 1943/44 г. После прихода к власти в стране национального правительства эти предприятия перешли в собственность индийского государства.

В 1950/51—1960/61 гг. общие доходы государственных предприятий, поступившие в бюджеты центрального правительства и штатов, составили 11,5 млрд. рупий; это равнялось 17% совокупных расходов по бюджетам (текущему и капитальному) центрального правительства и штатов на развитие национальной экономики. Таким образом, накопление капитала предприятиями госсектора обеспечивало лишь одну пятую государственных расходов, связанных с его расширением. Остальную часть составляли средства, поступившие в бюджет по государственному кредиту и частично по налогам (последние в незначительной степени).

Увеличение капитала государственных ведомственных предприятий в собственности центрального правительства в 1950/51—1960/61 гг. составило 8,7 млрд. рупий, в том числе в период второго пятилетнего плана 6,9 млрд. рупий. Отчисления же от прибылей упомянутых предприятий в бюджет капиталовложений в 1956—1961 гг. в совокупности достигли 1206 млн. рупий, т. е. несколько менее одной пятой тех средств, которые были израсходованы государством на расширение их основного капитала. В отличие от государственных акционерных компаний, формирование капитала которых осуществляется путем размещения их акций среди государственных финансово-кредитных учреждений и корпораций, т. е. посредством подписки, увеличение капитала государственных предприятий производится методами бюджетного финансирования и кредитования. Незначительная доля этих средств выдается как субсидия, основная же масса предоставляется в качестве займов государства соответствующим ведомствам центрального правительства, которые выплачивают по ним процент. В частности Министерство железных дорог, которое имеет самостоятельный бюджет, выплачивает государству процент на капитал в форме консолидированного дивиденда, который с 1961/62 финансового года увеличен до 4,25% (до этого он был равен 4%). За период 1956—1961 гг. общая сумма консолидированного дивиденда, выплаченного железными дорогами, составила 2441 млн. рупий, а за десятилетие 1951—1961 гг. превысила 4 млрд. рупий¹⁴. Остальная часть чистой прибыли железных дорог

¹⁴ Включая консолидированный дивиденд железных дорог. «Report on currency and finance for the year 1960/61, Bombay, 1961, Statement 63.

отчислялась в фонд развития (в 1956—1961 гг. эти отчисления составили всего 766 млн. рупий) и в резервный фонд¹⁵.

Значительные доходы в период второго пятилетнего плана государство получало от деятельности национализированных финансово-кредитных учреждений, в частности Резервного банка, Государственного банка и Корпорации страхования жизни. В совокупности средств, полученных государством в форме процентов на капитал подведомственных предприятий и предоставленные займы, доходов всех государственных финансово-кредитных учреждений, корпораций и имуществ, отчислений от прибыли государственных компаний, а также использования средств из фондов развития, резервных и амортизационных¹⁶ всех предприятий и компаний государственного сектора (собственные средства госсектора, включая центр, штаты и местную администрацию), за десятилетие составили около 18,0 млрд. рупий.

За этот же период общие государственные расходы, связанные с расширенным воспроизводством государственного сектора экономики, а именно капитальные вложения и текущие экономические расходы центрального правительства, штатов и местной администрации, достигли 58,5 млрд. рупий¹⁷.

Приведенные данные позволяют сделать следующий общий вывод. Расширенное воспроизводство государственного сектора в Индии и происходящее на его основе развитие госкапитализма в стране в истекшем десятилетии обеспечивалось за счет собственных средств самого государства примерно на одну треть. На две трети оно обеспечивалось посредством использования заемных ресурсов, главным рычагом привлечения которых являлся государственный долг, который, по выражению К. Маркса, служит одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Таким образом, сочетание условий первоначального накопления и расширенного капиталистического воспроизводства, присущее нынешнему этапу экономического развития Индии, которое обусловило значительную роль государственного долга в экономике, представляет важную предпосылку государственного капитализма в современной Индии.

Более половины внутреннего государственного долга Индии приходится на долю долгосрочных облигационных займов, которые размещены среди банков, финансово-кредитных учреждений и индивидуальных держателей.

Посредством выпуска государственных облигаций осуществляется перераспределение ссудного капитала методами госкредита. Таким образом, использование облигационного государственного долга в целях накопления связано прежде всего с условиями расширенного воспроизводства и состоянием рынка ссудного капитала в стране. Этим обусловлено значение рынка ссудного капитала для государственного кредита и накопления капитала в госсекторе индийской экономики.

Реализация государственных внутренних займов осуществляется посредством подписки, а также операций Резервного банка с государственными ценными бумагами на открытом денежном рынке.

¹⁵ В период 1956—1961 гг. отчисления в резервный фонд не производились.
¹⁶ Эти средства рассматриваются в качестве одной из статей государственного кредита, но по существу они принадлежат государству и поэтому включаются здесь мною в общую сумму собственных средств государственного сектора.

¹⁷ Данные Плановой комиссии Индии.

В связи с этим значительное влияние на размеры кредитных ресурсов, ежегодно поступающих индийскому государству, оказывает состояние рынка ссудного капитала в стране, на котором обращаются государственные ценные бумаги.

Рынок государственных ценных бумаг в Индии

Влияние государственного кредита на рынок капитала определяется размерами перераспределения в пользу государства свободного ссудно-денежного капитала, которое осуществляется посредством рыночных операций с государственными ценными бумагами. Сумма перераспределения измеряется разницей поступлений от реализации облигаций государственных займов и платежей в счет их погашения. В годы первого и второго пятилетних планов совокупное сальдо перераспределения достигло 7478 млн. рупий, т. е. в среднем составляло 747,8 млн. рупий в год (табл. 4). Однако если исключить инвестиции в государственные облигации за счет средств от продажи американских сельскохозяйственных излишков по закону П. Л. 480, то сумма перераспределения будет составлять около 545 млн. рупий в год.

Таблица 4
Перераспределение ссудного капитала в пользу государства посредством рыночных операций с государственными ценными бумагами (млн. рупий)*

Год	Рыночные займы центрального правительства и штатов				в том числе сальдо от продажи государственных облигаций на рынке капитала (перераспределение)**	
	наличные поступления	сумма погашения	чистые поступления			
				I	II***	
1951/52	243	492	-249	-96	-96	
1952/53	158	29	129	334	334	
1953/54	604	639	-35	805	805	
1954/55	1607	500	1107	925	925	
1955/56	986	166	820	931	931	
Всего . . .	3598	1826	1772	2899	2899	
1956/57	1437	30	1407	706	706****	
1957/58	997	290	707	1133	-642****	
1958/59	2416	148	2268	1946	986****	
1959/60	2083	336	1747	1431	990****	
1960/61	1794	454	1340	-637	530	
Всего . . .	8727	1258	7469	4579	2570	

* «Reserve bank of India bulletin», March 1961, p. 329; April 1962, p. 507.

** Без штатов. Сальдо образуется как разница от суммы продажи и покупки государственных облигаций Резервным банком.

*** Без инвестиций за счет средств от продажи американских сельскохозяйственных излишков по закону П. Л. 480.

**** Оценка.

Рыночные займы играют существенную роль в государственном финансировании развивающейся национальной экономики Республики Индии. Тем не менее их значение в период второго пятилетнего плана сократилось. Если в 1951—1956 гг. чистые поступления за счет рыночных займов составляли в среднем 580 млн. рупий в год, то в 1956—1961 гг. они сократились (исключая средства фондов от реализации американских сельскохозяйственных излишков) до 510 млн. рупий в год¹⁸.

Основным эмитентом государственных ценных бумаг в Индии, участвующим в первоначальной подписке и последующих операциях по их продаже и покупке, является Резервный банк. Представляя промежуточное звено между государственной финансово-кредитной системой и частным денежным рынком, Резервный банк призван смягчать несоответствия и противоречия между ними, порождаемые стихийными колебаниями состояния денежного рынка. Значительное влияние на соотношение предложения и спроса на ссудный капитал в Индии оказывает, в частности, смена фаз коммерческого года, который делится на так называемый «деловой сезон» (с ноября до мая) и «период зстоя» (с мая по октябрь). В период оживления спрос на ссудный капитал, как правило, высок и происходит частичное изъятие вкладов из банков. Поэтому банки выбрасывают на рынок значительные массы государственных ценных бумаг. Напротив, в период зстоя наличие свободного денежного капитала обычно превышает спрос на ссудный капитал, вклады в банках значительно возрастают и банки предъявляют большой спрос на государственные облигации в целях инвестирования временно свободных фондов. Покупая государственные ценные бумаги в момент оживления деловой активности и продавая их в период зстоя, Резервный банк не только поддерживает курс, но и осуществляет их эмиссию в наиболее выгодных условиях.

Эмиссия государственных ценных бумаг на индийском денежном рынке производится не только за наличный расчет, но и в форме погашения займов с истекшим сроком в том случае, когда держателям облигаций прошлого займа выгодно бывает сразу же поместить освободившиеся денежные средства в облигации нового займа. Этим частично обусловлены периодичность выпуска новых государственных займов и процентная ставка по ним. Влияние, которое государственные займы оказывают на денежный рынок и размеры действительного перераспределения частного ссудного капитала, естественно, определяется лишь величиной наличных операций.

Основными покупателями государственных обязательств на рынке капитала в Индии являются коммерческие банки (в частности Государственный банк), государственная корпорация страхования жизни, сберегательные (пенсионные) фонды, инвестиционные и прочие тресты, наконец, индивидуальные держатели. Подавляющая часть реализованных на денежном рынке государственных займов находится у кредитных организаций, входящих в государственный сектор; их доля в оплаченной сумме облигационного государственного долга достигла в 1961 г. 68% общей суммы предоставленных государству заемных средств (табл. 5).

Из общей суммы государственных рыночных займов (центра и штатов), в размере 27 838,6 млн. рупий на конец марта 1961 г. на долю

¹⁸ «Reserve bank of India bulletin», April 1962, p. 508.

Резервного банка и прочих органов самого государства приходилось более 38%, доля коммерческих и кооперативных банков, акционерных компаний, инвестиционных трестов, а также коммерческого страхования составляла около 30%, наконец, страхования жизни, сберегательных фондов и отдельных лиц — 25%.

Таблица 5

Распределение государственных займов на рынке капитала
(март 1961 г.)

Держатели государственных ценных бумаг	Ценные бумаги центрального правительства (млн. рупий)	Ценные бумаги правительств штатов (млн. рупий)	Всего	
			млн. рупий	%
Центральное казначейство	35,1	—	35,1	0,1
Казначейства штатов	21 30,1	510,5	2 640,6	9,5
Местная администрация	5 05,0	107,0	612,0	2,2
Резервный банк:				
соств. счета	7 049,4	21,4	7 070,8	25,4
адм.сбер. счета	296,5	88,4	384,9	1,4
Итого	10 016,1	727,3	10 743,4	38,6
Коммерческие банки	4 322,2	1 305,1	5 627,3	20,2
Кооперативные банки *	171,2	212,2	383,4	1,4
Акционерные компании	255,4	102,1	357,5	1,3
Инвестиционные тресты **	1 583,4	231,5	1 814,9	6,5
Промышленные фин. кред. корпорации ***	5,5	42,6	48,1	0,2
Коммерческие страховые компании	81,7	17,9	99,6	0,3
Итого	6 419,4	1 911,4	8 330,8	29,9
Государственное страхование жизни	2 590,1	1 170,5	3 760,6	13,5
в том числе:				
государственная корпорация страхования жизни	2 438,5	1 131,2	3 569,7	12,9
корпорация страхования государственных служащих	151,6	39,3	190,9	0,6
Сберегательные фонды	2 170,3	5,2	2 175,5	7,8
в том числе:				
фонд служащих	806,3	3,9	810,2	2,9
фонд работников угольной промышленности	220,9	1,3	222,2	0,8
прочие	1 143,1	—	1 143,1	4,1
Частные лица	554,6	203,0	757,6	2,8
Иностранцы	342,3	1,0	343,3	1,2
Итого	5 657,3	1 379,7	7 037,0	25,3
Прочие	464,7	1 262,7	1 727,4	6,2
Всего	22 557,5	5 281,1	27 838,6	100

* Кооперативные банки штатов, центральные кооперативные банки и центральные банки земельной ипотеки.

** Включая общества взаимного кредитования, опекунические и доверительные фонды и т. д.

*** Только государственные.

Таким образом, структура рынка государственных ценных бумаг в современной Индии характеризуется следующими особенностями. Более 38% ресурсов, вложенных в облигации государственных займов, представляют средства, полученные путем вторичного перераспределения ссудного капитала между органами государственного казначейства и центральным банком (в том числе 15% — средства самого государства, которые следует исключать из суммы государственного долга), около 30% — средства, полученные путем первичного перераспределения ссудного капитала между казначейством и частными (а также государственными) компаниями и, наконец, около 25% — средства, полученные путем первоначальной мобилизации доходов и накоплений населения.

Срочность основной массы государственных рыночных займов в Индии (65%) не превышает 10 лет, большая часть из них (35%) имеет срочность 5 лет. В 1960/61 г. займы сроком 15 лет составляли всего 17% общего государственного рыночного долга. Долгосрочные государственные ценные бумаги сосредоточены в основном у сберегательных фондов (до 70% их активов), страховых компаний (51% активов) и промышленных финансовых корпораций (45% активов).

Займы со сроком погашения, не превышающим 10 лет, составляют значительные суммы в портфеле Резервного и прочих банков.

Существенной особенностью рынка государственных ценных бумаг в Индии является использование для инвестиций в государственные займы средств от реализации американских сельскохозяйственных излишков по закону П. Л. 480 и прочих депозитов по закону П. Л. 665, которые до 1960/61 г. находились в Государственном банке, а с мая 1960 г. переводятся в Резервный банк (ежемесячно в размере 120 млн. рупий). В период 1955—1961 гг. эти депозиты оказывали большое влияние на общую сумму поступлений от реализации государственных займов, хотя и не имели никакой связи с национальным денежным рынком. Операции Государственного банка по инвестированию указанных депозитов в период второго пятилетнего плана значительно превышали официальные данные об использовании национального ссудного капитала в целях государственного финансирования экономического развития.

Вследствие отмеченных особенностей структуры рынка государственных ценных бумаг поступления по займам государства подвержены влиянию многих факторов, сильно колеблются и не поддаются точному предварительному учету. Так, согласно первому пятилетнему плану использование государственных поступлений от рыночной эмиссии ценных бумаг в целях его финансирования должно было составить 1150 млн. рупий, а составило 1772 млн. рупий. В то же время действительная реализация государственных облигаций на частном денежном рынке и соответствующее перераспределение ссудного капитала в пользу государства достигло 2899 млн. рупий. Состояние денежного рынка Индии в период 1951—1956 гг. в первые годы определялось условиями промышленного бума, связанного, в частности, с влиянием последствий корейской авантюры американского империализма на состояние товарных рынков стран Юго-Восточной Азии. Следствием этого был повышенный спрос на частном рынке ссудного капитала и низкий уровень инвестиций в государственные ценные бумаги, сумма которых не превышала 330 млн. рупий в год. Начиная с 1953/54 г., однако, на индийском денежном рынке господствовали условия низкого спроса на ссудный капитал, банковские депозиты стре-

мительно росли; в результате ежегодные инвестиции в государственные ценные бумаги возросли до 930 млн. рупий.

В период второго пятилетнего плана использование государственных наличных поступлений от реализации рыночных займов в целях его финансирования предполагалось в размере 7000 млн. рупий, т. е. в среднем 1400 млн. рупий в год. Включая сумму погашения государственных займов в 1956—1961 гг. — около 1,2 млрд. рупий — спрос на рынке государственных ценных бумаг на денежный капитал должен был составлять 1640 млн. рупий в год. Действительный спрос, однако, в отмеченный период достигал 1745 млн. рупий в год, ежегодные же чистые поступления государственного бюджета от реализации рыночных займов выражались суммой 916 млн. рупий, в то время как действительная реализация государственных облигаций на денежном рынке и соответствующее перераспределение ссудного капитала составляли всего 510 млн. рупий. Государственные внутренние займы в сумме 738 млн. рупий в год покрывались в этот период инвестициями Государственного банка за счет средств из фонда от продажи американских сельскохозяйственных излишков, депонированных посольством США в указанном банке. Эти средства в дальнейшем частично передавались индийскому правительству в порядке субсидий. По состоянию на март 1961 г. задолженность Индии по этому фонду составляла 2400 млн. рупий, сумма же средств, переданных стране безвозмездно, равнялась около 1290 млн. рупий.

Период второго пятилетнего плана в Индии характеризовался застоем и спадом производства в крупнейших старых отраслях промышленности (хлопчатобумажной и джутовой), вызвавшими в 1958 г. замедление общих темпов экономического развития страны. Интересно в связи с этим проследить изменение состояния денежного рынка, сопутствовавшее отмеченному колебанию в накоплении промышленного капитала, выявить его влияние на государственную кредитную систему.

Прежде всего следует отметить резкое сокращение инвестиций в государственные ценные бумаги в 1956 и 1957 гг., т. е. в период, непосредственно предшествовавший спаду в хлопчатобумажной промышленности и замедлению общих темпов промышленного развития. С 1957/58 г. инвестиции за счет средств из эквивалентного фонда сильно искажают картину. В то время как в 1957 г. по всей видимости имело место изъятие средств, инвестированных в государственные ценные бумаги, официальная статистика показывает увеличение инвестиций в размере 1133 млн. рупий. В эти годы, характеризовавшиеся бумом в частнокапиталистическом секторе индийской экономики, спрос на ссудный капитал был крайне высок, размеры банковских ссуд частным компаниям, предоставленных за год, возрастали более чем на 1,5 млрд. рупий в год. В 1957/58 г., в частности, учитывая печальный опыт предшествующего года и напряженное положение на рынке ссудного капитала, большинство штатов вообще не решилось прибегнуть к эмиссии рыночных займов.

Застой в промышленности в 1958 г. и общий спад деловой активности в частнокапиталистическом секторе индийской экономики вызвали обилие незанятого денежного капитала на частном ссудном рынке. Годы 1958 и 1959 характеризуются значительным рыночным спросом на государственные ценные бумаги, реализация которых за два года превысила 3 млрд. рупий. Следует отметить, что основная часть спроса на государственные облигации в указанные годы предъ-

являлась коммерческими банками, сумма подписки которых с апреля 1958 г. по декабрь 1959 г. достигла 3,5 млрд. рупий¹⁹. В этих условиях Резервный банк получил возможность осуществить продажу государственных ценных бумаг на денежном рынке на сумму 2400 млн. рупий.

В 1959/60 и 1960/61 гг. в связи с подъемом в частнокапиталистической промышленности Индии, вызвавшим общий рост деловой активности и большой спрос на ссудный капитал (банковские ссуды частному сектору в эти годы увеличились соответственно на 1142 млн. и 2084 млн. рупий²⁰), произошло резкое сокращение инвестиций в государственные ценные бумаги и даже частичное изъятие ранее помещенных в них средств. Коммерческие банки выбросили на рынок в 1960/61 г. государственных облигаций на сумму 1270 млн. рупий, вынудив Резервный банк произвести соответствующую закупку и сократить эмиссию облигаций новых госзаймов.

Чтобы осуществлять реализацию новых рыночных займов по цене, близкой к номиналу, индийское государство вынуждено поддерживать высокий курс уже обращающихся на рынке облигаций прошлых государственных займов, а также устанавливать по вновь выпускаемым займам соответствующую условиям рынка процентную ставку. Общая динамика цен на денежном рынке Индии в истекшем десятилетии, если абстрагироваться от сезонных и прочих временных колебаний, характеризовалась тенденцией ссудного процента к повышению. Отражением этой тенденции явилось, в частности, повышение в мае 1957 г. учетного процента Резервного банка с 3,5 до 4%. Влияние указанной тенденции проявилось в значительном снижении цен на рынке государственных ценных бумаг на облигации займов, выпущенных в начале десятилетия с относительно низкой процентной ставкой, обычно не превышавшей 2,5—3% годовых. Так как преобладающая часть государственных займов, выпущенных до 1956/57 г. имеет процентную ставку менее 3,5, к моменту изменения Резервным банком учетной ставки и сразу после этого индекс цен государственных ценных бумаг упал до 90 (1950/51=100) по облигациям центрального правительства, до 95 по облигациям штатов (которые имели более высокую процентную ставку) и до 86 по облигациям муниципалитетов, портовых комитетов и прочей местной администрации. Для того чтобы стабилизировать курс займов, государство в период 1950—1960 гг. вынуждено было постоянно повышать фиксированную процентную ставку вновь выпускаемых облигаций. Если государственные займы, выпущенные в 1950/51 г. и ранее, имеют среднюю ставку процента от 2,5 до 2,75, то выпуски периода 1951—1956 гг. имеют ставку уже 3—3,25%, а после 1956/57 г. уже 3,5—4%.

Рыночные цены упомянутых государственных облигаций в 1956/57 г. достигали лишь 95—98% номинала. По другим государственным ценным бумагам цены были еще ниже, составляя 90—93% номинала.

Политика Резервного банка на рынке государственных ценных бумаг сводилась к подготовке благоприятных условий для успешного проведения эмиссии новых государственных займов, в частности к поддержанию такого курса ценных бумаг, который позволял осуществлять эмиссию по номиналу или с минимальной скидкой. Поэтому

банк выплачивал повышенный доход лишь по тем займам, погашение которых имело более или менее отдаленный срок. По облигациям госзаймов с истекающим сроком банк резко снижал сумму выплат. Так, например, по 4%-му займу с погашением в 1960—1970 гг. действительные выплаты в 1956/57 г. измерялись в 3,7%, а в 1960/61 г. — всего 1,67%, по 3,5%-му займу с погашением в 1961 г. соответственно в размере 3,68 и 3,45%. Тем не менее, рыночная цена облигаций упомянутых займов в 1960/61 г. ввиду наступившего периода погашения даже несколько превышала номинал.

В силу отмеченных особенностей рынка государственных ценных бумаг в Индии действительные расходы государства по «обслуживанию рыночного долга» превышали официальные предположения, зафиксированные в виде процентных ставок. Это превышение утяжеляло бремя государственного долга, ухудшая финансовое положение государства.

¹⁹ «Reserve bank of India bulletin», February 1960, p. 141.

²⁰ «Report on currency and finance for the year 1960/61», 1961, Statement 28.

И. И. Егоров

НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА В ИНДИИ (1951/52—1960/61)

Предыстория процесса накопления капитала в Индии, уходящая в колониальное прошлое страны, характеризуется разграблением национальных богатств, уродливым развитием местного капитализма. Преодоление хозяйственной отсталости страны и нищеты народных масс, необходимость противостоять давлению империализма в целях защиты и укрепления политической независимости и достижения экономической самостоятельности — таковы неотложные задачи, стоящие перед освободившимся от колониального ига государством. Решение этих задач предполагает ускоренное экономическое развитие Индии. Первостепенное значение в этой связи приобретают масштабы накопления капитала.

Размеры капиталистического накопления зависят от ряда социально-экономических факторов. Наследие колониального господства — отсталая структура экономики, преобладание мелкотоварного, малопродуктивного хозяйства в деревне и городе — предопределяет крайне ограниченный объем национального дохода и, следовательно, обуславливает узость базы капиталонакопления. Не менее важное значение для накопления имеет характер распределения национального дохода.

Несмотря на увеличение темпов экономического развития за два десятилетия, проявившееся в росте производительных расходов, личное потребление в Индии по-прежнему поглощало чрезвычайно высокую для развивающейся экономики долю совокупного общественного продукта.

В таких условиях процесс накопления имеет крайне ограниченный характер. Особенностью накопления капитала в Индии становится активное использование государством таких категорий, как государственный бюджет и государственный кредит, валютно-денежной и тарифной систем и т. п.

По данным Резервного банка¹, увеличение внутренних сбережений в основном наблюдалось с 1954/55 г. Именно этот год ознаменовался началом значительного экономического подъема в Индии — ростом промышленного производства и инвестиций, увеличением импорта капитального оборудования и т. п. За последние два года первого пятилетнего плана (1954/55—1955/56) внутренние сбережения возросли по сравнению с 1950/51 г. на 36% (по сравнению с предыду-

¹ Подсчеты сбережений и инвестиций в индийской экономике: 1950/51—1958/59 гг. «Reserve bank of India bulletin», Bombay, August 1961, pp. 1200—1213.

щим 1953/54 г. этот рост был еще больше). Однако в течение выполнения второго пятилетнего плана имело место не только отставание темпов роста внутренних накоплений против роста национального дохода, но даже их относительное падение. Причина этого заключается прежде всего в падении сельскохозяйственного производства в отдельные неурожайные годы, что неизбежно сказывалось на размере национального дохода, а следовательно, и на накоплении. В свою очередь недород вызывал спад промышленного производства. Особенно это ощущалось в двух ведущих отраслях — текстильной и джутовой, выпускающих почти половину промышленной продукции Индии. Сокращение внутренних сбережений объяснялось, кроме того, ростом непроизводительного потребления имущими классами, увеличением внеплановых расходов государства (например, в связи с возросшим втрое импортом продовольствия) и т. д.

Сбережения государственного сектора, именуемые в индийской печати как «собственные сбережения», представляют собой превышение доходов над расходами текущего бюджета центра и штатов. В данную категорию наряду с поступлениями от прибылей государственных предприятий входят различного рода государственные бюджетные доходы, в первую очередь налоговые. В 1950/51—1958/59 гг. доля сбережений государства составляла в среднем около 14%² общих сбережений в стране (см. таблицу). «Собственные сбережения» государственного сектора фактически осуществляются за счет перераспределения национального дохода в пользу государства через налоговую систему.

Таблица
Внутренние сбережения на 1950/51—1958/59 гг. (в ценах 1948/49 г.)*

	Сумма сбережений, млн. рупий									Процент к общим сбережениям за весь период	Процент к национальному доходу за весь период
	1950/51 г.	1951/52 г.	1952/53 г.	1953/54 г.	1954/55 г.	1955/56 г.	1956/57 г.	1957/58 г.	1958/59 г.		
Государственный сектор	870	1760	850	680	880	730	1250	1090	950	13,9	1,0
Отечественный корпоративный сектор	300	510	40	220	420	570	520	170	320	4,7	0,3
Мелкотоварный некорпоративный сектор	4740	2330	4750	4830	6010	8250	7890	6560	7750	81,4	5,8
в том числе:											
сельское хозяйство	1770	1780	1800	1970	1810	1840	2090	1960	2240	26,5	1,9
мелкая и кустарная промышленность	2970	550	2950	2860	4200	6410	5800	4600	5510	54,9	3,9
Всего	5910	4600	5640	5730	7310	9550	9660	7820	9020	100	7,1

* «Reserve bank of India bulletin», p. 1204.

² В 1951/52 г. удельный вес государственных сбережений в общей сумме сбережений достиг 38%, что явилось результатом увеличения государственных сборов в связи с оживлением внешней торговли. Рост экспорта обусловил удвоение таможенных поступлений.

Для характеристики структуры налогообложения следует отметить, что к концу второго пятилетнего плана (1960/61 г.) поступления от прямых и косвенных налогов в бюджете центрального правительства относились как 33 к 67.

Прямое обложение, относящееся к компетенции центрального правительства, претерпело большие изменения со времени введения подоходного налога (в 1860 г.). С развитием частного предпринимательства и в целом капиталистического способа производства выросло число облагаемых физических и юридических лиц, повысились ставки обложения, был учрежден ряд новых прямых налогов, в первую очередь корпоративный налог. Достигнув потолка в годы второй мировой войны, когда прямое обложение возросло главным образом за счет разбухших военных прибылей крупных отечественных и иностранных компаний, оно неуклонно снижалось в последующие годы в целях «поощрения предпринимательской инициативы», повышения темпов накопления в частном секторе. Наряду с общим ростом налоговых поступлений в течение первого пятилетнего плана, и особенно акцизов, абсолютные сборы от прямых налогов снизились. Усилия властей добиться увеличения налоговых поступлений в связи с резко возросшим уровнем намеченных инвестиций во втором пятилетии привело к известному росту прямого обложения. В результате снижения необлагаемого минимума подоходного налога с 4,2 тыс. рупий в год до 3 тыс. и повышения ставок прямого обложения, а также введения новых налогов, таких, как поимущественный налог, налог на расходы и дарения и т. п., сбор поступлений от прямых налогов во втором пятилетии увеличился на 62,8% (без учета роста цен). Однако в большей мере увеличение налоговых поступлений было достигнуто за счет повышения косвенного обложения, — в общей сложности на 90%.

В целом доля прямых налогов в центральном бюджете снизилась с 44% в 1950/51 г. до 36 и 33 соответственно в 1955/56 и 1960/61 гг.³

Что касается косвенного обложения, то в бюджете центрального правительства оно складывается в основном из таможенных пошлин и акцизов. Из таможенных налогов главную роль играют ввозные пошлины, которыми облагаются товары массового потребления, предметы роскоши, промышленное сырье и капитальное оборудование. Значение таможенных тарифов, в основном импортных, являвшихся одними из наиболее распространенных косвенных налогов в колониальный период⁴, все более падает в современной Индии. Это объясняется политикой ограничения импорта в целях экономии иностранной валюты, снижением импортных пошлин на капитальное оборудование и промышленное сырье для ускорения промышленного развития. Отчасти этому способствует сокращение экспортных пошлин в интересах поощрения индийского экспорта. За истекшие два пятилетия импортные пошлины повысились только на 36% (без учета роста цен во втором пятилетии). Экспортные поступления за это время упали в четыре раза.

Союзный акциз, которым согласно индийской конституции могут

³ Здесь следует отметить, что при существующей концентрации основных текущих доходов в центральном бюджете усиление роли штатов в выполнении пятилетних планов обуславливает выделение центральными властями в пользу штатов возрастающей доли прямых налогов, союзных акцизов и налога на железнодорожные тарифы. Так, например, отчисляемая из центрального бюджета доля прямых налогов, главным образом подоходного, составила в 1960/61 г. 32% против 26,9% в 1950/51 г.

⁴ В 1938/39 г. 53,9% общих налоговых поступлений центрального правительства.

облагаться все товары (за исключением спиртных напитков и наркотиков, облагаемых штатами), является в настоящее время крупнейшим из индийских налогов. К числу товаров, на которые распространяется тот или иной акциз, относятся в первую очередь промышленные товары широкого потребления, что ведет к повышению цен и сокращению потребления их населением. В последние годы второго пятилетия акцизами центрального правительства обложено более 30 видов товаров по сравнению с пятью в 1938/39 г. За 1950/51—1960/61 гг. сборы от центральных акцизов повысились почти в шесть раз. Таким образом, очевидно, что наблюдавшееся за это время изменение соотношения между таможенными пошлинами и акцизами с 69:31 в 1950/51 г. до 28:72 в 1960/61 г. вызывалось не столько упомянутыми мероприятиями индийского правительства в области таможенной политики, сколько опережающим ростом акцизного обложения. Важную роль в этом также сыграло увеличение промышленного производства в стране и в связи с этим значительное расширение сферы акцизного обложения. Следует учитывать, что таможенные пошлины в Индии, преследующие не только фискальные, но и протекционистские цели, в большей степени затрагивают интересы имущих классов (импортные пошлины)⁵, тогда как акцизное обложение особенно обременительно для широких трудящихся масс. Чрезвычайная обременительность акцизного обложения, вытекающая из недостаточного уровня промышленного развития и невысокой платежеспособности трудящихся Индии, усугубляется сравнительно низким уровнем товарно-денежных отношений в стране. Примерно треть валового национального продукта создается в крестьянском по сути дела полунатуральном хозяйстве и не опосредствована в сколько-нибудь существенных размерах товарно-денежными отношениями. В результате из 180 млн. самодеятельного населения страны примерно половина слабо связана с внутренним рынком⁶.

Кроме того, здесь следует упомянуть проводимую в стране политику льготного обложения продукции мелкой и кустарной промышленности (например, ручного ткачества). Практика налоговых льгот, направленная на поддержание указанных отраслей в интересах обеспечения большей занятости населения, в известной мере также ограничивает сферу акцизного обложения в Индии.

Аналогичная тенденция роста косвенных налогов наблюдалась и в бюджетах штатов. Во втором пятилетии при росте налога на торговлю более чем в 2,5 раза, поземельное обложение поднялось только на 41%⁷. Однако аналогия на этом кончается, поскольку поземельный налог в основном ложится на многомиллионные крестьянские массы. В этой связи обращает на себя внимание чрезвычайно малый удельный вес сельского хозяйства в доходах индийского казначейства. По свидетельству журнала «Коммерс», все сельскохозяйственные налоговые сборы (включая поземельный налог, поступления от ирригации и т. д.) составляли в 1955/56 г. лишь 2,7% всего сельскохозяйственного дохода, в 1960/61 г. они даже снизились до 2,1%⁸. В целом это объясняется весьма низкой производительностью сельского хо-

⁵ В колониальный период бремя импортных пошлин ложилось и на менее обеспеченные классы, поскольку в страну завозилось значительное количество товаров первой необходимости (например, дешевые ткани из Японии).

⁶ Н. Venkatasubbiah, *Indian economy since independence*, Bombay, 1961, p. 209.

⁷ «Reserve bank of India bulletin», October 1962, p. 1551.

⁸ «Commerce», Bombay, 15.IX.1962, p. 445.

зайства, а также сравнительно низким уровнем поземельного обложения помещичьих и крупных кулацких хозяйств. В бюджетах некоторых штатов в 1962/63 г. было намечено увеличение ставок поземельного налога. Таковы факторы, определяющие в значительной мере слабость налоговой базы в Индии.

Оправдывая политику усиления налогообложения в Индии, конгрессистские деятели заявляют, что рост налогообложения, обуславливающий относительное сокращение потребления в стране, необходим для увеличения уровня сбережений и инвестиций. При этом, согласно заверениям конгрессистов, зажиточным слоям общества надлежит нести большую долю бремени, а более бедные слои, внося свою долю на нужды развития, все в возрастающей степени должны пользоваться результатами развития. На деле структура налогообложения говорит об обратном.

О непомерной тяжести косвенных налогов свидетельствует то обстоятельство, что (по признанию исследовательского центра Индийских торговых палат) акцизное обложение в конце второго пятилетия достигло в стране предела, намеченного Налоговой комиссией 1954 г.⁹ Характерно, что в бюджете центрального правительства 1962/63 г. предусматривалось значительное повышение удельного веса прямых налогов в дополнительном налогообложении (до 38% против 5% в бюджетных оценках 1961/62 г.). В этом сказалась несомненная победа демократических сил Индии.

В результате неуклонного роста налогов их поступления в бюджетах центрального правительства и штатов возросли в 1960/61 г. до 9,5% национального дохода против 7,4% в 1951/52 г. В целом поступления текущего бюджета с 9% национального дохода в 1950/51 г. поднялись до 12% в 1960/61 г.¹⁰ Относительное уменьшение объема «собственных сбережений» государственного сектора во втором пятилетии¹¹ до 8,2% совокупных доходов сектора против 10,3% в первом пятилетии объясняется прежде всего ростом непроизводительных затрат на административные нужды, импорт продовольствия и т. п., а также расходов текущего бюджета на разного рода социальные и экономические цели. За период действия первого и второго пятилетних планов расходы в центральном бюджете, относящиеся к статье затрат на социально-экономическое развитие страны, возросли более чем в восемь раз. В то же время, например, расходы на армию увеличились на 72,5%¹².

Здесь необходимо отметить, что деление индийской бюджетной системы на текущий бюджет и бюджет капиталовложений не соответствует классификации бюджетных расходов на текущие и капитальные. В основном классификация сводится к непроизводительным и производительным расходам, включаемым в текущий, так и в бюджет капиталовложений. В этой связи значение налоговых поступлений в накоплении капитала особенно наглядно проявляется в финансовом обеспечении плановых расходов, осуществляемом главным образом через бюджет капиталовложений. За истекшие два пятилетних плана доля налоговых поступлений в общей сумме плановых расходов госу-

⁹ «Resources for the third five year plan», Bombay, 1961, p. 87.

¹⁰ «Economic survey of Asia and Far East, 1961», Bangkok, 1962, p. 88.

¹¹ Судя по первым трем годам второго пятилетия. «Economic survey of Asia and Far East, 1961», p. 87.

¹² «The economic weekly», New Delhi, 6.V.1962, p. 711.

дарственного сектора составляла 38 и 22% соответственно¹³. В третьем пятилетии доля налогов определена в 30% плановых ресурсов государственного сектора. Отчисления железных дорог, а также впервые выделенные в специальную статью отчисления других государственных предприятий намечены в 1, 3 и 6% соответственно.

В отличие от государственного сектора характер внутреннего накопления в частном секторе определяется в первую очередь многоукладностью индийской экономики, поскольку частный сектор включает как крупные акционерные компании, так и мелкокапиталистическое производство города и деревни, а также полунатуральное крестьянское хозяйство¹⁴.

Частный корпоративный сектор, представляющий зарегистрированные индийские акционерные компании, отличается наибольшей способностью к накоплению. По данным за 1950/51—1958/59 гг. (см. табл.), из общей суммы сбережений на отечественный корпоративный сектор в среднем приходилось 4,7%, тогда как его удельный вес в национальном доходе составляет менее 1%¹⁵. В течение периода осуществления первого и второго пятилетних планов доля сбережений в доходах корпоративного сектора (за вычетом налогов) достигала 37 и 32,4%¹⁶. Как видно из приведенной таблицы, собственные накопления сектора во втором пятилетии снизились в общей сумме накопления и относительно и абсолютно. В абсолютных показателях падение за 1956/57—1958/59 гг. составило 78% (в неизменных ценах). Причиной падения являлось прежде всего снижение деловой активности в некоторые годы: в 1957/58 г., например, из-за недорода в сельском хозяйстве.

Тем не менее даже в годы спада снижение «собственных сбережений» не сопровождалось сокращением распределенных прибылей. Согласно подсчетам Резервного банка, прибыли 1001 акционерной компании за 1955—1957 гг., распределенные в качестве дивидендов (после уплаты налогов), поднялись в сумме чистой прибыли с 57 до 75%¹⁷. В то же время уровень сбережений корпоративного сектора снизился с 6 до 2,2% общих сбережений страны.

Ссылки и сетования крупного бизнеса на то, что рост прямого обложения ограничивает инициативу к накоплению, противоречат фактам. Так, на основании выборочных данных о прибылях упомянутой 1001 компании видно, что за двухлетний период (1958—1959) эти компании увеличили свои чистые прибыли на 460 млн. рупий, тогда как повышение налога составило лишь 70 млн.

Следовательно, наблюдается та же картина относительно корпоративного сектора, что и вскрытая Налоговой комиссией в 1954 г., а

¹³ Величина налоговых поступлений в первом и втором пятилетних планах не вполне соизмерима, так как показатели первого плана включают отчисления железных дорог.

¹⁴ Упомянутые официальные подсчеты внутренних накоплений, предпринятые экономическим департаментом Резервного банка, не включают сбережений некорпоративного сектора в форме товарных запасов в сельском хозяйстве и торговле, вложений в натуральное производство (последние, как известно, вообще не представляют собой капиталистического накопления). Пропорция общих сбережений к национальному доходу, возможно, на 2% превышает показатели, приведенные в этом исследовании, если полностью принять во внимание неучтенные виды сбережений. «Reserve bank of India bulletin», August 1961, p. 1200.

¹⁵ «Economic survey of Asia and Far East, 1961», p. 87.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Цит. по журн.: «Capital», Calcutta, 28.VI.1962, p. 1030.

именно, величина нераспределенных прибылей, используемых в основном на накопление, и ее пропорция к общим прибылям определяется в большей мере объемом распределенных дивидендов и их ставками, нежели объемом и ставками налогообложения. К тому же, как известно, имущим классам, в том числе крупному капиталу — не только отечественному, но и иностранному, — для поощрения накопления предоставляется ряд преимуществ и льгот в прямом обложении: например, отменяются отдельные виды прямых налогов (налоги на имущество, на высокие дивиденды), устанавливается скидка на «развитие» и т. д. Следует также отметить, что сборы прямых налогов фактически ниже официально установленного уровня вследствие широко распространенной в Индии практики сокрытия прибылей, сокращения задолженности по подоходному налогу.

Рост капитала акционерных компаний в период выполнения второго пятилетнего плана происходил в большей мере за счет эмиссии акций и облигаций, привлечения государственного и иностранного кредитов. По данным Индийской торговой палаты, в общей сумме финансовых ресурсов 1001 частной компании в 1956/57 г. 68% приходилось на заемные средства¹⁸. По тем же данным (но для 75 компаний), доля заемных средств и собственных накоплений за 1951—1955 гг. составляла соответственно 40 и 60%.

Сектор мелкотоварных хозяйств города и деревни при максимальной величине внутренних накоплений (81,4%) характеризуется наименьшим уровнем накопления. Так, сектор сельских хозяйств, в котором производится две трети национального дохода, обеспечил за 1950/51—1958/59 гг. в среднем лишь 26,5% общих сбережений. Пропорция сбережений указанного сектора к общей сумме их доходов за два пятилетия составляла только 2,5 и 2,7% соответственно. Наблюдавшийся во втором пятилетии некоторый рост накопления сектора мелкотоварных хозяйств (до 6,7% национального дохода против 5,3% в первом пятилетии) объясняется главным образом повышением денежных сбережений состоятельных слоев городского населения. В основе этого роста, указывалось в исследовании Резервного банка «Распределение доходов в индийской экономике», лежит отчасти увеличение степени неравенства в распределении дохода¹⁹.

Анализ внутренних сбережений некорпоративного сектора показывает, что сбережения все еще в большей мере используются непроизводительно. Согласно данным Исследовательского совета прикладной экономики, производительное вложение этих накоплений в 1957/58 г. составило всего примерно 26%, тогда как на непроизводительные цели было затрачено свыше 74%²⁰ (покупка золота и товаров длительного пользования, аккумуляция сбережений в денежной форме). В 1958/59 г., по данным Резервного банка Индии, указанные показатели соответственно составили 36 и 64%²¹.

Вместе с тем следует отметить, что в общей сумме накоплений названного сектора доля сбережений в виде банковских депозитов, разного рода акций и облигаций увеличилась с 13,1% в 1950/51 г. до 36% в 1958/59 г., что сопровождалось сокращением доли сбережений в натуральной форме. Увеличение удельного веса сбережений

¹⁸ «Resources for the third five year plan», p. 26.

¹⁹ «Reserve bank of India bulletin», September 1962, p. 1363.

²⁰ «Savings in India», New Delhi, 1961, p. 45; «The economic weekly», Calcutta, 22.VI.1963, p. 1001.

²¹ В сопоставимых ценах. «Reserve bank of India bulletin», August 1961, p. 1205.

этого мелкокапиталистического и мелкотоварного секторов в виде вкладов во всевозможные ценные бумаги свидетельствует о растущем перераспределении созданного в нем чистого продукта в пользу государственного и частного корпоративного секторов. Это перераспределение, осуществляемое через кредитную систему, способствует в целом развитию капитализма в стране.

В какой мере кредитная система в Индии «превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов»²², можно видеть на примере развития государственного кредита.

Государственный кредит, являющийся главным источником поступлений бюджета капиталовложений, в первые годы независимости, включая период действия первого пятилетнего плана, развивался в основном за счет роста внутреннего облигационного долга. Всего за два пятилетия планирования внутренний долг центрального правительства увеличился с 24,7 млрд. рупий до 54,6 млрд., т. е. более чем в два раза. Наибольшую долю внутренней задолженности составляли долгосрочные и среднесрочные государственные займы. Тем не менее в период выполнения первого и второго пятилетних планов имело место существенное снижение доли указанных займов, что объясняется относительным ростом краткосрочных займов (казначейские векселя Резервного банка) и мелких сбережений населения, привлекаемых через государственные сберегательные кассы и сертификаты. На март 1961 г. они составили 20 и 18% соответственно. Увеличение удельного веса краткосрочных займов, а также наблюдающаяся в последнее время тенденция удорожания займов²³ ведет к повышению бюджетных расходов по долговым обязательствам.

Особенностью местного кредита является то, что основная масса заемных средств штатов обеспечивается посредством кредита центрального правительства правительству штатов. За 1951/52—1960/61 гг. удельный вес кредитов штатам увеличился с 63 до 75%²⁴. Собственные рыночные займы штатов, а также мелкие сбережения населения за это время увеличились с 0,581 млрд. в марте 1951 г. до 4,169 млрд. рупий в марте 1961 г. В силу того, что правительство центра является более сильным конкурентом на денежном рынке Индии по сравнению с правительствами штатов, последним приходится выпускать займы на более льготных для кредиторов условиях. Это, естественно, удорожает заемные операции штатов и усиливает их зависимость от кредитной политики центрального правительства. Кроме того, следует отметить, что кредитная автономия штатов ограничивается в правовом отношении. При наличии задолженности центральному правительству на выпуск какого-либо займа штатам требуется санкция центра.

Как явствует из финансовых показателей первого и второго пятилетних планов, за счет государственного кредита центра и штатов было покрыто в среднем около 25% плановых средств государственного сектора. Учитывая, что в общую сумму внутренних рыночных займов во втором пятилетии включены вложения из рупийных фондов, находящихся на счетах американской администрации в Индии, т. е. по сути дела иностранные займы, становится очевидно, что в течение действия

²² К. Маркс, *Капитал*, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 640.

²³ Например, до 1953 г. ставка государственных займов не превышала 3% годовых. В последующее время обычными становятся ставки 3,5—4% в зависимости от срочности займа.

²⁴ R. N. Bhargava, *Indian public finance*, London, 1962, p. 257.

второго пятилетнего плана доля государственного кредита в накоплении капитала снизилась против предыдущего. Одна из главных причин заключается в значительном росте цен за это время. В этих условиях различного рода имущество, ценные металлы и другие драгоценности представляются для вкладчиков более выгодным объектом вложения капитала, нежели ценные бумаги, имеющие к тому же сравнительно невысокую процентную ставку. Имеет значение также то, что частные коммерческие банки в известной мере являются конкурентами государству на денежном рынке. Они, например, выплачивают более высокий процент по вкладам в отличие от государственных сберегательных касс. В текущем пятилетнем плане за счет основных видов внутреннего кредита намечено получить 19% финансовых средств государственного сектора.

Основными государственными кредиторами в стране являются банковская система, центральный эмиссионный банк (Резервный банк Индии), государственная сберегательная система и различные учреждения типа страховых компаний и пенсионных фондов. Разветвленная система государственного кредита служит важным фактором развития госсектора, а следовательно, экономического развития страны в целом.

Перераспределение сбережений населения как в пользу государственного, так и частного корпоративного сектора происходит также посредством дефицитного финансирования. Инфляционные последствия дефицитного финансирования, вызываемые эмиссией денег без учета потребностей сферы обращения, зависят вместе с тем от ряда других факторов. К числу основных относятся такие, как темпы прироста промышленного и сельскохозяйственного производства, положение внешнеторгового баланса и наличие резервов и поступлений иностранной валюты. Не менее важен рост частных инвестиций, регулирующие мероприятия властей, и т. п. Из указанных моментов наличие инвалютных резервов, используемых для оплаты импортных расходов, смягчает инфляционные последствия при импорте потребительских товаров. В первом пятилетии рост сельскохозяйственного и промышленного производства в сочетании с использованием инвалютных средств на сумму в 1,98 млрд. рупий (в основном для импорта товаров потребления) нейтрализовали увеличение денежной массы в обращении, возросшей за это время на 9%, и способствовали поддержанию стабильных цен. Во втором пятилетии положение в корне изменилось. Резкое увеличение денежной массы (на 33%) в условиях неравномерного роста производства и возросшего импорта капитального оборудования привело к расстройству денежного обращения и повышению цен (в среднем на 30%), даже несмотря на почти полное использование инвалютных резервов (на 5,98 млрд. рупий). Тяжесть дефицитного финансирования тем более ощутима для индийской экономики и трудящихся масс, что треть экономики, как отмечалось выше, фактически находится вне сферы товарно-денежных отношений. Следовательно, это снижает возможности использования денежной и фискальной политики правительства для повышения темпов накопления в стране.

Как свидетельствуют показатели внутреннего накопления во втором пятилетии, инфляционные последствия дефицитного финансирования не благоприятствуют росту кредита, в первую очередь государственного, снижают размер экспортной выручки, удорожают стоимость строительства плановых объектов и т. д. Таким образом, можно признать, что использование дефицитного финансирования сверх определенных пределов затрудняет процесс накопления капитала в стране.

Для предотвращения инфляционного воздействия дефицитного финансирования на экономику страны его доля в финансовом обеспечении государственного сектора в третьем пятилетнем плане определена немногим более 7% против 21 в первом и втором планах. Однако уже в первом году третьего пятилетия среднегодовая норма дефицитного финансирования была существенно превышена. Это произошло из-за недостаточного прироста производства, особенно сельскохозяйственного, а также вследствие невыполнения бюджетных поступлений по государственному кредиту, как внутреннему (мелкие сбережения), так и внешнему (задержка в предоставлении обещанных займов капиталистическими странами).

Вследствие ограниченности внутренних накоплений в Индии, а также недостаточной эффективности мер по их изысканию и применению становится необходимым привлечение иностранного кредита и помощи. Кроме того, для реализации денежных накоплений прежде всего необходим дополнительный постоянный капитал. Как указывал К. Маркс: «Важнее всего при этом увеличение количества машин (орудий), сырья, вспомогательных материалов, так как все другие отрасли производства, куда они входят... должны лишь привести в движение больше труда, когда эти условия имеются налицо»²⁵. Отсутствие или слабость отраслей производства средств производства в Индии затрудняет процесс реализации накопленной стоимости. К тому же вторая фаза накопления, а именно: превращение денежного капитала в производительный, неизбежно протекает замедленно и даже разрывается во времени. Таким образом, необходимость внешней помощи вызывается также однобокой структурой индийской экономики с ее аграрно-сырьевой специализацией, отсутствием определенных технических навыков и знаний.

В связи с упором на индустриализацию страны потребность Индии в помощи извне в течение второго и третьего пятилетних планов особенно возрастает. Это обусловлено прежде всего резким увеличением импорта капитального оборудования, сырья и полуфабрикатов. Вместе с тем рост импорта сопровождался относительным, а порой и абсолютным падением экспорта. С 1950 по 1960 г. индийский экспорт снизился с 5,8 до 4,3% национального дохода²⁶. Наряду с внутренними причинами известную роль в падении экспорта Индии играл экономический спад в западных капиталистических странах (например, в 1957—1958 гг.). Что касается импорта, он возрос с 5,5% в 1950 г. до 11% национального дохода в 1957 г. Лишь последующее ограничение импорта в интересах экономии иностранной валюты позволило снизить его объем до 8,4% в 1958 г. и до 7,3% в 1959 и 1960 гг.

Сокращение стерлинговых ресурсов с 9,5 млрд. рупий в 1950 г. до 973 млн. на июнь 1962 г. представляло собой далеко не достаточную меру для покрытия внешнеторгового дефицита. Растущий в связи с этим дефицит платежного баланса, составивший за время действия второго плана 20,59 млрд. рупий (против 3,18 млрд. в первом плане), почти на 70% был покрыт различного рода внешними поступлениями, остальное — за счет расходования инвалютных резервов и изъятия средств из Международного валютного фонда.

Поступления иностранного капитала осуществлялись в виде госу-

²⁵ К. Маркс, *Теория накопления*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 26, ч. II, стр. 539.

²⁶ «Three-monthly economic review, India», London, № 43, 1962, p. 8.

дарственных кредитов и даров, займов различных международных организаций, а также в виде частных инвестиций. Особенностью внешней помощи явилось то, что иностранный капитал все в возрастающей степени направлялся главным образом в государственный сектор. В первом пятилетии удельный вес иностранной помощи равнялся 10% финансовых ресурсов государственного сектора, во втором достиг 23%. В третьем пятилетии иностранная помощь определена для государственного сектора в 22 млрд. рупий, что составляет почти 30% финансового обеспечения этого сектора. В целом в третьем пятилетии запланировано получить иностранной помощи в 32 млрд. рупий, из которых примерно 5 млрд.²⁷ составляют сумму платежей по внешним долговым обязательствам, срок погашения которых наступает в текущем пятилетии.

Последнее обстоятельство, несомненно, осложняет положение с платежным балансом, поскольку в третьем пятилетнем плане впервые за годы независимости имеет место падение поступлений по «невидимым» статьям (главным образом поступлений по внешним активам Индии, которые, как отмечалось, практически истощены во втором пятилетии). В 1961/62 г., несмотря на определенное сокращение внешнеторгового дефицита, состояние платежного баланса ухудшилось именно в результате сокращения «невидимых» поступлений. К тому же в третьем пятилетнем плане занижены потребности в иностранной валюте, которые определены в 20,3 млн. рупий.

Кроме того, из упомянутых выше 32 млрд. рупий около 3 млрд. предназначается для частного сектора.

Приток иностранного капитала в частный сектор осуществляется в форме долгосрочных частных инвестиций филиалам иностранных компаний, действующим в Индии, в виде долгосрочных вложений лицами иностранного происхождения в акции и облигации индийских акционерных компаний, а также долгосрочными займами частным компаниям из таких источников, как Международный банк реконструкции и развития, Экспортно-импортный банк. За годы независимости поступления иностранного капитала в частный сектор значительно уступали иностранной помощи государственному сектору. Если использованная часть только процентных иностранных займов государственному сектору за второе пятилетие составила 7,05 млрд. рупий, то чистый приток иностранного капитала в частный сектор с декабря 1955 г. по декабрь 1960 г. насчитывал лишь 2,34 млрд.²⁸

Включительно по 1959 г. частные иностранные инвестиции осуществлялись преимущественно путем реинвестиций нераспределенных прибылей соответствующих компаний. В 1954—1959 гг. реинвестиция в среднем составляла больше половины валового притока частного капитала. В 1960 г. в связи с улучшением условий для иностранных инвестиций (разрешение репатриации капитала и прибылей, устранение двойного обложения, гарантии на случай национализации и т. д.) приток иностранного капитала извне значительно усилился. По сравнению с 1959 г. частные инвестиции возросли в 1960 г. в 2,4 раза и осуществлялись главным образом в виде резко возросшего импорта машин, оборудования и пр. В то же время доля нераспределенных прибылей, со-

²⁷ Остальные 2 млрд. составляют удержания из рупийных ресурсов американской администрации по закону П. Л. 480, предназначенные для обеспечения «буферного» запаса продовольствия.

²⁸ «Explanatory memorandum on the budget of the central government for 1962—63», New Delhi, April 1962, p. 190; «Reserve Bank of India bulletin», October 1962, p. 1531.

хранившаяся примерно в прежнем объеме, насчитывала лишь 23%²⁹ общей суммы иностранных инвестиций. В абсолютном выражении частные инвестиции в 1960 г. возросли на 549 млн. рупий, составив на декабрь 1960 г. 5,66 млрд. По предварительным данным, в 1961 г. имеет место дальнейший рост частных иностранных инвестиций. В последнее время усиливается приток иностранного капитала в частный сектор из международных кредитных институтов. В декабре 1960 г. капиталовложения международных организаций насчитывали 1,24 млрд. рупий по сравнению с 27 млн. на декабрь 1955 г.³⁰

Обращает на себя внимание усиление притока американского капитала в частный сектор. С 1955 по 1960 г. американские инвестиции возросли с 369 млн. до 1,127 млрд. рупий, т. е. в три раза, тогда как британские увеличились лишь на 31%³¹. Тем не менее Англия сохраняет положение крупнейшего вкладчика капитала в частный сектор индийской экономики. На декабрь 1960 г. ее доля составляла 65% всех иностранных инвестиций (6,905 млрд. рупий), доля США — около 16%.

Характерно, что за годы независимости наблюдается определенное изменение целевого направления иностранного капитала в частном секторе. Заметно сокращается удельный вес иностранного частного капитала в традиционных сферах приложения: плантациях, джутовой, текстильной и других отраслях легкой промышленности. Вместе с тем если в 1948 г. в производстве машин, станков, металлов и металлоизделий было занято менее 4% частного иностранного капитала, то в 1960 г. эта доля возросла до 15%. За тот же период доля иностранного капитала, вложенного в плантации, сократилась с 20 до 14%.

Следует учитывать, что привлечение все в возрастающих размерах кредитов из капиталистических стран чревато неблагоприятными как экономическими, так и политическими последствиями. Достаточно, в частности, указать на резкое возрастание иностранной задолженности. Как уже отмечалось, в третьем пятилетии предстоит выплатить около 5 млрд. рупий в счет погашения внешних обязательств. Это составляет почти 16% общей суммы иностранной помощи, запланированной в третьем пятилетии в размере 32 млрд. рупий. Нельзя также недооценивать неуклонный рост на мировом капиталистическом рынке стоимости оборудования и машин, импортируемых в опромных количествах в слаборазвитые страны³².

Таким образом, в процессе расширенного воспроизводства и в результате усиления роли фискальной и кредитно-денежной системы в накоплении капитала фонд накопления в Индии за десятилетие планирования значительно увеличился. По данным Плановой комиссии, общие инвестиции государственного и частного секторов возросли с 5 млрд. рупий в начале первого пятилетнего плана примерно до 16 млрд. в конце второго, составив в 1960/61 г. 11% национального дохода против 6,3% в 1950/51 г. (в постоянных ценах).

Возросшая роль государства в аккумуляции и централизации капитала проявилась в том, что инвестиции в госсекторе возросли с 40% общей суммы в начале первого пятилетия до 50% в конце второго. Увеличение это тем более существенно, что, как отмечалось, собствен-

²⁹ «Reserve bank of India bulletin», October 1962, p. 1532.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid., pp. 1541—1542.

³² За 1960—1963 гг., например, мировые цены на машины и оборудование возросли на 10—20%, а в некоторых случаях даже на 30%.

ные внутренние сбережения государственного сектора во втором плане относительно снизились по сравнению с первым пятилетним планом.

Не менее важное значение для ускорения темпов накопления наряду с количественной его стороной имеет качественное использование денежного фонда накопления. За 1951/52—1960/61 гг. имело место определенное увеличение доли машин и оборудования в общих капиталовложениях за счет относительного сокращения инвестиций в строительство. Тем не менее структура капиталовложений в современной Индии характеризуется высоким удельным весом строительных работ — свыше 60% в 1960/61 г.³³

Увеличение органического состава капитала, способствующее, как известно, техническому прогрессу, служит одним из главных факторов ускоренного роста накопления. Тем не менее рост доли оборудования с 1950/51 по 1960/61 г. в целом был крайне незначителен — всего 3%, т. е. с 27 до 30% общих капиталовложений. Кроме того, подсчеты произведены на основе валовых капиталовложений. Сравнительно быстро происходил рост инвестиций в ключевых отраслях промышленности: цементной, химической, металлургической. Индекс роста основного капитала в указанных отраслях за 1951—1958 гг. составил 324, 373 и 492, соответственно (1951 г. = 100). Максимальное повышение доли капитального оборудования за это время произошло в металлургической промышленности (индекс 614)³⁴.

Из анализа динамики накопления капитала следует, что с приходом к власти национальной буржуазии в Индии изменились условия для повышения масштабов накопления. Изменились также условия для перелива капитала из частного в государственный сектор, из менее существенных — в важнейшие отрасли хозяйства. В целом произошло известное ускорение развития капитализма в стране.

Вместе с тем отмеченный уровень накопления в стране еще далеко не достаточен для быстрейшего преодоления экономической отсталости Индии. По вполне реальным подсчетам, приведенным в органе Национального конгресса — журнале «Экономик ревью», валовые капиталовложения в 1960/61 г. составили в Индии 16—17% совокупного общественного продукта, тогда как в Западной Германии и Японии эти капиталовложения достигали 29 и 24% соответственно³⁵. Для достижения важнейших экономических задач, намеченных в перспективах третьего пятилетнего плана, Индии необходимо существенным образом ускорить темпы накопления капитала.

³³ «Eastern economist», New Delhi, 9.III.1962, p. 648.

³⁴ «AICC economic review», New Delhi, 4.I.1962, p. 189.

³⁵ Соответствующие показатели для США и Англии составляли 18 и 15%. Цит. по журн.: «AICC economic review», 4.I.1962, p. 23.

А. П. Муранова

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КРЕДИТ В БИРМЕ (1948—1962)

Одна из острых проблем, унаследованных молодой суверенной республикой Бирманский Союз от колониального режима, — проблема сельскохозяйственного кредита.

Сельское хозяйство — основа экономики страны; крестьяне составляют подавляющую часть ее населения. Поэтому развитие сельскохозяйственного кредита непосредственно отражается не только на положении крестьянства, но и на развитии всего хозяйства. Изучение этого вопроса важно для понимания и выявления методов и форм эксплуатации крестьянства в сфере обращения. Он составляет неотъемлемую часть аграрно-крестьянского вопроса. Вместе с тем проблема сельскохозяйственного кредита гораздо шире, она тесно связана с другими экономическими проблемами (капиталонакопление, темпы развития экономики и т. д.).

В колониальный период характер и условия сельскохозяйственного кредита определялись социально-экономическими условиями, существовавшими в бирманской деревне. Засилье помещичьего землевладения, малоземелье и безземелье крестьян, кабальная аренда как главная форма крестьянского землепользования — вот что характеризовало аграрный строй колониальной Бирмы. Сельскохозяйственный кредит выступал как одно из важнейших орудий экономической эксплуатации Бирмы британскими империалистами, как ведущее звено в механизме ограбления страны и обескровливания ее экономики.

Источниками сельскохозяйственного кредита в колониальной Бирме служили ростовщический капитал, кредитная кооперация, банки и бюджет колониальных властей. Ведущая роль принадлежала ростовщикам. Накануне второй мировой войны на их долю приходилось 90% всего краткосрочного кредита. Во многих районах (Сандовей, Татон, Хантавади, Мьей, Таунгу и другие) ростовщик был единственным источником кредитования¹.

Особенностью ростовщичества в Бирме колониального периода было широкое распространение индийских ростовщиков, преимущественно четъяров. В конце 20-х годов они выдавали не менее 60% всех краткосрочных ссуд. Областью их особой активности была Нижняя Бирма; в конце 20-х годов там насчитывалось 1443 фирмы из 1660 четъярских фирм, действовавших по всей Бирме. В таких округах, как Хантавади и Таравади, четъяры господствовали безраздельно². Появление и

¹ «Report of the Burma provincial banking enquiry committee, 1929—30», Rangoon, 1930, vol. III, pp. 11—73 (далее — ВЕС).

² Ibid., vol. I, pp. 67, 74.

развитие индийского ростовщического капитала в Бирме было тесно связано с превращением ее в крупнейшего мирового поставщика риса³.

Местные ростовщики (бирманцы, араканцы, карены и др.), хотя и превосходили индийских ростовщиков численно, экономически были несравненно слабее. В 20—30-х годах их удельный вес в выдаче краткосрочных ссуд едва достигал 30%. Основным районом их операций была Верхняя Бирма, а в Нижней Бирме — округа Ситуэ, Сандовей и Мьей.

Для сельскохозяйственного кредита колониальной Бирмы был свойствен очень высокий уровень ростовщического процента, который по свидетельству официальной Банковской комиссии, превышал разорительные проценты, взимаемые ростовщиками Индии. «Ставки процента, обычные для Бирмы, являются исключительно высокими для Индии», — писали члены этой комиссии⁴. Величина ставки зависела от ряда обстоятельств: времени взятия ссуды, ее характера и размера, качества обеспечения, социально-экономического положения заемщика и наличия в деревне других источников кредита. При денежной ссуде ставка колебалась в пределах 12—100% годовых, при натуральной достигала 250—300%. Долгосрочный кредит выдавался на условии уплаты 18—20% в год, краткосрочный — из расчета 85—100%.

Для мелкого крестьянского хозяйства были характерны небольшие краткосрочные ссуды с очень высоким ростовщическим процентом (от 50—60 до 250—300% в год)⁵. Наиболее кабальными были натуральные ссуды зечжуге, которые обычно выдавались торговцами-ростовщиками, и полунатуральные ссуды сабапе. Сабапе брали, как правило, те, «кредитоспособность которых настолько мала, что обращающиеся к ссудам сабапе не имеют иного выхода. К несчастью, слишком многие земледельцы в Бирме находятся в этом бедственном положении»⁶.

По самым приблизительным подсчетам, путем взимания процента ростовщики выкачивали из деревни в конце 20-х годов не менее 100 млн. рупий в год, что составляло около четверти стоимости всей сельскохозяйственной продукции. Это означало, что ростовщический капитал присваивал подавляющую часть прибавочного продукта, лишая тем самым крестьян возможности производить накопления, обрекая хозяйство на простое воспроизводство, а крестьянскую семью на обнищание. Безусловно, не вся сумма доставалась ростовщикам, значительная ее часть переходила к английским монополиям, ссужавшим ростовщиков через банки, агентов и т. д.

Выплата ссуды и процентов по ней производилась одновременно с уплатой налогов и арендной платы, т. е. после сбора урожая. В результате этого крестьянин был вынужден расставаться с большей частью полученной продукции в тот период, когда цены стояли на самом низком уровне, и при этом терять не менее трети дохода. В этом и заключалась вся суть механизма ограбления деревни. Ростовщический капитал был важным элементом этого механизма, он непосредственно

³ Подробнее см.: А. П. Муранова, *Ростовщический капитал — орудие колониальной эксплуатации крестьянства в Бирме в 20—30-х гг. XIX в.*, — «Юго-Восточная Азия. Очерки экономики и истории», М., 1958.

⁴ ВЕС, vol. I, p. 63.

⁵ G. Harvey, *British rule in Burma*, London, 1946, p. 54; J. Andrus, *Burmese economic life*, Stanford, 1947, p. 81; U Tun Wai, *Burma's currency and credit*, Bombay, 1953, p. 96.

⁶ «Rice», Rangoon, 1948, p. 31.

участвовал в создании условий для выкачивания дешевого сырья из страны.

Ростовщический капитал выступал также как связующее звено между деревней и английскими монополиями. Во-первых, крупные ростовщики города и деревни кредитовались в английских банках (в Имперском банке Индии, банке Ллойда, банке Доусона) и обеспечивали средствами мелких и средних деревенских ростовщиков. Во-вторых, большая часть сельскохозяйственной продукции скупалась английскими компаниями и их агентами не у крестьян, а у помещиков и торговцев, являвшихся почти во всех случаях ростовщиками и нередко ставивших крестьянам условие при выдаче ссуды — продавать всю предназначенную к продаже продукцию только ему⁷.

Специфической чертой колониальной Бирмы являлось широкое распространение в стране индийского ростовщического капитала. В отличие от других стран, где доходы, получаемые ростовщиками, содействовали развитию национального капитала, ростовщики в Бирме, будучи преимущественно иностранными, вывозили свои доходы на родину — в Индию, способствуя тем самым развитию индийского национального капитала и обескровливая экономику Бирмы.

Капиталистические формы сельского кредита в колониальной Бирме находились в зачаточном состоянии.

Одним из капиталистических учреждений кредитования в деревне являлась сельскохозяйственная кооперация, возникшая в начале XX в. Но эти общества не играли сколько-нибудь серьезной роли в финансировании сельского хозяйства. Даже в период наибольшего подъема (в начале 20-х годов) кооперацией было охвачено ничтожное количество сельского населения (менее 5%), кооперативные общества были мелкими (по 20—30 членов) и слабыми в финансовом отношении (в 1925 г. на кооператив приходилось в среднем 900 рупий паевого капитала и 4,5 тыс. рупий оборотного). Кооперативы выдавали не более 3—4% общей суммы краткосрочных ссуд и взимали при этом довольно высокие проценты (15—18 в год). После мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., когда число кооперативных обществ в Бирме уменьшилось более чем в два раза, они выдавали только около 1% всей суммы краткосрочного кредита⁸.

В колониальной Бирме не было ипотечных банков, хотя некоторые коммерческие банки ссужали деньги крупным землевладельцам под залог земли. Непосредственным кредитованием сельского хозяйства занимались только два небольших банка, развернувших свою деятельность в Нижней Бирме, — английский банк Доусона (область Дельты) и бирманский банк У Рай Джо Тху (в Аракане). Удельный вес обоих банков в выдаче краткосрочных ссуд был невелик — не более 1,5—2%. Ставка процента колебалась в пределах 12—21% в год.

Кредитование из бюджетных средств колониальное правительство начало практиковать с конца XIX в. На основе Закона о займах для улучшения земли 1883 г. и Закона о займах земледельцам 1884 г. правительство выдавало ссуды из расчета 6,25% годовых. Эти займы носили больше политический характер, сея иллюзии «заботы» правительства о нуждах крестьянства, так как в среднем не превышали 1% общей суммы краткосрочных кредитов.

⁷ См. материалы Банковской комиссии, том III, стр. 12—73.

⁸ Подробнее о деятельности кооперативных обществ см. А. П. Муранова, *Кредитные сельскохозяйственные кооперативы в колониальной Бирме*, — «Аграрно-крестьянский вопрос в странах Юго-Восточной Азии», М., 1961.

Тяжелые условия сельскохозяйственного кредита приводили к тому, что взятие ссуды становилось для крестьян первым шагом к превращению в вечных должников. Уже в конце XIX в. долгами было опутано 20% земледельческого населения, в конце 20-х годов — 80, в конце 40-х — 90%. По подсчетам Банковской комиссии, общая сумма задолженности в конце 20-х годов равнялась 500—600 млн. рупий, что значительно превышало общую сумму стоимости всей годовой сельскохозяйственной продукции. В условиях господства в сельскохозяйственном кредите низших форм капитала указанная задолженность выступала как задолженность ростовщикам и образовывалась в результате начисления сложных процентов. Задолженность кооперативам в тот период не превышала 15 млн. рупий, правительству — 1,5 млн. рупий. Бремя задолженности не было одинаковым для различных категорий хозяйств: чем больше был участок земли, чем важнее хозяйство, тем меньше была тяжесть долга. Так, анализ задолженности 23 хозяйств округа Инсейн показывает, что в хозяйствах с земельным участком менее 15 акров краткосрочная задолженность в расчете на один акр (17,4 рупии) была в 1,7 раза больше, чем в хозяйстве с земельным владением более 100 акров (10,3 рупии), хотя средняя сумма долга на хозяйство в первой группе (133 рупии) была в 11 с лишним раз меньше, чем во второй группе (1500 рупий)⁹.

Итак, главными чертами сельскохозяйственного кредита в колониальной Бирме было засилье ростовщика, причем иностранного, индийского, слабое развитие капиталистических форм кредита, разорительно высокие проценты, выполнение ростовщическим капиталом роли связующего звена между деревней и английскими монополиями, использовавшими его в качестве средства ограбления бирманского народа.

С ликвидацией политического господства британского империализма создались новые условия для развития сельскохозяйственного кредита. Его функции качественно изменились: он стал служить интересам местной, бирманской буржуазии, стремящейся к утверждению капитализма в стране, к использованию кредита в качестве орудия капиталистического накопления.

В первые годы независимости особенно остро встала проблема финансирования сельского хозяйства, подорванного войной. Пришедшие к власти классы — буржуазия и помещики — пытались переложить на трудящихся все тяготы восстановительных работ. Но обнищавшим мелким производителям было не под силу производить сколько-нибудь значительные капиталовложения. Положение усугублялось нерешенностью аграрного вопроса, развернувшейся гражданской войной и сужением источников кредита. Последнее обстоятельство было связано с тем, что индийские ростовщики покинули Бирму в связи с японской оккупацией страны в 1941—1945 гг., а после войны так и не возобновили своих операций. Кредитные кооперативы и банк Доусона также резко сократили кредитование, занимаясь в основном сбором старых долгов.

В частном секторе сельскохозяйственного кредита чрезвычайно остро чувствовалась нехватка средств. Заменить индийских ростовщиков было очень трудно и сложно. Национальный капитал был еще недостаточно силен, чтобы полностью занять их место и играть в сельском кредите ведущую роль.

⁹ ВЕС, vol. II, pp. 38—65.

Потребности в краткосрочном кредите определялись в первой половине 50-х годов XX в. в размере 300 млн. ча¹⁰. Однако эта сумма занижена. Практически это не потребность в кредите, а лишь удовлетворенная часть потребностей. Бирманский экономист У Эй Хлайн считает, что эти оценки преуменьшают действительные потребности в ссудах. Он полагает, что ежегодные потребности в сезонных ссудах можно определить в 350 млн. ча¹¹.

Однако с его оценкой вряд ли можно согласиться.

Потребность бирманской деревни в краткосрочном кредите должна находиться в настоящее время на уровне не менее 600—700 млн. ча. В самом деле, если в конце 20-х годов она определялась в 200 млн. рупий, то с того времени номинальная сумма должна возрасти, хотя бы в связи с обесценением бумажных денег. Надо учесть также, что хозяйство было разрушено войной и это значительно повысило спрос на кредит. Во-вторых, выросло население Бирмы. А поскольку на потребительские расходы приходится большая часть ссуд, это должно было также привести к увеличению потребностей в ссудах. В результате повышения цен средняя крестьянская семья тратила в месяц в 1941 г. около 23 рупий, в 1957 г. — 138 ча¹². В-третьих, следует принимать во внимание развитие товарно-денежных отношений в стране, которое, несомненно, способствовало увеличению спроса на кредит.

Таким образом, с учетом всех изложенных выше обстоятельств можно определить общую сумму потребностей в краткосрочном кредите примерно в 600—700 млн. ча. Эта оценка близка к истине. Косвенным доказательством этого служит тот факт, что правительство Не Вина ассигновало из бюджета в 1963/64 г. 600 млн. ча для удовлетворения потребностей бирманской деревни в сезонном кредите. Следовательно, до последнего времени в отличие от довоенного периода потребности в кредите не удовлетворялись полностью.

Как и до второй мировой войны, крестьяне нуждались в ссудах как для ведения хозяйства, так и для прокормления семьи до нового урожая.

По данным, относящимся к 50-м годам, в начале сельскохозяйственного сезона свыше 95% крестьян не имели средств для покрытия расходов по обработке земли, около 30% не имели тяглового скота и вынуждены были нанимать его¹³. При обследовании в 1956 г. пяти деревень в округе Инсейн выявилось, что только небольшое число крестьян в состоянии отложить рис для пропитания до нового урожая, а большинство еле сводит концы с концами. Например, в деревне Ванекон, которая, как указывалось в отчете об обследовании, является типичной для Бирмы деревней, из 287 дворов только 10 были обеспечены продовольствием до нового урожая. Материалы сельскохозяйственной переписи 1954 г., касающиеся пяти деревень округа Инсейн, свидетельствуют о том, что всю сумму расходов по обработке земли или основную долю крестьяне покрывали за счет полученных кредитов (табл. 1).

¹⁰ До июля 1952 г. в Бирме имела хождение индийская денежная единица — рупия, в июле 1952 г. была введена бирманская денежная единица — ча. 1 ча = 1 рупия = 18,94 коп.

¹¹ U Aye Hlaing, *Some aspects of seasonal agricultural loans in Burma*, — «Economics research project. Economic paper Nos 14 and 21», Rangoon, 1958, p. 5.

¹² U Sein Win, *The agrarian problem in postwar Burma*, — «The Nation», Rangoon, 1.1.1958.

¹³ Ibid.

Таблица 1

Удельный вес ссуд в покрытии расходов *

Деревня	Сумма ссуд, ча	Хозяйственные расходы, ча	Удельный вес ссуд в хозяйственных расходах, %
Опо	19 710	28 930	68,1
Боншегон	9 930	10 000	99,3
Тадуган	9 130	7 250	100,0
Ванекон	34 960	32 480	100,0
Чунгале	94 820	90 850	100,0

* «Economics research project. Economic papers No 11 and 12, Village study series, 1: Okpo; 2: Wanetkon», Rangoon, 1957, pp. 28, 29, 91, 92; «Economic paper No 13. Village study series, 3: Kyungale», pp. 14, 16.

Меньший удельный вес ссуд в покрытии расходов в деревне Опо объясняется тем, что эта деревня является богатой, большая часть ее жителей занимается ткачеством и имеет поэтому больше возможностей для покрытия расходов из собственных ресурсов. «Доход от ткачества,— сообщалось в отчете об обследовании деревни Опо,— является важным и очень полезным дополнительным доходом для многих земледельцев, так как многие из них мелкие крестьяне, которые обрабатывают участки, удовлетворяющие только их потребительские расходы. Доход от ткачества используется для удовлетворения других потребностей»¹⁴.

Источниками сельскохозяйственного кредита в независимой Бирме до 1963 г. являлись ростовщики, государство и кооперативы. Ведущее место по-прежнему принадлежало ростовщическому капиталу. Однако по сравнению с колониальным периодом удельный вес его снизился до 70—80% общей суммы выданных ссуд. Это объясняется, во-первых, тем, что относительно слабый местный ростовщический капитал не мог удовлетворить возросший спрос, и, во-вторых, государство увеличило кредитование сельского хозяйства. О размерах ростовщических операций в деревне свидетельствуют следующие весьма красноречивые данные, собранные во время переписи 1954 г. в пяти деревнях Нижней Бирмы (табл. 2).

Учитывая, что заемные средства покрывали все или почти все хозяйственные расходы, становится ясно, какую роль играли ростовщики в экономической жизни деревни. При этом надо указать на такой важный факт, способствовавший укреплению позиций ростовщиков в деревне, как закрытие время от времени государственного кредита, когда накапливалась большая сумма невыплаченных государству ссуд. Так, авторы отчетов об обследовании сообщали, что Опо, Боншегон, Тадуган и Ванекон были лишены правительственного кредита с 1954 г., так как население в течение трех лет не возвращало правительству взятые ссуды.

¹⁴ «Economics research project. Economic papers No 11 and 12. Village study series, 1: Okpo, 2: Wanetkon», p. 89.

Таблица 2

Удельный вес ростовщиков в сельском кредите *

Деревня	Общая сумма выданных ссуд, ча	Ссуды, выданные ростовщиками, ча	Удельный вес ростовщических ссуд в общей сумме, %
Опо	19 710	13 160	66,8
Боншегон	9 930	8 260	83,1
Тадуган	9 130	6 610	70,2
Ванекон	34 960	23 220	66,4
Чунгале	94 820	50 180	52,9

* «Economics research project. Economic papers No 11 and 12. Village study series, 1: Okpo; 2: Wanetkon», pp. 29, 91; «Economic paper No 13. Village study series, 3: Kyungale», p. 16.

В независимой Бирме нет профессиональных ростовщиков, ростовщическими операциями занимались большей частью деревенские лавочники, помещики, зажиточные крестьяне.

Условия ростовщического кредита в Бирманском Союзе мало чем отличались от условий, существовавших в колониальный период. Вполне вероятно, что во многих случаях они были хуже. Во-первых, потому, что государственный кредит для большинства крестьян был недоступен, а ростовщический кредит ограничен. У Эй Хлайн писал, что «земледельцу очень трудно получить ссуду из частных источников»¹⁵. Во-вторых, потому, что Закон о ростовщиках, принятый в 1945 г. и вошедший в силу с ноября 1954 г., обязывал ростовщиков придерживаться установленного максимума процента (12% для ссуд с обеспечением, 18% для ссуд без обеспечения)¹⁶, и это их совершенно не устраивало. Поэтому крестьяне при получении ссуды соглашались на условия, выдвигаемые ростовщиком в обход закона, на что, в частности, указывалось в Политическом отчете ЦК Рабочей партии Бирмы первому съезду в декабре 1957 г.: «Закон о процентах на займы¹⁷ является фактически законом о регистрации всех ростовщиков и, таким образом, ограничивает их деятельность. Тем не менее, когда крестьяне берут деньги у помещиков, то делается это в обход закона. Именно поэтому по сравнению с довоенным временем проценты на займы еще больше повысились»¹⁸. Таким образом, закон о ростовщиках 1945 г. обернулся против крестьянства.

Именно такое положение наблюдалось до прихода к власти в независимой Бирме правительства Не Вина (март 1962 г.). Используя острую нужду мелких производителей в ссудах и свое монопольное

¹⁵ U Aye Hlaing, *Agrico-economic problems in Burma*, — «Economics research project. Economic paper Nos 14 and 21», p. 22.

¹⁶ Следует отметить, что ставки процента, установленные как максимум, намного выше, чем в Индии. Так, максимальная ставка процента по законодательству, принятому в Бихаре (1938 г.), равнялась 9 для ссуд с обеспечением и 12 для ссуд без обеспечения; в Пенджабе (1940 г.) — соответственно 7,5 и 12,5; в Уттар Прадеше (1940 г.) — 4,5 и 6; в Мадрасе (1938 г.) — 6,25 для ссуд с обеспечением или без него (А. И. Медовой, *Ростовщический капитал в сельском хозяйстве Индии*, М., 1961, стр. 183).

¹⁷ Имеется в виду Закон о ростовщиках (1945 г.).

¹⁸ «Политический отчет ЦК Рабочей партии Бирмы» (пер. с бирм.), Рангун, 1958.

положение, ростовщики выдавали кредиты на кабальных условиях. Это отметил в своей статье, посвященной итогам пятилетнего экономического развития Бирмы, бывший секретарь Министерства национального планирования У Ба Сейн. «Его (крестьянина.— Авт.) потребности становятся разнообразными и возрастают, но источники дохода остаются неизменными. Поэтому земледелец очень беден и является крепостным помещиков и ростовщиков»¹⁹.

Ставка процента, взимаемая ростовщиками, оставалась очень высокой. В официальном обзоре экономического положения Бирмы за 1954 г. подчеркивалось, что ростовщики обычно выдают суммы «из потрясающе разорительных процентов»²⁰. Мелкие производители уплачивали ростовщикам от 40 до 400% годовых²¹. Обследование нескольких деревень округа Инсейн показало, что средняя ставка процента по денежным ссудам составляет в деревне Ванекон 44,4, в деревне Тадуган — 56, в деревне Боншегон — 42 и только в деревне Опо, наиболее богатой и теснее связанной с городом, равняется 34²². Выборочное обследование 106 хозяйств округа Пегу (Нижняя Бирма), проведенное в 1959/60 г., выявило, что ростовщики взимают 36% годовых по денежным ссудам под залог золота, 48—60% по денежным ссудам без обеспечения²³.

По данным выборочного обследования 1534 хозяйств, проведенного в 1959/60 г. в 13 деревнях трех типичных районов засушливой зоны Верхней Бирмы (Чаусхе, Тази и Мьинджан), ростовщики выдавали ссуды из расчета 36% в год под залог золота или драгоценностей, из 72% годовых — без обеспечения. «Ставка в 10 процентов и более в месяц не является необычной...»²⁴. Почти 40% обследованных хозяйств этих районов получали ссуды по ставкам, равным 72% и выше в год²⁵. Ставки по натуральным ссудам еще более разорительны. Как правило, это широко распространенные еще в колониальный период ссуды зечжуге и сабапе. В отчете об обследовании деревень Опо, Боншегон и Тадуган указывалось, что «такого рода ссуды берут большей частью сельскохозяйственные рабочие и мелкие земледельцы»²⁶. В данных деревнях «обычной практикой является уплата 150 корзин падди за ссуду в 100 корзин падди, взятую на срок около 5 месяцев»²⁷. Это означает, что процент достигает 120 в год. В округе Пегу ростовщики взимают по натуральным ссудам 85—222% годовых²⁸. Бирманский журналист У Сейн Вин в одной из своих статей по сельскому хозяйству Бирмы писал: «Ставка процента при этой системе (имеются в виду ссуды сабапе.— Авт.) вызывает тревогу. Если крестьянин берет ссуду в 150 ча в мае, он платит в декабре 100 корзин падди...»²⁹. В этом

¹⁹ «Burma. The fifth anniversary», Rangoon, 1953, p. 2.

²⁰ «Economic survey of Burma, 1954», Rangoon, 1954, p. 38.

²¹ L. J. Walinsky, *Economic development in Burma, 1951—1960*, New York, 1962, p. 290.

²² «Economics research project. Economic papers No 11 and 12. Village study series, 1: Okpo, 2: Wanetkon», pp. 29, 91; «Economic paper No 13. Village study series, 3: Kyungale», p. 16.

²³ «The Guardian», Rangoon, 8.II.1963.

²⁴ «Second four-year plan for the Union of Burma (1961/62 to 1964/65)», Rangoon, 1961, p. 76.

²⁵ Ibid.

²⁶ «Economics research project. Economic papers No 11 and 12. Village study series, 1: Okpo, 2: Wanetkon», p. 29.

²⁷ Ibid.

²⁸ «The Guardian», 8.II.1963.

²⁹ U Sein Win, *The peasant problem. Agrarian development in postwar Burma*, — «Far Eastern economic review. Burma supplement», Hongkong, 17.III.1960, p. 599.

случае крестьянину приходилось уплачивать ростовщику свыше 200% годовых, если исходить из государственных закупочных цен, которые ниже средних рыночных цен. Если предположить, что ростовщики предоставляли ежегодно краткосрочные (на восемь месяцев) ссуды на общую сумму в 250 млн. ча и взимали как минимум 3—4% в месяц, то в этом случае только от выплаты заемщиками процентов по краткосрочным ссудам они получали примерно 60—80 млн. ча, что составляет более 3—4% общей стоимости валовой сельскохозяйственной продукции. Но в действительности дань, выплачиваемая бирманским крестьянством ростовщикам в виде процентов, гораздо выше, так как примерно 65—70% крестьян безземельны и малоземельны и в получаемых ими ссудах большой удельный вес занимали натуральные, наиболее кабальные ссуды. Бирманский экономист У Эй Хлайн подсчитал, сколько могли бы сэкономить крестьяне в своем хозяйстве, если бы имели возможность получать дешевый кредит. По данным переписи 1953 г., говорит У Эй Хлайн, правительственные ссуды выдавались в среднем из расчета 7% годовых, ростовщические денежные ссуды — из расчета около 48%, а ростовщические смешанные денежно-натуральные ссуды — из расчета около 60%. Самая минимальная потребность в ссуде одного крестьянского хозяйства в области Дельты составляет 300 ча в год. Если бы крестьянин мог получить всю сумму из расчета 7% годовых, он сэкономил бы около 120 ча. Чистый доход крестьянской семьи определяется в 400—500 ча в год. Следовательно, получив дешевую ссуду, крестьянин сэкономил бы 24—30% чистого дохода³⁰. Расчеты американского экономиста Валински привели к такому же выводу³¹. Они подтверждаются также данными выборочного обследования, проведенного в 1959/60 г. в округе Пегу. Доход крестьянина этого округа в расчете на душу населения (в среднем считали крестьянскую семью, состоящую из шести человек) составил в указанном году 197,3 ча. После уплаты долга и процентов по нему на душу населения оставалось приблизительно 105,9 ча. Это означает, что крестьянин отдал в уплату долга и процентов 46% валового дохода³².

Эти расчеты и выводы говорят о многом. В виде разорительного процента ростовщик забирает значительную часть прибавочного продукта, а иногда и весь. Препятствуя образованию накоплений в хозяйстве мелкого производителя, ростовщичество делало невозможным или затруднительным расширенное воспроизводство. В свете этих данных становится более понятно, почему сельское хозяйство Бирмы развивается столь медленными темпами. В 1960/61 г. сельскохозяйственное производство не достигло уровня 1938/39 г. (в 1947/48 г. — 76% объема, в 1960/61 г. — 98,7%)³³.

Именно высокой нормой ростовщической эксплуатации можно объяснить тот факт, что задолженность, частично списанная в первые годы после достижения независимости, стала снова возрастать в последующие годы. От разорительных ростовщических ссуд страдали в основном мелкие и средние крестьяне, хотя это не означает, что ростовщическая эксплуатация не затрагивала зажиточные хозяйства. Однако деревенская предпринимательская верхушка и помещики получили в

³⁰ U Aye Hlaing, *Some aspects of seasonal agricultural loans in Burma*, — «Economics research project...», pp. 7—8.

³¹ L. J. Walinsky, *Economic development in Burma, 1951—1960*, pp. 42—43.

³² «The Guardian», 8.II.1963.

³³ «Quarterly bulletin of statistics», Rangoon, 1959, first quarter, p. 157; 1962, first quarter, p. 154.

независимой Бирме большую возможность избегать ростовщического кредита, получая ссуды у государства.

Кредитование сельского хозяйства государством объективно способствует вытеснению ростовщика из сельского кредита, уменьшению нормы и сокращению сферы ростовщической эксплуатации. По сравнению с колониальным периодом удельный вес государственного кредита в общей сумме выдаваемых ссуд несравненно вырос и составлял в отдельные годы от 16 до 25%. До 1958/59 г. большая часть ссуд передавалась крестьянам через местные органы власти и кооперативы (табл. 3). Правительство, как правило, выдавало краткосрочные ссуды (под урожай) из расчета 6,25% годовых.

Таблица 3

Государственные кредиты
(млн. ча)*

Год	Общая сумма кредита	Местные органы власти				Государственный сель- скохозяйственный банк	
		по зако- ну о сель- скохозяй- ственных ссудах	по закону о ссудах на улуч- шение земли	арендато- рам зем- ли в го- судар- ственных имениях	коопера- тивам	через кооперативы	через сель- ские банки
1947/48	34,0	27,6	0,6	0,5	5,3	—	—
1948/49	9,6	8,1	0,2	—	1,3	—	—
1949/50	21,6	19,7	0,2	—	1,7	—	—
1950/51	34,7	29,4	0,4	0,7	4,2	—	—
1951/52	45,6	35,6	0,4	0,5	9,1	—	—
1952/53	55,1	40,4	0,1	0,7	13,9	—	—
1953/54	54,3	34,0	...	1,0	14,0	4,0	1,3
1954/55	52,2	26,9	...	0,9	11,9	8,7	3,8
1955/56	42,8	16,1	0,1	0,3	11,3	9,4	5,6
1956/57	48,3	18,1	...	0,3	11,0	10,4	8,5
1957/58	46,2	22,7	...	0,4	0,6	10,6	11,9
1958/59	55,9	26,9	...	...	...	—	29,0
1959/60	73,1	29,8	...	0,5	...	—	42,8
1960/61	60,9	...	...	...	...	—	...

* «Economic survey of Burma», Rangoon, annually, 1955—1961.

В июне 1953 г. был открыт Государственный сельскохозяйственный банк с объявленным капиталом в 50 млн. ча. Правительство предполагало превратить его в основной канал, через который направлялись бы в деревню государственные ссуды. Однако в дальнейшем правительство изменило планы и с 1956/57 г. поручило Государственному сельскохозяйственному банку лишь контролировать операции местных органов власти и кооперативов по выдаче государственных ссуд и приему сумм в погашение задолженности. В сентябре 1961 г. банк имел 25 отделений в различных округах страны и под его контролем находилось 2090 сельских банков³⁴. Сельские банки создаются и действуют под непосредственным контролем Государственного сельскохозяйственного банка, играют роль посредника между крестьянами и Государственным сельскохозяйственным банком и их основной функ-

³⁴ «Economic survey of the Union of Burma, 1961», Rangoon, 1961, pp. 75, 78.

цией является обеспечение «мобилизации ответственности на местах как в отношении отбора лиц, получающих ссуды, так и в целях погашения ссуд»³⁵. Сельские банки получают от государства кредит из 6% годовых и выдают ссуды из 12%.

С 1956/57 г. Государственный сельскохозяйственный банк выдает только краткосрочные сезонные ссуды на период сельскохозяйственных работ (апрель—ноябрь) из расчета 12% годовых.

Заемщики находятся под постоянным контролем чиновников банка, которые, прежде чем выдать ссуду, посещают хозяйство должника и требуют выплаты задолженности сразу же после сбора урожая. Ответственность за ссуду лежит как на крестьянине, так и на чиновнике банка.

Общая сумма ссуд, выданных правительством через различные каналы в 1948—1961 гг., показана в табл. 3.

Из таблицы видно, что общая сумма государственного кредита немалого увеличилась после того, как был открыт сельскохозяйственный банк.

Государственное кредитование при всех его положительных сторонах имело ряд недостатков, которые в значительной степени снижали его эффективность. Во-первых, правительственные ссуды покрывали только часть кредитных нужд деревни. Основная масса крестьян, как и раньше, полностью зависела от частного ростовщического кредита. Во-вторых, государство выдавало только сезонные ссуды, тогда как крестьяне остро нуждаются и в долгосрочном кредите для покупки скота, инвентаря и т. д. В-третьих, часто ссуды выдавались несвоевременно, с большим опозданием. Крестьяне, обычно остро нуждающиеся в деньгах в мае, не зная, получают ли они ссуду у правительства, шли к ростовщику и брали ссуды из высоких процентов. В-четвертых, львиная доля государственных кредитов попадала в руки деревенской верхушки. Было немало случаев злоупотреблений со стороны чиновников и влиятельных лиц при выдаче ссуд. У Сейн Вин сообщает, что насчитывалось несколько случаев, когда местные политические деятели прикарманивали сельскохозяйственные ссуды, которые они получали от имени крестьян, ничего об этих ссудах не знавших³⁶.

Американский экономист Валиноки также отмечает злоупотребления чиновников и местных политических боссов своей властью и влиянием. «На выдачу правительственных сельскохозяйственных ссуд, — пишет он, — оказывали сильное влияние политические убеждения, так как руководители местных отделений Антифашистской лиги народной свободы и крестьянской организации ходатайствовали перед чиновниками местной администрации за подателей заявлений о ссуде с тем, чтобы они выдали ссуду, и с тем, чтобы они были снисходительны в случае невыплаты ссуды»³⁷.

И все же расширение государственного кредита является, по утверждению бирманского автора, «наущной необходимостью, так как частные кредиторы уменьшили свои операции по сравнению с тем, что было раньше»³⁸. Увеличение правительственных ссуд стало одним из главных путей вытеснения ростовщика из сферы кредита, сужения

³⁵ «Economic survey of Burma, 1955», Rangoon, 1955, p. 43.

³⁶ U Sein Win, *The peasant problem. Agrarian development in postwar Burma*, — «Far Eastern economic review. Burma supplement», 17.III.1960, p. 599.

³⁷ L. J. Walinsky, *Economic development in Burma*, p. 290.

³⁸ U Aye Hlaing, *Agro-economic problems in Burma*, — «Economics research project. Economic paper Nos 14 and 21», p. 22.

сферы ростовщической эксплуатации, улучшения положения широких трудящихся масс деревни.

Нерешенность аграрного вопроса, чрезвычайная нищета крестьянства, ограбление деревни ростовщиками при ограниченности государственного кредита вели к систематическому увеличению крестьянской задолженности. Как уже говорилось, к моменту провозглашения независимости только 10% крестьян были свободны от долгов. Принятые с 1947 по 1954 г. законы о моратории сельскохозяйственных долгов и об облегчении задолженности в некоторой степени облегчили положение крестьян. Однако в дальнейшем снова начался рост задолженности. Сведения, собранные во время обследований, свидетельствуют о том, что долгами была опутана подавляющая часть крестьян. По данным обследования четырех округов Бирмы, из 10 770 крестьянских хозяйств 99% имели долги, причем удельный вес задолженности ростовщикам колебался от 52,7 до 83,3%. По данным обследования 106 хозяйств округа Пегу, 85,7% их были должниками, 49,3% из них были должны ростовщикам, 14,3 — правительству и 36,4 — ростовщикам и правительству³⁹. По данным переписи 1954 г., в деревне Ванекон должниками были все крестьяне, в Чунгале — 99%, в Тадуган — 96% и даже в зажиточной деревне Опо 92% крестьянских хозяйств имели постоянную задолженность⁴⁰.

Установить совокупную сумму крестьянской задолженности в Бирме невозможно. Оценок, даже самых приблизительных, не производилось. Судя по отдельным фактам, тяжесть задолженности не уменьшилась по сравнению с довоенным периодом. Так, в 1954 г. средняя постоянная задолженность на одно хозяйство составляла в деревне Опо 128 ча (менее 10% среднего дохода на хозяйство), в деревне Чунгале 374 ча (почти 40% дохода), в деревне Ванекон 225 ча (почти 30% дохода)⁴¹. О том, как мало у крестьянина было надежд освободиться от долгов и какого напряжения стоила ему попытка выплатить долг, можно судить по данным обследования в 1956 г. деревни Ванекон. Валовой доход всей деревни составлял 184 тыс. ча. Потребительские расходы жителей деревни исчислялись в 188 тыс. ча⁴². Таким образом, налицо дефицит в 4 тыс. ча, который мог быть покрыт только из заемных средств. Совершенно очевидно, что за этими общими данными скрывается нищета большей части населения деревни. Это подтверждается материалами того же обследования. Так, один из обследованных мелких крестьян обрабатывал 9 акров (надо сказать, что «в деревне всеобщим является мнение, что земледelec, имеющий участок даже в 15 акров, не может поддержать свое существование только за счет сельского хозяйства»⁴³), задолженность этого крестьянина составляла в том году 215 ча, урожай только 160 корзин падди, что в переводе на деньги (при условии продажи урожая по цене 280 ча за 100 корзин) равнялось 448 ча. Крестьянин должен был уплатить поземельный налог в сумме 25 ча, поденщику, нанятому им в период пересадки риса, — 60 ча и за наем одного вола — 70 ча. Таким образом, после

³⁹ «The Guardian», 8.II.1963.

⁴⁰ «Economics research project. Economic papers No 11 and 12. Village study series. 1: Okpo, 2: Wanetkon», pp. 30, 91; «Economic paper No 13. Village study series, 3: Kyungale», p. 16.

⁴¹ «Economics research project. Economic papers No 11 and 12...», p. 30, 91; «Economic research project. Economic paper No 13...», p. 16.

⁴² «Economics research project. Economic papers No 11 and 12. Village study series. 1: Okpo, 2: Wanetkon», pp. 110, 111.

⁴³ Ibid., p. 93.

всех выплат у него осталось 293 ча. Почти весь доход от продажи риса он отдал в уплату долга. Но этого было недостаточно, и он продал пару волов, чтобы погасить весь долг⁴⁴.

В данном случае не только прибавочный, но почти весь необходимый продукт был узурпирован ростовщиком. Надо думать, что только сильный нажим заимодавца мог заставить крестьянина расстаться с тягловой силой и с урожаем. Нетрудно понять, что избавление таким путем от задолженности снова привело крестьянина в кабалу к тому же ростовщику.

Второй обследованный в той же деревне крестьянин также обрабатывал 9 акров земли, которую он арендовал. Его задолженность равнялась 400 ча. Его урожай был хорошим и составил 270 корзин падди, или 756 ча. Он должен был выплатить 80 ча арендной платы и 60 ча поденщику. После этого у него осталось 616 ча, 100 корзин падди, или 280 ча, он отдал в уплату долга⁴⁵. Таким образом, оставшегося дохода едва хватит для пропитания семьи до нового урожая.

Выборочное обследование 1534 хозяйств в Верхней Бирме в 1959/60 г. установило, что общая сумма расходов составляла в среднем на хозяйство 1054 ча в год, а средний доход, включая дополнительные побочные приработки, «несколько ниже», что ведет, по утверждению составителей второго четырехлетнего плана, опубликовавших эти данные, «к увеличивающейся задолженности». Далее они заключают: «Если вышеизложенное верно для засушливой зоны, где сельскохозяйственная продукция, такая, как арахис, кунжут, красный перец, лук и т. д., продается по довольно высоким ценам, более чем в восемь раз превышающим довоенные, то можно легко представить себе, каков доход и каковы условия жизни в рисопроизводящих районах, где цены только в три раза превышают довоенный уровень»⁴⁶.

Задолженность была причиной обезземеливания крестьянства. Начиная с 1960 г. крестьяне ежегодно теряли за долги 150 тыс. акров земли, к 1963 г. в Бирме было 2 млн. безземельных крестьян.

Задолженность является неизбежным спутником нищеты и влечет за собой дальнейшую пауперизацию деревни.

Таким образом, в области сельскохозяйственного кредита в 1948—1962 гг. по сравнению с колониальным периодом произошли следующие изменения: уменьшился удельный вес ростовщичества в сельском кредите и увеличилась роль государственного кредита; изменился основной источник ростовщического кредита — до войны им был индийский ростовщик, после независимости им стал бирманский ростовщик; произошло качественное изменение функций ростовщиков — до завоевания страной независимости ростовщичество служило важным орудием эксплуатации крестьянства британским империализмом, ростовщики выступали связующим звеном между деревней и английским монополистическим капиталом, после завоевания независимости они стали служить интересам бирманской буржуазии и класса помещиков; прежде доходы от ростовщических операций переводились индийскими ростовщиками в Индию, после завоевания независимости доходы от ростовщических операций остаются внутри страны и образуют потенциальный источник для расширения кредита в производительных целях.

⁴⁴ Ibid., p. 94.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ «Second four-year plan for the Union of Burma», p. 76.

Однако ростовщическая эксплуатация оставалась важнейшим элементом экономической жизни бирманского крестьянства. Ее сфера не только сузилась, но главным образом за счет зажиточной деревенской верхушки, которая получила возможность пользоваться правительственным кредитом. Если в целом положение крестьян в независимой Бирме несколько улучшилось, а эксплуатация крестьян в сфере производства уменьшилась в результате расширения крестьянского землевладения, снижения арендной платы и гарантии арендных прав, то в сфере обращения эксплуатация деревни не только не уменьшилась, но в некоторых случаях даже усилилась. Норма ростовщической эксплуатации оставалась такой же высокой, как и в колониальный период. Если же учесть, что крестьяне теряли часть дохода как продавцы риса в результате установления государством крайне низких закупочных цен и как покупатели вследствие высокого удельного веса косвенного налогообложения, становится понятно, почему подавляющая масса крестьян бедствует и аграрный вопрос остается очень острым. Бирманский журналист У Сейн Вин писал в 1960 г.: «...экономическое положение земледельцев, производящих драгоценный рис, далеко от удовлетворительного. Изучение экономической жизни земледельцев показывает ужасное состояние нищеты и ухудшающихся жизненных условий... Земледельцы все еще работают в убыток, дополняя свой скудный доход за счет побочных занятий, и живут в условиях худших, чем до войны. Это происходит потому, что они не могут полностью использовать выгоды новых реформ; главная проблема сельскохозяйственного кредита остается нерешенной, и многие другие неблагоприятные факторы перевешивают преимущества, предоставляемые новым законодательством»⁴⁷.

Из всего этого следует, что политика правящих классов в области сельскохозяйственного кредита, в какие бы красивые и многообещающие фразы она ни облекалась, была направлена не на ослабление торгово-ростовщической эксплуатации трудящихся масс деревни, а на поддержку немногочисленной деревенской предпринимательской верхушки, т. е. на развитие земледельческого капитализма, на укрепление позиций бирманской буржуазии как класса.

Безусловно, ростовщические операции зажиточной части крестьян и помещиков-предпринимателей служили для них дополнительным источником накоплений, но удельный вес таких лиц был крайне невелик. Подавляющее большинство ростовщиков использовало доходы не для предпринимательства, а для расширения ростовщических операций, обрекало крестьянское хозяйство на простое воспроизводство, тормозило развитие земледелия.

Противоречия между потребностями страны в более быстром развитии и пережитками отсталых отношений, мешавшими продвижению страны по пути экономического и политического прогресса, обострялись на протяжении всего периода независимого развития Бирмы и в конечном итоге вели к обострению политической борьбы.

В марте 1962 г. произошел государственный переворот. Руководители Революционного Совета делают в настоящее время первые шаги на пути коренного изменения жизни бирманской деревни. Ликвидация помещичьего землевладения, организация безземельных и малоземельных крестьян в кооперативы, обеспечение крестьянства де-

шевым правительственным кредитом — таковы основные цели намеченных аграрных преобразований.

В октябре 1962 г. Революционный Совет образовал Комитет планирования аграрной революции и упорядочения кооперативов, которому поручено разработать план мероприятий в области аграрных отношений. В марте 1963 г. были приняты Закон о защите прав крестьян и Закон об аренде. В соответствии с первым законом никто не имеет права за долги отобрать у крестьянина обрабатываемую им землю, сельскохозяйственный инвентарь, скот и продукцию либо посадить его в тюрьму. Закон об аренде лишает помещиков права сдавать в аренду землю на своих условиях. Право сдавать землю передано земельному комитету, назначаемому правительством из представителей крестьян, сельскохозяйственных рабочих и властей. Оба указанных закона направлены на ограждение крестьян от произвола ростовщиков и помещиков и могут сыграть большую роль в улучшении положения трудящихся крестьян. Выделение из бюджета 600 млн. ча для удовлетворения потребностей крестьянства в кредите означает серьезный удар по позициям ростовщиков в деревне.

Проведение демократических аграрных реформ является необходимым условием осуществления глубоких социально-экономических преобразований в бирманской деревне и ускорения темпов развития сельскохозяйственного производства.

⁴⁷ U Sein Win, *The peasant problem. Agrarian development in postwar Burma*, «Far Eastern economic review. Burma supplement», 17.III.1960, pp. 598—599.

О. Н. Куликов

РОСТОВЩИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДОНЕЗИИ

Ростовщичество в Индонезии возникло задолго до установления в стране голландского колониального господства, появившись вместе с имущественной дифференциацией¹. Однако только при колониальном режиме оно достигло действительно огромных масштабов, глубоко проникнув в сельскохозяйственное производство, деревенское и городское ремесло и торговлю.

Колониализм создал в Индонезии благоприятные условия для функционирования ростовщического капитала и в своих интересах консервировал ростовщичество, сдерживая развитие исторически более прогрессивных форм капитала.

Искоренение ростовщичества, так же как и других пережитков феодализма и последствий господства империализма, является одной из важнейших задач, стоящих перед индонезийским народом, борющимся за последовательное доведение до конца своей антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции.

Вопрос о ростовщичестве в Индонезии непосредственно связан с проблемами всей индонезийской колониальной экономики, политикой колонизаторов и их методами эксплуатации страны.

В первый период господства голландских колонизаторов эксплуатацию индонезийского населения осуществляла голландская торговая Ост-Индская компания (XVII—XVIII вв.). Эта компания с помощью внеэкономического принуждения установила монополию на торговлю пряностями, обязала индонезийских крестьян отдавать компании значительную часть сельскохозяйственной продукции в виде земельного налога и принудительных поставок.

С конца XVIII по 70—80-е годы XIX в. колониальная эксплуатация Индонезии осуществлялась непосредственно «голландской короной» — голландским королевским правительством. Эта эксплуатация велась в основном на базе так называемой «системы принудительных культур», в которой сочетались ранее использовавшиеся Ост-Индской компанией методы эксплуатации с новыми, более изощренными, но также феодальными методами эксплуатации.

Питательной почвой для ростовщичества в индонезийском феодальном обществе того периода явилось усиление обнищания крестьянских масс, вызванное двойной (иностранной и местной) эксплуата-

¹ О развитии товарной торговли и функций денег в Индонезии в доколониальный период свидетельствуют, например, данные об импорте в XVI в. большого количества серебряных монет на Яву из Китая, Персии, Испании и Португалии, а также записки европейских купцов, посещавших торговые центры Индонезии.

цией. Развитию ростовщичества способствовало также дальнейшее, хотя и весьма замедленное, развитие товарно-денежных отношений, связанное с тем, что часть отбираемой у крестьянина продукции колонизаторы оплачивали (хотя и по чрезвычайно заниженным ценам) деньгами и в то же время облагали крестьянина различными налогами и сборами². В результате больше сельскохозяйственной продукции стало поступать на внутренний рынок. О развитии товарно-денежных отношений в Индонезии в период «системы принудительных культур» Фарниволл писал, что доставка крестьянской продукции на местные базары «привела к созданию новой группы людей, занимающихся перевозкой продуктов, а не их производством. Эти люди должны были покупать фураж, что создало рынок сои-бобов и маиса, которые выращивались как второй урожай на земле, отведенной для риса. Через этот рынок крестьянин-производитель увеличил свои денежные доходы...»³. Однако, хотя объективно «система принудительных культур» и вызвала некоторое развитие товарно-денежных отношений в индонезийской деревне, эти отношения подавлялись феодальными методами эксплуатации крестьян, что в конечном счете тормозило экономическое развитие страны и дальнейшее развитие внутреннего индонезийского рынка, вело к усилению колониальной феодально-ростовщической эксплуатации и еще большему обнищанию индонезийского крестьянства. Дело в том, что основную часть производимой крестьянином продукции поглощали колониальные и феодальные поборы; поступление денег в крестьянское хозяйство от поставок продукции колониальным властям было весьма ограниченным. В тех случаях, когда у крестьянина оставалась незначительная часть его продукции для продажи на внутреннем рынке, денежные доходы от ее реализации были очень малы. Ссылаясь на голландских экономистов Ван дер Колфа и Боека, американский экономист Дюи писала по этому поводу, что «... злоупотребление системой культур привело к тому, что крестьянин был задавлен тяжестью предъявляемых к нему требований, которые не давали ему денежной компенсации и оставляли ему слишком мало времени для того, чтобы с помощью своего труда и торговли что-нибудь заработать»⁴. В этих условиях индонезийский крестьянин был вынужден расширять источник получения денег для уплаты всех поборов и приобретения необходимых продуктов питания и одежды за счет ссуд единственно доступного для него кредитора — местного ростовщика. Таким образом, одним из следствий «системы принудительных культур» явилось определенное укрепление позиции ростовщика в индонезийской деревне и усиление ростовщической эксплуатации. Тем не менее, неограниченному росту ростовщической эксплуатации в тот период препятствовали такие факторы, как крестьянская община, наличие натурального хозяйства, отсутствие практики покупки и продажи земли.

К концу 70-х годов XIX в. «система принудительных культур», являвшаяся системой монопольной эксплуатации Индонезии голландским

² При введении «системы принудительных культур» предполагалось, что крестьяне, на которых будет распространяться «система», подлежат освобождению от уплаты земельного налога. Однако практически «система принудительных культур» и система земельного налогообложения совмещались (W. F. Wertheim, *Indonesian Society in Transition: a study of Social Change*, The Hague, 1956, p. 60).

³ J. S. Furnivall, *Netherland India: a study of plural economy*, Cambridge, 1939, pp. 135—136.

⁴ A. G. Dewey, *Peasant marketing in Java*, New York, 1962, p. 195.

правительством, стала противоречить интересам разбогатевшей и окрепшей голландской буржуазии, требовавшей, чтобы голландскому частному капиталу были предоставлены большие возможности эксплуатации Индонезии. Голландское правительство приняло ряд законов (в том числе и аграрный закон 1870 г.), отменивших «систему принудительных культур» и создавших в Индонезии благоприятные условия для предпринимательской деятельности голландского частного капитала.

В результате этих реформ голландский частный капитал получил широкие возможности приобретать землю и производить коммерческие операции с землей, расширять практику использования наемной рабочей силы и сферы товарно-денежных отношений. Методы колониальной эксплуатации в Индонезии стали более многообразными.

Превращение феодальной колониальной экономики Индонезии в полуфеодальную усилило степень ростовщической эксплуатации индонезийских трудящихся, так как этот процесс означал развитие денежных отношений в деревне, имущественную дифференциацию крестьянства и разложение крестьянской общины при сохранении феодальных пережитков.

Указанный процесс в Индонезии начался с усиления денежного налогообложения крестьян и массового захвата крестьянской земли иностранным капиталом.

Захват иностранцами индонезийских земель происходил в различных формах, в том числе в форме сдачи крестьянами в многолетнюю аренду своей земли иностранным предпринимателям, создававшим крупные плантации. Задавленные налогами и долгами, крестьяне сдавали свою землю на чрезвычайно невыгодных для себя условиях. В целом перед второй мировой войной иностранный капитал владел в Индонезии 22,3% всей обрабатываемой площади⁵. Однако эти данные не полностью отражают степень концентрации земли в руках иностранного капитала, так как зачастую иностранные плантаторы заключали контракты с целыми деревнями на засев принадлежавшей крестьянам земли определенной культурой с тем, чтобы затем вся продукция с этой земли поступала в распоряжение плантаторов. Таким образом, хотя номинально крестьяне все еще оставались собственниками своей земли, фактически земля им уже не принадлежала.

Аграрный закон 1870 г. открыл путь к захвату крестьянских земель не только колонизаторами, но и местными феодалами, кулаками, торговцами-ростовщиками. Перед второй мировой войной феодалам-помещикам принадлежало на Яве 7%, а во Внешних провинциях 62% всех обрабатываемых земель⁶. В целом на долю феодально-помещичьей и иностранной собственности в колониальной Индонезии приходилась по меньшей мере половина всей земли⁷.

Процесс обезземеливания крестьянства, дробления и измельчания крестьянских хозяйств, усугубляемый растущим аграрным перенаселением, происходил в индонезийской деревне постоянно. В 1940—

⁵ Ю. А. Сотников, *Индонезия*, — «Аграрные отношения в странах Востока», М., 1958, стр. 295. По данным А. А. Губера, в 30-х годах XX в. иностранному капиталу принадлежало около 30% всех обрабатываемых земель Индонезии (см.: А. А. Губер, *Индонезия. Социально-экономические очерки*, М., 1933, стр. 167).

⁶ Ю. А. Сотников, *Индонезия*, — «Аграрные отношения в странах Востока», стр. 925.

⁷ «Аграрно-крестьянский вопрос в суверенных слаборазвитых странах Азии», М., 1961, стр. 58.

1941 гг. на Яве и Мадуре 9 млн. крестьян имели в среднем по 0,84 га на каждое крестьянское хозяйство. В то же время 119 крупнейших землевладельцев владели около 488 тыс. га земли, т. е. каждый из них был собственником в среднем свыше 4 тыс. га, а 848 менее крупных землевладельцев владели 580 тыс. га, т. е. каждый из них являлся собственником около 700 га земли⁸.

Концентрация земли в руках крупных иностранных и местных землевладельцев привела к тому, что основной чертой индонезийской деревни стало острое безземелье и малоземелье. Другими словами, в индонезийской деревне создалось такое положение, при котором непосредственный производитель материальных благ был лишен основного средства производства и источника существования — земли. В этих условиях земля превратилась в орудие жестокой эксплуатации, в том числе и ростовщической. В колониальной Индонезии не менее 35% всего крестьянского населения составляли арендаторы-издольщики⁹, отдававшие землевладельцу часто до четырех пятых собранного урожая¹⁰.

Многочисленность колониальной экономики Индонезии, сочетавшей феодальные, полуфеодальные и капиталистические отношения, явилась для ростовщиков благодатной почвой для неограниченной эксплуатации индонезийского народа, особенно крестьянства. Усиленное колонизаторами денежное налогообложение¹¹ поставило крестьянина перед необходимостью любыми путями изыскивать деньги как платежные средства. Однако крестьянин не мог получить необходимое для уплаты налогов количество денег за счет производимой им продукции, так как значительная часть этой продукции поглощалась землевладельцем в форме ренты, а оставшая часть продукции была слишком мала, чтобы крестьянин смог уплатить налоги, прокормить семью и обеспечить процесс воспроизводства в своем хозяйстве. Нехватка денег в крестьянском хозяйстве усиливалась также и тем, что продукция этого хозяйства приобретала форму товара не в руках крестьянина-производителя, а в руках помещиков, торговцев, ростовщиков.

В таких условиях значительно возрос спрос индонезийского крестьянина на денежную ссуду как на одно из необходимых условий возобновления процесса производства в своем хозяйстве, уплаты налогов, погашения задолженности по денежной или натуральной ссуде, а в некоторых случаях и ренты в денежной форме.

Однако предложение денег в ссуду крестьянству в колониальной Индонезии было ограниченным. Это объясняется отсталостью и полуфеодальным характером экономики, ограблением страны колонизаторами, слабостью национального капитала, что выражалось в отсутствии национального ссудного капитала и национальной кредитно-банковской системы, а также нежеланием (по политическим и экономическим причинам) колонизаторов обеспечить финансирование индонезийской деревни.

Единственно доступным для крестьянина источником денежной ссуды являлся ростовщик. Но и местный ростовщический капитал, несмотря на свое развитие, не мог удовлетворить полностью опромные

⁸ В. Я. Васильева, *Распад колониальной системы империализма*, М., 1958, стр. 145.

⁹ Д. Беклешов, *Индонезия. Экономика и внешняя торговля*, М., 1956, стр. 50.

Е. Н. Jacoby, *Agrarian unrest in South-East Asia*, New York, p. 38.

¹⁰ А. А. Губер, *Индонезия. Социально-экономические очерки*, стр. 212.

¹¹ За период с 1894 по 1926 г. общая сумма земельного налога в Индонезии увеличилась почти в два раза, а с 1926 по 1940 г. — в 3,5 раза (см.: «Аграрные отношения в странах Востока», стр. 320).

потребности крестьянства в кредите, тем более что отсутствовал перелив ростовщического капитала из одного района в другой.

Недостаточное предложение денег в ссуду при огромном спросе на них определило монопольное положение ростовщика как кредитора и кабальную зависимость от него крестьянина, что и дало возможность ростовщикам взимать по своим ссудам чрезвычайно высокие проценты. Полученная крестьянином у ростовщика денежная ссуда никогда не выступала в форме капитала, что объясняется спецификой назначения (платежное средство) денежной ссуды и огромным процентом, взимаемым ростовщиками с заемщиков: ростовщический процент поглощал не только прибавочный, но и часть необходимого продукта крестьянина. По имеющимся данным, ростовщический процент в индонезийской деревне составлял 200—400% годовых¹².

Указанный размер ростовщического процента не был чем-то вроде «преобладавшей рыночной процентной ставки». Дело в том, что на рынке ростовщического капитала нет преобладающей рыночной процентной ставки, которая, например, существует на рынках ссудных капиталов; ростовщический процент, как правило, характеризуется чрезвычайно большой пестротой. В условиях изоляции деревни, отсутствия перелива ростовщических капиталов из одного района в другой, монопольного положения ростовщика как кредитора размер ростовщического процента в каждом конкретном случае определялся такими факторами, как социально-экономическое положение заемщика и степень его зависимости от денежной ссуды и от ростовщика, размер и срок ссуды, условия обеспечения и вид обеспечения ссуды. Колебания ростовщического процента зависели также от политических и экономических событий в том или ином районе страны в данный период и от времени года, от фазы цикла сельскохозяйственного производства и срока уплаты налогов и др.

Как правило, взаимосвязь между сроком и размером ссуды, с одной стороны, и уровнем процента, с другой — имела характер обратной пропорциональной зависимости, т. е. чем краткосрочнее ссуда и чем меньше ее размер, тем выше процент. Так, по небольшим ссудам ростовщики взимали более 5% в сутки (свыше 1800% годовых), 10—25% в месяц (120—300% годовых) и до 100% за ссуду, выданную всего лишь на несколько месяцев¹³. Очень высокий процент по наиболее краткосрочным и мелким ссудам объясняется тем, что такого рода ссуды обычно выдавались без залога и что к таким кредитам прибегало в основном беднейшее крестьянство. В то же время ростовщики рассматривали такого рода ссуду как эффективный путь своего обогащения. Беднейшее крестьянство, составлявшее подавляющую часть крестьянского населения Индонезии и являвшееся основным клиентом ростовщиков, пользовалось, как правило, краткосрочными мелкими ссудами¹⁴. Мелкая ссуда, взятая крестьянином на короткий срок, обычно превращалась в крупную и хроническую задолженность крестьяни-

¹² А. А. Губер, *Индонезия. Социально-экономические очерки*, стр. 183.

¹³ Там же, стр. 184; A. Vandenbosch, *The Dutch East Indies: its government, problems and politics*, London, 1941, p. 270. «Аграрно-крестьянский вопрос в суверенных слаборазвитых странах Азии», стр. 85.

¹⁴ Понятие «краткосрочная мелкая ссуда» в данном случае является весьма относительным. Во-первых, само хозяйство индонезийского крестьянина было чрезвычайно мелким, и объем производства этого хозяйства был небольшим. В связи с этим, используя кредит как средство для уплаты налогов и возобновления процесса производства, крестьянин брал у ростовщиков ссуду, которая сама по себе была мелкой, но относительно объема производства заемщика и его имущественного положения

на ростовщику. В таком случае ростовщик при меньшем капитале и с меньшим риском вполне успешно добивался той же самой цели (закабаления заемщика), которой он мог бы достичь с помощью крупной ссуды. Как правило, акт выдачи ростовщиком ссуды не регистрировался и письменно не оформлялся, что объяснялось как неграмотностью крестьян, так и отсутствием в этом необходимости для ростовщика.

Выдавая крестьянам небольшие ссуды даже без залога, ростовщик ничем не рисковал, так как ссуды он выдавал только тем крестьянам, которых знал, и под гарантию третьих лиц. В значительной мере ростовщическая ссуда гарантировалась и крестьянской общиной¹⁵. Ростовщики, как правило, имели возможность использовать против неплательщиков экономические санкции, которые означали для крестьянина-заемщика окончательное разорение и голод.

Некоторые буржуазные экономисты, как известно, объясняют высокий уровень ростовщических процентов якобы частыми случаями несвоевременной выплаты или вообще невыплаты долгов заемщиком. В связи с чем ростовщики вынуждены компенсировать кредитный риск высокими процентными ставками. Это мнение ошибочно, так как именно высокий ростовщический процент являлся причиной так называемых «невыполнений» крестьянином своих кредитных обязательств перед ростовщиком. Чрезмерно высокий размер первоначально (при выдаче ссуды) предусмотренного ростовщиком процента дает основания считать, что ростовщик уже в самом начале своей ссудной операции знал, что заемщик не сможет полностью и своевременно выплатить этот процент. Практически ссудная ростовщическая операция предполагала не погашение заемщиком по истечении срока ссуды своей задолженности (ссуда плюс проценты), что для заемщика было, как правило, не под силу, а возникновение у заемщика хронической задолженности и в результате этого длительную, в большинстве случаев постоянную кабальную эксплуатацию заемщика. Именно эта кабала являлась «платой» крестьянина за ростовщическую ссуду, и эту «плату» ростовщик получал.

Высокие проценты являлись для ростовщика средством достижения цели — закабаления заемщика, и в этом смысле высокий уровень процентов свидетельствует о кабальном характере ростовщической эксплуатации крестьян. Что же касается степени этой эксплуатации, то она определялась размером как «номинального», так и «фактического» процента. Разрыв между «номинальным» и «фактическим» процентами свидетельствует о превышении взимаемых процентов по ростовщическим ссудам над экономическими возможностями крестьянина-заемщика обеспечить их выплату и о стремлении ростовщика закабалить заемщика, а не гарантировать себя от кредитного риска. Высокий «номинальный» процент вызывал постоянно растущую задолженность, которую в течение длительного времени, а в ряде случаев и

эта ссуда была крупной и зачастую вполне достаточной для того, чтобы закабалить крестьянина. Во-вторых, размер ссуды, с точки зрения ее выплаты, чрезвычайно сильно увеличивался за счет процентов.

Ссуды носили краткосрочный характер лишь в течение первоначально обусловленного срока. Однако заемщик, как правило, не был в состоянии выплатить в срок даже мелкую ссуду и проценты по ней, тогда задолженность приобретала более длительный характер.

¹⁵ В Индонезии даже в конце 50-х годов XX в. 18% обрабатываемой площади приходилось на долю общин (J. Metcalf, *Agricultural economy of Indonesia*, Washington, 1952, p. 23).

в течение всей жизни, заемщик погашал путем выплат «фактического» процента. Зачастую такую задолженность заемщик не мог погасить полностью, даже распродав для этого все свое имущество, включая и землю.

Закабаление крестьянина и лишение его собственности, включая землю, ростовщиком осуществлялось не только с помощью необеспеченной ссуды, но и ссуды под залог, в основном земли. Указанная ипотека в колониальной Индонезии являлась одним из ярко выраженных методов экспроприации крестьянской земли. По имеющимся данным, из всей заложенной крестьянами у ростовщиков земли обратно выкупалось не более 15%¹⁶.

Нередки были случаи, когда вся земля той или иной деревни переходила в руки ростовщиков. Таким образом, с одной стороны, малоземелье и безземелье крестьян способствовали функционированию ростовщического капитала в деревне, а с другой стороны, ростовщический капитал усиливал процесс обезземеливания крестьян и имущественной дифференциации деревни. В условиях колониальной Индонезии насильственное отделение ростовщицеством крестьянина от земли не вело к развитию капиталистических отношений, так как ростовщики вновь соединяли опрабленного крестьянина с землей не на капиталистических, а на феодальных, кабальных условиях. Проведенное в 1933 г. в Тулунгаунте (Кадири, Восточная Ява) обследование показало, что из 2740 крестьян 33,9% заложили ростовщикам землю и превратились в издольщиков на своей же земле¹⁷.

Ростовщическая эксплуатация крестьян осуществлялась также с помощью натуральной ссуды, главным образом продуктами питания. Кабальные условия, на которых ростовщики предоставляли натуральные ссуды, определялись нищетой и безвыходным положением крестьян, особенно в голодные месяцы и годы. Эти условия в целом были аналогичны условиям (в ряде случаев и более жестким), на которых ростовщики предоставляли крестьянам денежные ссуды.

Тяжесть ростовщической эксплуатации индонезийских крестьян не ограничивалась лишь высоким процентом по ссуде, но и усиливалась различными добавочными обязательствами по отношению к ростовщику. В значительной мере эта «вторичная эксплуатация» определялась тем, что в роли ростовщика обычно выступал землевладелец и торговец. Таким образом, крестьянин фактически попадал в кабалу одновременно к ростовщику, землевладельцу и торговцу.

В колониальной Индонезии ростовщический капитал эксплуатировал не только крестьянина, но и сельскохозяйственного и промышленного рабочего, ремесленника, кустаря и мелкого торговца.

Как на мелких национальных, так и на крупных иностранных предприятиях сельскохозяйственный и промышленный рабочий подвергался ростовщической эксплуатации. Капиталистический предприниматель использовал ростовщические формы эксплуатации не только для того, чтобы получить прибыль в виде процентов по предоставляемым рабочим ссудам, но главным образом для того, чтобы закабалить рабочего и снизить его заработную плату. Там, где предприниматель сам выступал в роли ростовщика, он получал от ростовщической эксплуатации прибыль и как предприниматель, и как ростовщик. Так, если рабочий по тем или иным причинам был вынужден просить у хо-

¹⁶ А. А. Губер, *Индонезия. Социально-экономические очерки*, стр. 183.

¹⁷ K. Pelzner, *Pioneer settlement in the Asiatic Tropics*, New York, 1945, pp. 170—171.

зяина зарплату вперед, предприниматель выплачивал рабочему аванс только в том случае, если рабочий соглашался на сокращение зарплаты вплоть до 50%¹⁸. Чтобы не умереть с голоду, рабочий соглашался на более низкую заработную плату. Конечно, низкий уровень заработной платы в свою очередь вел к тому, что объем ростовщической задолженности индонезийских рабочих возрастал. Закрепощение рабочих путем предоставления им ростовщических кредитов и авансов было весьма распространенной практикой в колониальной Индонезии. В данном случае ростовщиком являлся сам предприниматель, плантационная компания, управляющий плантации, надсмотрщик, вербовщик и т. д.

Методы эксплуатации ростовщиком кустарей и ремесленников в колониальной Индонезии были в основном те же. Это объясняется тесной связью и общностью условий индонезийского ремесла и сельского хозяйства. Связь ремесла с земледелием была вызвана слабостью индонезийского национального капитала и сильными феодальными пережитками, господством иностранных монополий, с которыми национальный капитал не в силах был конкурировать. Конкуренция машинного производства и импорта товаров разоряла ремесленников. В результате слабого развития промышленности в Индонезии они не вовлекались в капиталистическое промышленное производство, а пополняли пролетарские и полупролетарские слои деревни.

Перед второй мировой войной около 50% ремесленников и кустарей проживало в деревне. Обезземеливание и эксплуатация со стороны помещиков и ростовщиков заставляли крестьян обращаться к ремеслу как к дополнительному источнику средств существования. По данным на 1946 г., 15—18% бюджета крестьянской семьи в Индонезии составлял доход от ремесла¹⁹.

Развиваясь в тех же условиях, что и земледелие, производство ремесленников и кустарей было целиком подчинено торгово-ростовщическому капиталу. Ремесленники и кустари находились в кабальной зависимости от ростовщиков-скупщиков. Нередки были случаи, когда ремесленник за готовую продукцию получал от ростовщика-скупщика не деньги, а сырье и другие товары. Таким образом, ростовщик отрывал ремесленника и от рынка сбыта готовой продукции, и от рынка сырья. Высокий уровень ростовщического процента по ссудам, многолетний характер задолженности ремесленников и кустарей не давал им возможности, так же как и крестьянам, вырваться из ростовщической кабалы.

В колониальной Индонезии, как и во многих других колониальных странах Азии, существовала весьма многочисленная группа мелких розничных торговцев. Значительная часть мелких торговцев представляла собой разорившихся крестьян, которые не имели средств для самостоятельного ведения торговли. Они, получая у крупных торговцев на ростовщических условиях средства для торговых операций, сбывали товары на местных базарах или продавали их крестьянам непосредственно в деревнях.

Рассматривая ростовщическую эксплуатацию крупными торговцами мелких розничных торговцев, нельзя не отметить и тот факт, что

¹⁸ A. Vandenbosch, *The Dutch East Indies: its government, problems and politics*, p. 270.

¹⁹ «Investment in Indonesia: Basic information for United States businessmen», Washington, 1956, p. 51.

мелкие торговцы, находившиеся в ростовщической зависимости от крупных торговцев, в ряде случаев сами выступали в роли мелких ростовщиков по отношению к крестьянству. Таким образом, по мере возможности, мелкие торговцы часть своего бремени ростовщической эксплуатации со стороны крупного торговца перекладывали на плечи непосредственного производителя — крестьянина.

В колониальной Индонезии ростовщичество, несомненно, широко эксплуатировало сельскохозяйственное крестьянское производство, деревенское и городское ремесло, мелких торговцев, сельскохозяйственных и промышленных рабочих. Так, согласно ориентировочным данным, 85—90% индонезийского крестьянства было обременено долгами²⁰. Однако из-за отсутствия статистических данных не представляется возможным определить размер общей задолженности индонезийского населения ростовщикам. Тем не менее, даже та скудная информация, которая имеется по данному вопросу, свидетельствует о том, что эта задолженность составляла огромную сумму, превышающую возможность населения выплатить ее. Так, например, существуют данные о том, что в 1924 г. в ряде районов страны общая сумма ссуд, выданных ростовщиками, равнялась той части национального дохода, которая создавалась в этих районах²¹. Если учесть, что ростовщический процент достигал чудовищных размеров, то становится ясно, что население указанных районов находилось в беспросветной кабале у ростовщиков, а собственность крестьян, включая их землю, фактически в значительной мере, а часто и полностью принадлежала ростовщикам.

Ростовщическими операциями в колониальной Индонезии занимались самые различные группы населения. Однако основными социальными типами ростовщиков являлись феодалы-помещики, торговцы, кулаки, составлявшие, как правило, деревенскую администрацию, тесно связанную с колониальными чиновниками, иностранные плантаторы, часто в лице вербовщика, управляющего и т. д.

Что касается индонезийского города, то здесь до конца XIX в. основным социальным типом ростовщиков являлся ростовщик-профессионал, владевший официально зарегистрированным ломбардом. Колониальное правительство предоставило ломбардно-ссудное дело на откуп ростовщикам и, получая от ростовщиков часть их прибыли в виде платежей за право открывать частные ломбарды, косвенно участвовало в ростовщической эксплуатации индонезийского населения. Однако в начале XX в. под давлением антиростовщических выступлений широких масс индонезийского населения колониальное правительство запретило деятельность частных ломбардов и превратило их в официальные правительственные ломбарды. С этого времени и в индонезийских городах стали преобладать ростовщико-торговцы и ростовщико-предприниматели.

Между ростовщиками (деревенскими и городскими) и колонизаторами существовала непосредственная связь, которая осуществлялась главным образом по торговой, финансовой и административной линиям.

Превратив Индонезию в аграрно-сырьевой придаток Голландии и ряда других империалистических стран, колонизаторы, монополизировавшие внешнюю торговлю, вывозили на рынки мира не только про-

²⁰ Jr. Kaslan, A. Tahin, *Seritar Masalah Pertanian Rakjat*, Djakarta, 1953, hal. 67.

²¹ A. Vandenbosch, *The Dutch East Indies: its government, problems and politics*, p. 270.

дукцию своих плантаций и горнодобывающих предприятий, но и продукцию местных крестьянских хозяйств. Так, в 1928 г. продукция крестьянских хозяйств составляла около 34,6% общего объема экспорта сельскохозяйственной продукции Голландской Индии²². Эта продукция попадала в руки иностранных монополий, осуществлявших внешнюю торговлю, в основном через посредничество местных торговцев-ростовщиков. Торговая связь между иностранными монополиями и местным торгово-ростовщическим капиталом существовала на основе колониальной эксплуатации Индонезии не только как рынка сырья, но и как рынка сбыта. Индонезия, производившая перед второй мировой войной около 40% мирового производства каучука, 80 — перца, 90 — хины, 31,2 — копры, 24 — пальмового масла, около 20% олова и т. д., в результате политики колонизаторов почти совершенно не имела обрабатывающей промышленности. Это позволяло иностранным монополиям сбывать в Индонезии втридорога такие товары широкого потребления, как спички, стекло, бумага и т. д. Посредником в этой торговле опять же выступал местный торгово-ростовщический капитал.

Таким образом, торговые связи между колонизаторами и местным торгово-ростовщическим капиталом объясняются тем, что ростовщико-ростовщический капитал являлся посредниками между индонезийским производителем и иностранными монополиями.

Торговые связи ростовщиков с колонизаторами неизбежно вызвали и финансовые связи. Так, например, Ост-Индская компания, предоставлявшая ростовщикам монополию на внутреннюю торговлю солью, сахаром, опиумом, рисом, металлами и даже изделиями из дерева, получала крупные доходы путем изъятия в той или иной форме части их ростовщической прибыли. В последующие годы колониальное правительство получало крупные доходы от предоставления на откуп ростовщикам ломбардно-ссудного дела. Власти не только предоставляли местным ростовщикам на откуп право ростовщической эксплуатации индонезийского населения и торговые льготы, но и выдавали ростовщикам-торговцам денежные кредиты²³. В 90-х годах XIX в. колониальное правительство создало «прияйя банки» — кредитные учреждения типа ссудно-сберегательных касс для обслуживания чиновников из местной феодальной знати и голландских колониальных чиновников. Контролируемые властями банки в определенной степени предоставляли кредиты кулакам-ростовщикам через созданную в начале XX в. систему мелкого кредита.

Индонезийские ростовщико-торговцы и ростовщико-феодалы имели финансовые связи не только с колониальным правительством; в процессе посреднической торговли они находились в финансовой связи с иностранными торговыми фирмами, плантационными компаниями и даже банками. Рассматривая связи индонезийских компраторов с иностранными, главным образом голландскими банками, следует отметить, что деятельность этих банков в Индонезии носила двойственный характер: с одной стороны, эти банки являлись капиталистическими кредитными институтами и обслуживали иностранный капитал в Индонезии; с другой стороны, эти банки являлись типичными колониальными институтами, всячески задерживавшими в интересах иностранного капитала развитие индонезийского национального капитала и консервировавшими выгодную колонизаторам феодальную форму кредита — ростовщи-

²² Исчислено по данным: A. G. Dewey, *Peasant marketing in Java*, p. 200.

²³ J. S. Furnivall, *Netherlands India: a study of plural economy*, pp. 141—142.

чество. Голландские банки в колониальной Индонезии финансировали главным образом плантации и предприятия по первичной обработке сельскохозяйственной продукции и зачастую сами являлись (через дочерние компании) крупными собственниками таких предприятий. Так, в 1884 г. голландский банк «Нидерландше Индише Хандельсбанк» финансировал 53 крупных сахарных, табачных и других предприятия²⁴. К 1910 г. «Нидерландше Индише Хандельсбанк» через свою дочернюю компанию «Нидерландше Индише Ландбоумий» занимал монопольное положение в производстве и обработке сахарного тростника на Яве. Осуществляя наряду с прямыми инвестициями в работавшие на экспорт сельскохозяйственные предприятия обычные банковские коммерческие операции и торгово-комиссионные сделки, голландские банки нередко имели дело с местными крупными торговцами и феодалами, выступавшими в деревне в роли ростовщиков.

Местные ростовщики занимали немаловажное место в колониальной системе административного управления в Индонезии. В индонезийской деревне они составляли деревенскую администрацию, связанную с колониальными чиновниками.

Создав условия для роста ростовщичества, колониализм использовал и консервировал его в своих интересах. Политика голландских колонизаторов в отношении местных ростовщиков в Индонезии определялась в целом отсутствием антагонистических противоречий между иностранными колонизаторами и местными ростовщиками и, более того, наличием определенного сотрудничества между этими двумя группами эксплуататоров. Именно этим объясняется, с одной стороны, политика колонизаторов, направленная на сохранение в Индонезии ростовщичества, а с другой стороны, поддержка ростовщиками колониального режима.

Отсутствие острых противоречий между иностранными колонизаторами и местными ростовщиками было связано со своего рода «разделением сфер деятельности» между ними, что видно из самой структуры денежного рынка колониальной Индонезии.

Денежный рынок колониальной Индонезии не был един и состоял в основном из двух изолированных друг от друга рынков: обслуживавший, главным образом, иностранцев рынок, на котором функционировали иностранные банки и господствовали капиталистические условия кредита, и обслуживавший индонезийцев рынок, на котором функционировал местный торгово-ростовщический капитал и где господствовали ростовщические условия кредита. Поскольку в колониальной Индонезии рынок иностранного ссудного капитала и рынок национального торгово-ростовщического капитала были почти полностью изолированы друг от друга, то между ними не было свободного перелива капиталов²⁵. Функционирование в Индонезии иностранных капиталистических банков и капиталистического денежного рынка совершенно не оказывало влияния на концентрацию, централизацию и развитие национального капитала, на уравнивание нормы прибыли в индонезий-

²⁴ Ibid., p. 169.

²⁵ В определенном смысле такого рода переливом капиталов (но не свободным) можно считать лишь некоторые операции, вызванные торгово-финансовой связью между иностранными монополиями и местными компрадорами и землевладельцами, ростовщические операции, осуществляемые непосредственно колонизаторами (например, ссуды плантаций сельскохозяйственным рабочим и крестьянам-арендаторам), и операции национальных кредитных институтов по привлечению денежных средств индонезийского населения.

ской экономике, на нивелировку и снижение уровня процента. Наличие двух изолированных денежных рынков представляло собой две сферы деятельности капиталов, приносящих проценты: один рынок — сфера деятельности иностранного ссудного капитала, другой — сфера деятельности местного торгово-ростовщического капитала, и выражало «разделение труда и сферы деятельности» между иностранными колонизаторами и местными ростовщиками.

Конечно, не только упомянутое «разделение сфер деятельности» объясняет причину того, что в Индонезии не было борьбы между представляющим развитые капиталистические производственные отношения иностранным капиталом и выражавшим отсталые феодальные и полуфеодальные производственные отношения местным торгово-ростовщическим капиталом. Нельзя забывать и тот факт, что развитие ростовщичества в Индонезии являлось своего рода детищем колониальной эксплуатации. Таким образом, борьба против ростовщичества являлась по существу борьбой с колониализмом или, по меньшей мере, борьбой с практиковавшимся в Индонезии формами и методами колониальной эксплуатации. Сотрудничество и союз между иностранными колонизаторами и местными ростовщиками в Индонезии определялись также и тем, что указанные две группы эксплуататоров нуждались друг в друге.

Колониализм был заинтересован в ростовщичестве, которое тормозило развитие национального индонезийского капитала, содействовало колониальной эксплуатации Индонезии. Ростовщики способствовали созданию в деревне таких условий, при которых крестьянин был вынужден за бесценно продавать свою сельскохозяйственную продукцию, идущую в конечном счете через руки иностранных монополий на мировой капиталистический рынок. Иностранные колонизаторы видели в ростовщиках своих союзников, так как в интересах ростовщиков было сохранение колониального режима, сдерживавшего экономическое и политическое развитие страны и тем самым создавшего почву для деятельности ростовщического капитала. Компрадорская роль торгово-ростовщического капитала в Индонезии также делала ростовщиков союзниками колонизаторов.

Тем не менее в определенных случаях колониальное правительство предпринимало некоторые попытки ограничить ростовщический капитал. Это объясняется тем, что, хотя ростовщичество и не изменяет существующего способа производства, оно «присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается при все более скверных условиях»²⁶. В связи с этим колонизаторы осуществляли мероприятия с целью некоторого ограничения ростовщичества, так как пауперизация населения являлась одной из причин возмущения и революционизирования трудящихся масс. Кроме этого, некоторые мероприятия колонизаторов по ограничению местного ростовщического капитала вызывались в ряде случаев также и стремлением колонизаторов сократить количество посредников (там, где это было возможно) между индонезийским производителем и иностранным капиталом и тем самым увеличить свои доходы. Но все так называемые «антиростовщические» меры колониального правительства в Индонезии фактически являлись не более как попытками незначительно ограничить деятель-

²⁶ К. Маркс, *Капитал*, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 145.

ность ростовщичества или актами, предпринятыми лишь с демагогической целью, а не мерами действительного ограничения или ликвидации ростовщической эксплуатации. Конечно, в ряде случаев даже попытки, предпринимаемые колониальными властями, незначительно ограничить деятельность ростовщического капитала вызвали между колонизаторами и ростовщиками временные противоречия, которые тем не менее не нарушали существовавшего между этими группами эксплуататоров сотрудничества. Эти противоречия носили случайный, временный и не принципиальный характер, в то время как сотрудничество между ними имело более глубокие корни.

Итогом так называемых «антиростовщических» мер колониального правительства в Индонезии явилась не ликвидация и не ограничение ростовщичества, а лишь усиление овязи ростовщиков с колониальными властями, расширение объема операций ростовщиков, которые получили возможность использовать для этих целей не только собственный, но и привлеченный капитал, укрепление позиций ростовщичества как внутренней агентуры колониализма.

Н. М. Гуревич

АФГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ БАНК

Одними из наиболее тяжелых последствий превращения Афганистана в XIX в. в полуколонию была монополия Британской Индии и царской России на внешнеторговых рынках прилегающих к ним частей Афганистана и господство иностранного и инонационального капитала в торговых и денежных операциях этой страны. Господство иностранных и инонациональных купцов и менял-ростовщиков, экономически более сильных и получавших всяческую помощь и поддержку со стороны английского капитала, крайне тормозило накопление капитала зарождавшимся национальным купечеством. Англия оказывала ожесточенное сопротивление мероприятиям афганских эмиров по оказанию помощи и поддержки национальным элементам и отказывала им в кредитах.

Только в быстро возраставшей в первые десятилетия XX в. русско-афганской торговле участие национального купечества было значительным. Накопление капитала национальными купцами и рост удельного веса последних в осуществлении внешней торговли Афганистана получили ускоренное развитие после завоевания Афганистаном в 1919 г. полной государственной независимости. Этому содействовало установление в 20-е годы дружественных отношений между Советским Союзом и Афганистаном, систематическое изменение Советским Союзом в пользу Афганистана условий внешнеторгового обмена и расширение в 20-х и 30-х годах на этой основе товарооборота между двумя странами.

Правительство эмира Амануиллы, пришедшее к власти в 1919 г., в течение 20-х годов установило торгово-экономические связи с рядом капиталистических стран, а также оказывало помощь национальным элементам в накоплении капитала и их борьбе за овладение национальным рынком. В результате развития объективных процессов, а также мер, принятых афганским правительством, национальное купечество в течение 20-х годов значительно выросло и окрепло, а Афганистану удалось установить политические и экономические отношения со многими странами. Однако и к концу 20-х годов англо-индийские фирмы продолжали еще занимать очень сильные позиции во внешней торговле Афганистана, а иностранные и инонациональные купцы на его товарном и денежном рынках.

Дальнейшее расширение непосредственных торговых отношений Афганистана с различными капиталистическими странами и улучшение условий торговли с ними, а также вытеснение иностранных купцов и менял-ростовщиков тормозилось распыленностью национального купечества, острой конкуренцией между ними, небольшими размерами их капиталов, отсутствием в Афганистане органа, который мог бы стать

проводником политики афганского правительства в торгово-кредитных вопросах. Таким органом стал Афганский национальный банк (Афганнацбанк), созданный в 1933 г. гератской группой национального купечества во главе с Абдул Маджидом. Это было первое крупное объединение национального купечества. В первые годы своего существования оно занималось практически лишь внешнеторговыми операциями; название, таким образом, не соответствовало в эти годы его сущности.

Правительство предоставило Афганнацбанку ряд внешнеторговых монополий, валютную монополию, а также многие другие привилегии и льготы. Экономическая сила Афганнацбанка в сочетании с этими привилегиями и льготами позволила ему в течение ряда лет овладеть валютными операциями в стране и захватить решающие позиции во внешней торговле Афганистана. Большую поддержку банку в годы его становления оказал Советский Союз, заключивший с ним в 1933—1934 гг. ряд крупных внешнеторговых сделок. Опираясь на расширявшиеся и становившиеся все более выгодными для Афганистана торговые операции с СССР, Афганнацбанк открыл ряд своих представительств в капиталистических странах. Это способствовало установлению непосредственных торговых отношений банка с фирмами некоторых капиталистических стран, минуя посредничество англо-индийских фирм в Индии, и улучшению условий внешнеторгового обмена Афганистана.

В неразрывной связи с этим следует рассматривать организацию банком ряда дочерних акционерных компаний (ширкетов), являвшихся его оперативными органами в области внешней торговли. В 1933 г. был создан ширкет «Петроль», в 1936 г. ширкеты «Шемали», «Иттихадия Герат», «Терьяк», «Ватан» и «Насаджи», в 1938 г. — ширкеты «Каракуль», «Кандсази», «Инхисари мотор ва пурзафуруши». По мере создания этих ширкетов Афганнацбанк постепенно сокращал непосредственные торговые операции, а с 1938 г. прекратил их совершенно, превратившись по существу в правление сети своих дочерних компаний.

Организация Афганнацбанка и его дочерних ширкетов (акционерами которых могли быть только афганские граждане), а также введение экспортно-импортных монополий дали возможность в короткий срок подорвать позиции иностранного капитала в афганской внешней торговле и почти ликвидировать посредничество в этой торговле англо-индийских фирм. Расширение банковских операций Афганнацбанка, улучшение торгового и платежного балансов страны и создание запасов инвалюты обеспечили почти полное вытеснение иностранных менял-ростовщиков (саррафов) из операций по обмену валюты и подорвали их решающую роль в области кредита.

Вытеснение иностранных купцов и саррафов, значительное улучшение в пользу Афганистана условий торговли с СССР, установление торговых связей со многими капиталистическими странами, минуя посредничество англо-индийских фирм, предоставление банку различных монополий и других привилегий и льгот, а также общее положение, которое группа банка заняла в экономике страны, в частности monopolное положение группы во внешнеторговых операциях и monopolное в операциях с иностранной валютой, обусловили получение группой банка огромных прибылей, достигавших даже, по данным балансов Афганнацбанка и его дочерних ширкетов, 50—100% в год, и быстрое накопление капитала этой группой. Быстро росли оплаченный капитал банка и его дочерних ширкетов и особенно легальные и нелегальные накопления руководства банка и ширкетов его группы.

Подавляющая часть средств группы Афганнацбанка была занята в сфере обращения, где прибыли были наибольшими. Однако часть средств группа банка начала постепенно вкладывать в производство и обработку экспортных товаров. Почти каждый дочерний ширкет банка, занимавшийся экспортом, имел или строил небольшие предприятия по обработке тех товаров, которые он вывозил за границу. Созданный в 1937 г. в Кундузе дочерний ширкет «Памба» занимался только организацией производства длиноволокнистого хлопка в Каттагане. Ширкеты «Насаджи» и «Кандсази» начали в конце 30-х годов строительство первых в Афганистане фабрично-заводских предприятий по производству хлопчатобумажных тканей (в Пули-Хумри) и сахара (в Баглане).

Если во второй половине 30-х годов группу Афганнацбанка удалось привлечь, хотя и под нажимом правительства и в небольших еще размерах, к участию в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности, то в других жизненно важных отраслях промышленности (электроэнергетической и крайне малорентабельной в условиях Афганистана того времени горнодобывающей) частных инвестиций почти не было. Торговый капитал, не имея еще достаточных накоплений, не шел в строительство ирригационных сооружений, хотя правящая верхушка испытывала острую нужду в расширении площади под пахотой для перевода на оседлость кочевников и полукочевников и увеличения сельскохозяйственной продукции в стране. Исключительно на государственные средства велось и важное в экономическом, политическом и военном отношении дорожное строительство.

В военные и послевоенные годы произошел дальнейший значительный рост накоплений национального торгового капитала. Хотя в годы войны ухудшились условия внешнеторгового обмена Афганистана, однако соотношение внутриторговых цен на импортные и экспортные товары для производителя ухудшилось еще в большей степени, в результате чего темпы накопления капитала, сконцентрированного в Афганнацбанке и его дочерних ширкетах. Им предоставлялась основная часть экспортных контингентов на каракуль и лицензий на импорт товаров из Индии. Решающую роль продолжал играть Афганнацбанк и в экспорте других товаров, не говоря уже о том, что экспорт и реализация товаров, заготовленных ширкетами, не являвшимися дочерними предприятиями банка, а также купцами, производились в основном Афганнацбанком. Это также приносило Афганнацбанку большие прибыли.

В первые годы войны Афганнацбанк продолжал подчинять себе крупный и средний торговый капитал, оставшийся вне группы банка, главным образом скупая акции старых и новых ширкетов через свои дочерние ширкеты и особенно «Шемали» и «Иттихадия Герат». Таким путем в 1940—1941 гг. в Герате, Анджое, Маймана и Мазари-Шарифе было создано 24 ширкета, в руках которых предполагалось сосредоточить всю торговлю Афганистана с Советским Союзом. Однако в последующие годы войны этот процесс не получил дальнейшего развития, а разгул спекуляции и ажиотажа привел, по-видимому, даже к ослаблению организационной структуры группы Афганнацбанка.

В годы войны резко ухудшились жизненные условия подавляющей части населения страны, что вызвало рост недовольства и обострение классовых борьбы. Правящие классы вынуждены были при-

нять меры к разрядке напряженного внутриполитического положения, а для этого — содействовать экономическому развитию Афганистана. Одним из мероприятий, предпринятых в этих целях, было составление в 1946 г. Афганнацбанком десятилетнего плана развития промышленности. Известным стимулом к составлению такого плана послужило повышение в годы войны нормы прибыли в промышленном производстве; однако решающую роль сыграло, по-видимому, давление правительства, вынуждавшего банк часть своих средств изъять из сферы обращения и направить в сферу производства.

На совещании руководства министерства экономики и других экономических ведомств, правления Афганнацбанка и председателей и членов правлений крупных и средних ширкетов страны, созванном в 1946 г. Абдул Маджидом в целях изыскания источников финансирования десятилетней программы промышленного строительства, было решено увеличить капитал ширкетов «Насаджи» до 350 млн. афг. и «Ды брешна лой» — до 250 млн.; создать ширкеты по строительству цементного завода и организации добычи нефти с капиталом 50 млн. афг. каждый, а также расширить некоторые другие ширкеты и создать ряд новых. В акционеры этих ширкетов предполагалось привлечь и те ширкеты и купцов, которые не принимали участия в этом совещании. Выполнение решения означало бы установление контроля Афганнацбанка почти над всей торгово-промышленной деятельностью в стране, подчинение ему ширкета «Ды брешна лой» и всех других крупных, средних и мелких ширкетов остававшихся еще независимыми от банка. Абдул Маджид, будучи в то время министром экономики, воспользовался своим положением для укрепления группы Афганнацбанка.

Вооружившись таким решением, одобренным правительством, Абдул Маджид и его сторонники энергично подчиняли другие ширкеты и купцов Афганнацбанку. В эти годы происходила массовая реорганизация ширкетов (организация одних, ликвидация других, слияние третьих и т. д.), общим результатом которой являлось подчинение все большей части торговли и промышленности группе Афганнацбанка, усиление позиций последнего в экономике страны, колоссальное накопление капиталов банком и его заправилами.

Между тем программа промышленного строительства, принятая Афганнацбанком в первое послевоенное пятилетие, практически вообще не выполнялась. Банку, несмотря на все предпринятые в этих целях меры, все же не удалось обеспечить средства для финансирования такой значительной в условиях Афганистана программы. Собрать необходимые средства банку было бы под силу только при прямой поддержке правительства, которое могло вынудить самостоятельные ширкеты и купцов покупать акции банка и его дочерних ширкетов, как это было сделано в 30-е годы, когда необходимо было вытеснить иностранный капитал из внешней торговли и денежных операций Афганистана. Но правительство на этот раз не оказало такой поддержки банку и, возможно, даже воспрепятствовало полному осуществлению намеченной реорганизации ширкетов, которая привела бы к дальнейшему усилению экономических и политических позиций банка в стране.

В этих условиях у Афганнацбанка не было ни объективных возможностей, ни особой заинтересованности в выполнении намеченной программы. Весь круг интересов банка по-прежнему ограничивался сферой обращения. Предпринятые в первые послевоенные годы пра-

вительством попытки несколько ограничить операции группы банка в торговле (организация «Кооператива Депо», отмена некоторых внешнеторговых монополий, а также других привилегий и льгот, предоставленных ранее банку и его дочерним ширкетам) не имели сколько-нибудь существенного значения. С 1946 г. начали восстанавливаться внешнеторговые связи Афганистана, рос импорт крайне необходимых промышленных товаров широкого потребления. Из всех форм предпринимательской деятельности в стране норма прибыли во внешней торговле оставалась наибольшей, и банк и ширкеты его группы не замедлили энергично расширить внешнеторговую деятельность.

Группа Афганнацбанка старалась сохранить и расширить сложившийся в военный период на внутреннем рынке большой разрыв цен на импортные и экспортные товары. Решение этой задачи было более простым, чем это может показаться на первый взгляд. В условиях большого роста цен на импортные товары, вызванного обесценением афгани вследствие развивавшейся инфляции и усиливавшегося долларового голода, Афганнацбанку и его дочерним ширкетам было достаточно несколько задержать соответствующий рост заготовительных цен на экспортные товары, что он довольно легко и делал, так как господствовал на рынке почти всех основных экспортных товаров. Разрыв между официальным курсом иностранной валюты и ее курсом на свободном рынке обусловил развитие в стране валютной спекуляции, приносившей крупные барыши обладателям иностранной валюты, прежде всего группе Афганнацбанка.

Между тем трудности военного времени не только не были в послевоенные годы ликвидированы, но, наоборот, нарастали. Одной из причин экономических трудностей, испытывавшихся Афганистаном, было хищническое накопление капитала группой Афганнацбанка. В 1950 г., когда политическая обстановка в стране резко обострилась, правительство вынуждено было лишить председателя Афганнацбанка Абдул Маджида министерского портфеля, после чего начало постепенно ликвидировать полумонопольные позиции группы банка в экономике страны. В 1950 г. правительство лишило дочерние ширкеты банка оставшихся у них юридических монополий на импорт сахара, бензина, автомашин и смазочных масел, а также фактической монополии на заготовку и экспорт хлопка. В начале 50-х годов правительство заставило, наконец, банк сделать первые шаги к выполнению промышленной программы 1946 г.

Однако, несмотря на это, банк продолжал играть огромную роль во внешней торговле и оставался единственным в стране коммерческим (фактически внешнеторговым) банком. Группа Афганнацбанка сохраняла господствующее положение на рынке почти всех основных экспортных товаров, фактически диктовала общие заготовительные цены на экспортные товары и, следовательно, несла ответственность за их снижение в начале 50-х годов. Будучи крупнейшим экспорттером, группа Афганнацбанка продолжала играть большую роль в импорте.

Радикальные меры по ликвидации исключительного места банка в экономике Афганистана были приняты лишь после прихода к власти в 1953 г. правительства Мухаммада Дауда. Новое правительство, создав крупные полугосударственные ширкеты по заготовке и экспорту хлопка и шерсти, ликвидировало полумонопольное положение Афганнацбанка на рынке этих товаров и ослабило его позиции на рынке ряда других экспортных товаров. Резкое сокращение роли банка в экспорте

страны привело к падению его валютных ресурсов и импорта. В 1954—1955 гг. правительство создало три новых полугосударственных банка (в том числе Пуштунский торговый банк, ставший прямым конкурентом Афганнацбанка), ликвидировав таким образом, фактическую монополию Афганнацбанка в области операций на денежном рынке («Ды Афганистан банк» занимался в основном эмиссионной деятельностью и осуществлением валютной монополии). А в 1956 г. «Ды Афганистан банк» открыл представительства в Нью-Йорке и Лондоне, в результате чего Афганнацбанк, единственный из афганских коммерческих организаций, имевший до того свои представительства в США и Англии, лишился монополии на посредничество во внешнеэкономических связях Афганистана с этими и некоторыми другими капиталистическими странами.

В результате операции и роль Афганнацбанка в экономике страны резко сократились. Первый пятилетний план экономического развития Афганистана, выполнение которого началось в 1956 г., предусматривал дальнейшее ограничение роли Афганнацбанка в экономике страны, однако в действительности этого не произошло. Причина этого заключается в том, что противоречия между правительством и группой Афганнацбанка (представлявшие собой неантагонистические противоречия внутри господствующих классов) обострились вследствие усиления борьбы между антагонистическими классами и ослабли после того, как правящий класс помещиков в результате принятых им мер, в том числе и ликвидации исключительного места банка в экономике Афганистана, разрядил напряженную внутривластную обстановку в стране и упрочил свои экономические и политические позиции.

Афганнацбанк остается в настоящее время наиболее сильной группой частного национального капитала и единственным частным банком в стране. Хотя решающие позиции группы банка в экспорте страны подорваны, его участие и роль в экспорте остаются значительными. Особенно большой остается роль банка в вывозе каракуля — наиболее важного экспортного товара страны и основного источника свободной иностранной валюты. Афганнацбанк — единственный в частном секторе владелец ряда современных фабрично-заводских предприятий, в особенности текстильной промышленности.

* * *

Балансы Афганнацбанка за 30-е годы опубликованы, однако они составлены некачественно, многие данные за различные годы несопоставимы и использовать их в том виде, в каком они за эти годы составлены и появились в печати, не представляется возможным. Балансы банка за 40-е годы вообще не публиковались; регулярная публикация их по унифицированной схеме, как и балансов других афганских банков, начата только с 1951/52 г. Однако в афганской прессе 30—40-х годов опубликовано довольно много материалов о деятельности банка в указанные годы, и эти данные в сочетании с опубликованными балансами позволяют восстановить и охарактеризовать основные моменты деятельности и операций банка в течение всего периода его существования.

Основу ресурсов банка всегда составляли его собственные средства. В первые годы существования банка происходил систематический рост его оплаченного капитала как путем капитализации прибылей, так и продажи новых акций. Устав банка предусматривал обязательную ка-

питализацию части прибылей (от 10 до 30%), достигавших огромных размеров. Дивиденды в 1935/36 г. были выплачены акционерам банка его новыми акциями¹; можно полагать, что часть или все дивиденды и в последующие годы были затрачены акционерами на эти же цели. В результате уставный капитал банка в 35 млн. афг. был покрыт уже в начале 1938 г., и правление объявило об увеличении его до 60 млн. афг.² Основную часть новых акций купили, по-видимому, Абдул Маджид и его партнеры по организации и управлению банком.

Помимо собственных средств, Афганнацбанк в 30-е годы имел значительные дополнительные средства из недепозитных источников. Основную часть дополнительных ресурсов предоставили банку в форме кредитов сами основные акционеры банка. Это было вызвано, во-первых, нехваткой оборотных средств у банка в годы его становления ввиду неполной оплаты его уставного капитала и, во-вторых, интересами самих заправил банка, получивших возможность пустить в оборот через каналы банка собственные средства и использовать таким путем монополии и другие привилегии банка непосредственно в своих интересах. Некоторые средства предоставило в распоряжение банка правительство. Кроме того, испытывая в первые годы острую нехватку средств для проведения всего объема внешнеторговых операций, на осуществление которых он имел монополию, Афганнацбанк брал кредиты при заготовке основных экспортных товаров у своих иностранных контрагентов — покупателей этих товаров³.

Депозитные операции не имели сколько-нибудь серьезного значения в формировании ресурсов банка. Значительную часть депозитов банка в 30-е годы составляли средства основных акционеров банка, но и они основную часть своих средств продолжали хранить в банках Индии и других капиталистических стран. В течение 30-х годов резко возросли казначейские депозиты в банке; по мере расширения сети внутренних и зарубежных отделений банка казначейство все больше пользовалось его услугами в приеме налоговых поступлений на местах и в переводных операциях, особенно с заграницей. Казначейские средства составляли, видимо, основную часть этих быстро возраставших депозитов банка.

Чистая прибыль банка за первые девять месяцев его деятельности составила 26%, в 1934/35 г. — 64, в 1935/36 г. — 51, в 1936/37 г. — 70, в 1937/38 г. — 30, в 1938/39 г. — 48%. Получение таких колоссальных прибылей позволяло банку делать очень большие отчисления в резерв и выплатить значительные дивиденды акционерам. Хотя акции банка продавались на рынке еще значительно ниже номинала, курс их по сравнению с курсом акций других ширкетов был наиболее высоким в стране.

В годы второй мировой войны продолжался рост основного капитала банка. Уже на конец 1938/39 г. он достиг 63 млн. афг., превысил уставный капитал, который после этого был увеличен до 120 млн. афг. Можно полагать, что покрытие нового уставного капитала банка происходило в течение всех лет войны. Прибыли банка в годы войны были,

¹ «اصلاح» («Ислах»), 17.IV.1937.

² «سالنامه كابل، ۱۳۱۶» («Сальнаман Кабул, 1316»), стр. 680.

³ Когда ресурсы банка в последующие годы возросли, он отказался от таких кредитов, ибо получение их вынуждало банк продавать экспортные товары иностранным фирмам по заниженным ценам.

видимо, еще большими, чем в 30-е годы, что, с одной стороны, давало по-прежнему возможность делать большие отчисления в резерв, а с другой — стимулировало к покупке новых акций банка. Основная часть новых акций покупалась, видимо, как и прежде, небольшой группой заправил банка. Возможно, что основной капитал рос в годы войны также за счет слияния с банком дочерних и внучатых ширкетов. На конец 1945/46 г. оплаченный капитал банка составил уже 125 млн. афг.

Но особенно сильно увеличился основной капитал банка в послевоенный период; это было связано, по крайней мере формально, с составленной в 1946 г. десятилетней программой промышленного развития Афганистана, которую должен был финансировать Афганнацбанк. На чрезвычайном собрании акционеров банка в мае 1946 г. было решено увеличить уставный капитал со 120 млн. до 300 млн. афг. Уже в течение мая — июня 1946 г. новые акции на сумму 128 млн. афг. были раскуплены старыми акционерами банка, прежде всего самим Абдул Маджидом и его ближайшими компаньонами. Остальные акции на сумму 52 млн. афг. были пущены в свободную продажу, однако реализация их проходила медленно.

На чрезвычайном собрании акционеров в июле 1947 г. было решено слить с банком его дочерние ширкеты «Шемали» и «Иттихадияи Герат». Это решение было принято, видимо, под давлением правительства, которое стремилось направить ресурсы банка в сферу производства, особенно промышленного. Ширкеты, подвергшиеся слиянию, были торговыми и получали громадные прибыли; ликвидация их означала по существу некоторое сокращение роли Афганнацбанка в торговых операциях страны.

В обороте банка по-прежнему были большие средства, полученные им в кредит от своих основных акционеров. Последние, вероятно, рассматривали эти кредиты как наиболее удобную форму ростовщического применения своих накоплений. Общий рост благодаря этому ресурсов банка обеспечивал еще больший успех его операций, а следовательно, еще большие прибыли и дивиденды. Можно также предполагать, что часть или все средства, которые основные акционеры банка давали ему формально в кредит, фактически совершали самостоятельный оборот и приносили все причитающиеся на данный капитал прибыли их владельцам. При этом последние использовали все те исключительные привилегии и льготы, которые были предоставлены банку правительством.

В 40-е годы депозитные операции банка относительно, а в годы войны, вероятно, и абсолютно сократились. После организации в 1940 г. государственного «Ды Афганистан банка» казначейские ресурсы, находившиеся на депозитах в Афганнацбанке, были переведены во вновь созданный банк, а по мере расширения сети его отделений в стране и установления корреспондентских отношений с банками других стран казначейство все больше пользовалось каналами нового банка для осуществления переводных операций. Новый отлив депозитных средств из Афганнацбанка в «Ды Афганистан банк» имел место в 1943 г., когда последнему было передано осуществление валютной монополии. Рост депозитных операций Афганнацбанка в 40-е годы и особенно в период войны тормозился развитием инфляции, ажиотажем и состоянием неопределенности в стране. Практически единственными депозитерами банка были купцы — экспортеры и импортеры, к тому же последние держали на депозитах в банке лишь средства, необходимые для расчетов по ближайшим внешнеторговым сделкам. Даже ширкеты значительную часть своих средств, которыми они оперировали внутри страны (пре-

имущественно при заготовке экспортных и технических товаров), держали у себя наличными.

Пассивные операции банка в 50-е годы согласно балансам, опубликованным в 1951/52 г., характеризуются следующими показателями (в млн. афг.)⁴:

	1951/52 г.	1952/53 г.	1953/54 г.	1954/55 г.	1955/56 г.	1956/57 г.	1957/58 г.
Всего	845	876	800	1015	947	925	911
в том числе:							
капитал	500	500	500	500	500	500	500
резервы	19	71	74	96	130	131	131
нераспределенная прибыль	5	5	6	5	6	47	19
депозиты	84	121	110	270	215	171	125
кредиты	170	122	79	53	60	47	112
прибыль	67	57	31	91	36	29	24

Новый значительный рост основного капитала банка произошел в начале 50-х годов. Противодействуя давлению правительства, группа банка принимала энергичные меры для сохранения и укрепления своих экономических позиций. За счет присоединения некоторых дочерних и внучатых ширкетов, а также поглощения ширкетов, не выдержавших конкуренции, основной капитал банка только за один 1950/51 г. вырос почти на 1/3 и достиг 500 млн. афг. Часть новых акций банка была реализована на свободном рынке.

В 50-е годы, как и прежде, собственные средства играли основную роль в формировании ресурсов банка. Правда, основной капитал в течение всего этого периода оставался неизменным. В течение всей первой половины 50-х годов правительство теснило Афганнацбанк, ограничивая его операции в сфере обращения и вынуждая его к капиталовложениям в сферу производства, главным образом промышленного, где прибыли были ничтожны и нередко предприятия работали в убыток. В этих условиях возможности реализации новых акций банка резко сократились.

В области депозитных операций обращает на себя внимание рост депозитов до 1954/55 г. и падение их в последующие годы. Падение обусловлено главным образом созданием в 1955 г. афганским правительством Пуштунского торгового банка, прямого конкурента Афганнацбанка, перетягивавшего к себе средства многих ширкетов и купцов, депонированные ранее в Афганнацбанке. Практически все средства, находившиеся на депозитах в Афганнацбанке, принадлежали частному сектору (преимущественно внешнеторговым ширкетам и купцам).

Обращает на себя также внимание падение в 50-е годы средств, полученных банком в кредит. Эти средства состояли, по-видимому, из частных накоплений заправил банка, а также накоплений дочерних торгово-промышленных ширкетов, отложенных для капиталовложений в промышленность и предоставленных до этого в распоряжение Афганнацбанка. Ликвидация в течение первой половины 50-х годов всех при-

⁴ «Survey of progress», Kabul, 1958; *ibid.*, vol. 4, 1959, pp. 194—197.

вилегий и льгот банка и общее усиление контроля над ним со стороны правительства делали использование его каналов для обращения личных накоплений заправил банка нецелесообразным и даже опасным, а возраставшие вложения (под давлением правительства) капиталов дочерними предприятиями банка в промышленность обусловили сокращение временно «свободных» средств в их распоряжении.

Вышеизложенным объясняется и падение в течение 50-х годов прибыли банка. Его дивиденды сократились, а акции, имевшие самый высокий курс в стране, достигавший номинала, упали в 1955 г. до 50% номинала⁵.

В первые два десятилетия своего существования Афганнацбанк играл исключительную роль в процессе концентрации и централизации национального торгового капитала. Этим определялось направление активных операций банка, представленных в основном вложениями в капитал дочерних ширкетов и кредитованием последних.

В первые годы существования Афганнацбанка почти все имевшиеся у него средства находились в торговом обороте, так как банк в эти годы осуществлял непосредственные торговые операции. Во второй половине 30-х годов возросли вложения банка в акционерный капитал дочерних ширкетов, которые все больше превращались во внешнеэкономические оперативные органы банка. При организации в 1933 г. ширкета «Петроль» банк инвестировал в акционерный капитал ширкета 500 тыс. афг.; пяти дочерних ширкетов в 1936 г. — 16,1 млн. афг.⁶, ширкета «Памба» в 1937 г. — 10 млн. афг., значительные средства были вложены банком в крупные дочерние ширкеты «Каракуль» и «Кандсази» при их организации в 1938 г., а также при организации представительств банка в Карачи в середине и Нью-Йорке в конце 30-х годов. Уже во второй половине 30-х годов покупка акций дочерних ширкетов стала основным направлением активных операций банка. По балансу за 1938/39 г. вложения банка в акционерный капитал других ширкетов составляли 86,1 млн. афг., а объем кредитных операций банка — лишь 29,3 млн.

Устав Афганнацбанка, опубликованный вскоре после его организации, регламентировал кредитные операции банка. Устав предусматривал предоставление банком краткосрочных (от одного до восьми месяцев) кредитов на торговые цели афганским гражданам. Кредит мог быть предоставлен против векселя лицам, имеющим недвижимость или дающим другое обеспечение (золото, серебро, товары) стоимостью в два раза больше суммы кредита⁷.

Учета векселей Афганнацбанк фактически никогда не осуществлял, так как обращения векселей в Афганистане нет и до настоящего времени. Банк кредитовал в основном свои дочерние ширкеты; основная часть кредитов банка предоставлялась этим ширкетам накануне и в период заготовки ими экспортных товаров⁸. Известно, что крупные кредиты банк предоставлял дочерним и внучатым ширкетам при их организации, известно также, что банк кредитовал покупку акций своих дочерних ширкетов, поступающих в свободную продажу. Вероятно, доступ к его кредиту имели также крупнейшие акционеры банка.

⁵ «Afghanistan», edited by D. N. Wilber, New Haven, 1956, pp. 242—243, 255.

⁶ В капитал ширкета «Шемали» банк вложил 3,6 млн. афг., ширкета «Иттихадия Герат» — 3,3 млн., ширкета «Терьяк» — 0,6 млн., ширкета «Ватан» — 1,1 млн. и ширкета «Насаджи» — 7,5 млн. афг.

⁷ Центральный архив Министерства внешней торговли, оп. 9071, д. 26, л. 15.

⁸ Например, в 1936 г. банковский отдел предоставил торговому отделу Афганнацбанка кредит в сумме 20 млн. афг. из 8% годовых.

Значительную часть активов банка в 30-е годы, а также в начале 40-х годов составляли наличные средства в иностранной валюте, что связано было с выполнением банком валютной монополии.

В 40-е годы продолжался рост инвестиций банка в капиталы дочерних ширкетов и других организаций. В 1940 г. Афганнацбанк принял участие в капитале государственно-частного ширкета «Ды Брешна лой», созданного в целях строительства и эксплуатации электростанций. В том же году при организации Благотворительного общества (с капиталом 17 млн. афг.) Афганнацбанк вложил 10 млн. афг. По-видимому, Афганнацбанк принял участие и при организации в 1940—1941 гг. новых ширкетов в Герате, Андохе, Маймана и Мазари-Шарифе⁹. На конец 1940/41 г. общие вложения банка в капитал ширкетов составили 129,6 млн. афг. В последующие военные годы инвестиции банка, возможно, существенно не изменились, так как условия военных лет, вероятно, ослабили усилия банка по дальнейшему подчинению себе капиталов других ширкетов и купцов, а заправилы банка воздерживались от капитализации своих прибылей, которые они усиленно переводили в иностранные банки¹⁰.

Новый значительный рост инвестиций банка произошел в послевоенные годы. Абдул Маджид, вернувшись весной 1946 г. в Афганистан, начал под видом изыскания и мобилизации средств для финансирования промышленного строительства широкую реорганизацию ширкетов, имевшую целью усилить позиции Афганнацбанка в экономической жизни страны. Так, в 1946 г. кабульские ширкеты «Мраст» и «Сабир» были объединены в ширкет «Иттихадия Кабул», а мазаришарифские ширкеты «Бахтар», «Нухзат», «Ихват» и «Канаат» — в ширкет «Иттихадия Мазари-Шариф»; оба объединенных ширкета стали дочерними компаниями Афганнацбанка. После того как ширкеты «Шемали» и «Иттихадия Герат» слились с Афганнацбанком, последний стал непосредственным акционером тех ширкетов, акции которых имели «Шемали» и «Иттихадия Герат». Общая сумма инвестиций банка в первые послевоенные годы выросла более чем в два раза.

В 40-е годы расширились и кредитные операции банка. Затруднения с реализацией в годы войны некоторых экспортных товаров вынуждали банк предоставлять дочерним ширкетам новые кредиты на их заготовку, нередко при наличии непогашенных кредитов, предоставленных в предшествующем году. Кроме того, в силу этих затруднений правительство обязало Афганнацбанк предоставлять кредиты на заготовку экспортных товаров также и ширкетам, не входившим в группу банка. А ввиду больших трудностей с импортом товаров банк в эти годы впервые стал предоставлять кредиты на осуществление импортных операций. По-видимому, со значительным расширением в годы войны круга ширкетов и лиц, получивших доступ к кредитам банка, и ростом общего объема кредитных операций банка связано опубликование в 1944 г. специального положения о кредитах Афганнацбанка¹¹.

Хотя и после войны Афганнацбанк, видимо, предоставлял кредиты преимущественно своим дочерним ширкетам и в основном для заготовки экспортных товаров и их экспорта, однако в эти годы правительство все больше вынуждало банк предоставлять кредиты на цели, отличные

⁹ В последующие годы войны ввиду прекращения торговли с СССР многие из этих ширкетов распались.

¹⁰ Сам Абдул Маджид почти все годы войны прожил за границей.

¹¹ См. «اقتصاد» («Иктисад»), 1944, № 262.

от его наибольших и ближайших интересов. Так, в начале 1946 г. на беспроцентные кредиты Афганнацбанка и его дочерних ширкетов¹² была создана государственная внешнеторговая организация по импорту хлопчатобумажных тканей — «Кооператив Депо»¹³. В 1947—1948 гг., когда упали мировые цены на каракуль, экспортеры каракуля резко понизили заготовительные цены на него, а каракулеводы ввиду этого и бескормицы начали массовый убой каракулевых овец на мясо, правительство вынудило Афганнацбанк предоставить кредиты на общую сумму 25 млн. афг. экспортерам каракуля¹⁴ и каракулеводам из 6% годовых (обычно ссудный процент банка равен 12, а для дочерних ширкетов и акционеров банка — 8).

Активные операции банка в 50-е годы, согласно опубликованным балансам банка, характеризуются следующими показателями (в млн. афг.)¹⁵:

	1951/52 г.	1952/53 г.	1953/54 г.	1954/55 г.	1955/56 г.	1956/57 г.	1957/58 г.
Всего	845	876	800	1015	947	925	911
в том числе:							
наличие	90	51	67	215	72	75	82
кредиты	321	381	277	259	302	271	242
инвестиции	422	439	453	534	564	568	576
недвижимость и инвентарь	5	5	3	7	9	11	11

Как видно из приведенных данных, в 50-е годы продолжался рост инвестиций банка. В начале 1950 г. банк попытался монополизировать торговлю фруктами — единственным из основных экспортных товаров, в операциях с которым участие банка было до тех пор невелико. В журнале «Иктисад» (№ 363 за 1950 г.) было опубликовано объявление об организации ширкета по торговле и обработке фруктов с капиталом 100 млн. афг.; банк объявил о том, что вкладывает в капитал ширкета 60 млн. афг., т. е. приобретает контрольный пакет акций. В последующие годы, однако, никаких сообщений об этом ширкете в афганской печати не появлялось, и можно предполагать, что он так и не был создан. Возможно, что после отставки в середине 1950 г. Абдул Маджида с поста министра экономики созданию этого ширкета воспрепятствовало правительство.

В начале 50-х годов банку удалось создать еще один и, видимо, последний крупный зависимый ширкет по операциям с экспортными товарами. После того как правительство ликвидировало в 1950 г. факти-

¹² Афганнацбанк ссудил 20 млн. афг., ширкеты «Памба» и «Каракуль» — по 10 млн. афг. каждый и ширкеты «Иттихадия Герат» и «Иттихадия Андхой» — по 5 млн. афг. каждый.

¹³ Правительство вынудило также ширкет «Насаджи» предоставить «Кооперативу Депо» кредит в сумме 87,5 млн. афг. (на 4 года из 5% годовых) — средства, которые до этого находились в обороте Афганнацбанка («Ислах», 17.XII.1949).

¹⁴ Включавших, по-видимому, ширкеты и купцов, не являвшихся акционерами банка.

¹⁵ «Survey of progress», Kabul, 1958; *ibid.*, vol. IV, 1959, pp. 194—197.

ческую монополию его дочернего ширкета «Памба» на заготовку и экспорт хлопка, Афганнацбанк под предлогом строительства текстильного «Санаати», который с самого начала осуществлял и продолжает осуществлять операции с хлопком. Таким путем банку удалось сохранить в эти и последующие годы банк вынужден был делать под давлением правительства в промышленности. Как сообщается в первом пятилетнем плане экономического развития Афганистана, Афганнацбанк имел в середине 50-х годов инвестиции в 26 организациях на общую сумму более 500 млн. афг. После 1956 г. рост инвестиций банка практически прекратился, что связано, вероятно, с общими финансовыми трудностями, которые банк испытывал во второй половине 50-х годов.

Кредитные операции банка в 50-е годы в целом сократились. Вынужденный приступить в начале 50-х годов к строительству ряда крупных по афганским масштабам промышленных предприятий и тесный правительством в сфере обращения, банк испытывал все возрастающие финансовые трудности. Особенно эти трудности возросли во второй половине 50-х годов, когда широкие операции в торговле и кредите развернули полугосударственные ширкеты и банки. Пуштунский торговый банк широко авансировал заготовку и кредитовал экспорт афганских товаров, отбивая одну позицию за другой в этой области у Афганнацбанка. А правительство по-прежнему вынуждало банк направлять кредиты в области, весьма далекие от его интересов¹⁷. Во второй половине 50-х годов Афганнацбанк в условиях общего сокращения своих активов и возрастания инвестиций вынужден был сократить объем кредитных операций не только относительно, но и абсолютно.

* * *

При капиталистическом способе производства, являющемся единственным процессом производства и процесса обращения, торговый капитал является лишь одной из форм капитала в процессе его воспроизводства, он — агент производительного капитала в сфере обращения. В качестве обособившейся части промышленного (производительного) капитала, функционирующей в сфере обращения, торговый капитал сокращает время обращения промышленного капитала и торговые издержки и увеличивает прибавочную стоимость и норму прибыли. В силу этого торговая прибыль при капитализме является частью прибавочной стоимости, созданной в процессе эксплуатации наемного труда промышленным капиталом, а уравнение прибыли сводит норму прибыли торгового капитала к общему среднему уровню. «Лишь посредством своей функции — реализации стоимостей, — писал К. Маркс, — торговый капитал функционирует в процессе воспроизводства как капитал, а потому как функционирующий капитал извлекает долю прибавочной стоимости, произведенной всем капиталом»¹⁸. При этом К. Маркс не делает принципиального различия между операциями торгового капитала во внутренней и внешней торговле, хотя и указывает, что торговый капитал, занятый во внеш-

¹⁶ «Сальнамаи Кабул, 1330», стр. 580.

¹⁷ В 1955/56 г., например, правительство вынудило банк предоставить очень крупный кредит в 41 млн. афг. полугосударственному ширкету «Пашм», который был специально создан, чтобы ограничить операции Афганнацбанка на рынке шерсти.

¹⁸ К. Маркс, *Капитал*, т. 3, М., 1955, стр. 305.

ней торговле, в силу утилизации громадных различий в национальных стоимостях, может получать сверхприбыль.

В докапиталистических формациях торговый капитал, наоборот, является самостоятельной и преобладающей формой капитала. Это означает подчинение капиталу лишь сферы обращения, но не сферы производства; сфера обращения и сфера производства в этих формациях независимы друг от друга, поскольку они экономически неоднородны. «Самостоятельное купеческое имущество как господствующая форма капитала означает обособленность процесса обращения от его крайних членов, а эти крайние члены — сами обменивающиеся производители. Эти крайние члены остаются самостоятельными по отношению к процессу обращения, как и этот процесс по отношению к ним. Продукт становится здесь товаром благодаря торговле. В этом случае именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не произведенные товары своим движением образуют торговлю»¹⁹. Торговая прибыль здесь проистекает от утилизации разницы индивидуальных, районных или областных стоимостей, если капитал занят во внутренней торговле, и разницы национальных стоимостей, если он занят во внешней торговле; значительная часть торговой прибыли в докапиталистическую эпоху являлась также результатом обсчета и обмана, а нередко и просто грабежа.

Таким образом, если в докапиталистическую эпоху торговый капитал является самостоятельной и господствующей формой капитала, то при капитализме он становится функцией промышленного капитала, его отделившейся частью, его агентом; до капитализма капитал может реализовать затраты труда, который должен был бы быть вложен в производство данного товара в месте его реализации, а при капитализме торговый капитал реализует затраты труда, действительно вложенного в производство данного товара²⁰; до капитализма источником торговой прибыли является в основном разница стоимостей одних и тех же или аналогичных товаров в разных местах и странах, при капитализме — прибавочная стоимость; до капитализма общая норма прибыли складывается в сфере обращения, при капитализме — в сфере производства, причем средняя норма прибыли в докапиталистических формациях намного превосходит среднюю норму прибыли при капитализме.

Переход от феодализма к капитализму занимает целую историческую эпоху. Классики марксизма-ленинизма указали три пути возникновения капиталистического производства в промышленности: первый, когда купец становится промышленным предпринимателем, овладевая готовой формой капиталистического производства или создавая сам такую форму.

Второй, когда купец становится скупщиком продукции ремесленников и раздатчиком им сырья и материалов. При этом купец формально не изменяет старого способа производства, а лишь в известной мере консервирует его как необходимое условие своей деятельности. Поэтому этот путь является более длительным и мучительным для народных масс.

Третий, когда капиталистическое производство возникает в результате дифференциации самостоятельных товаропроизводителей и превращения их в промышленников, самостоятельно реализующих свою продукцию, следовательно становящихся и купцами. Поскольку капитали-

¹⁹ Там же, стр. 340.

²⁰ Мы здесь отвлекаемся от цены производства, избыточной прибыли и т. п.

стическое производство в этом случае возникает на базе разложения феодального способа производства, К. Маркс назвал этот путь «действительно революционизирующим».

Если в странах Запада первый путь был лишь одним из путей возникновения капиталистической промышленности, то в ряде слаборазвитых стран Азии он является почти единственным путем возникновения и развития фабрично-заводской промышленности. Это обусловлено превращением этих стран в аграрно-сырьевые придатки и рынки сбыта промышленной продукции развитых капиталистических стран, в результате чего местное ремесло было лишено возможности перестройки на капиталистических началах и гибло. Поэтому в этих странах и не было мануфактурного периода в истории развития капиталистической промышленности, хотя отдельные мануфактуры возникли здесь раньше, чем во многих странах Запада.

Поскольку движущей силой овладения торговым капиталом капиталистической промышленностью как готовой формой является норма прибыли, постольку этот путь получает развитие тогда, когда накопленные торгового капитала достигает уровня, намного превосходящего средневековый максимум, и в условиях абсолютного и относительного падения нормы торговой прибыли. На Западе этот процесс начался в позднее средневековье, развивался по мере падения монополий купеческих компаний, обострения конкуренции и т. п. и был значительно ускорен колониальной экспансией, принесшей, во-первых, огромные прибыли торговому капиталу и повысившей, во-вторых, норму прибыли в тех отраслях капиталистической промышленности, которые работали на экспорт, особенно в колониальные и зависимые страны. Эти отрасли и были в течение долгого времени преимущественным объектом вложений торгового капитала. Но в этих условиях на Западе купец, ставший промышленным предпринимателем, часть своего капитала оставлял в сфере обращения, т. е. продолжал выполнять также и функции купца. Лишь по мере дальнейшего падения нормы торговой прибыли его свободные торговые операции сокращались и все больше сводились к реализации продукции, произведенной на своих предприятиях. Процесс подчинения торгового капитала промышленному происходил в течение мануфактурного периода (хотя существование торгового капитала как самостоятельной формы капитала было в этот период преобладающим) и получил свое завершение тогда, когда капиталистический способ производства стал господствующим, т. е. после промышленного переворота в конце XVIII — начале XIX вв.

В иных условиях происходил и происходит этот процесс на Востоке. Падение цен на промышленные товары капиталистических стран в результате снижения издержек производства и обращения обусловило рост разрыва в уровнях национальных стоимостей этих товаров в развитых и слаборазвитых странах. Поэтому продукция первых фабрично-заводских предприятий в условиях ограниченных накоплений капитала в слаборазвитых странах и, следовательно, небольших размеров этих предприятий, их низкого технического уровня и слабой степени специализации, огромных кадровых трудностей и т. п. не выдерживает, как правило, конкуренции с аналогичными импортными товарами, и эти предприятия работают обычно с низкой прибылью, а нередко и терпят убытки. Рост разрыва в уровнях этих национальных стоимостей обусловил также значительное повышение размеров того начального капитала, который необходим для промышленного предпринимательства в странах Востока (размеров, которых достигла лишь небольшая часть

национального капитала в этих странах). С другой стороны, рост этого разрыва национальных стоимостей в условиях роста экономической силы национального купечества и национально-освободительного движения тормозит падение нормы прибыли в торговле слаборазвитых стран.

Таким образом, в результате колониального порабощения и эксплуатации стран Востока империализмом создано положение, при котором норма прибыли в промышленном производстве этих стран очень низка и очень медленно растет, а норма прибыли в сфере обращения очень высока и очень медленно падает. Этим объясняются крайне медленные темпы перелива в этих странах торгового капитала в сферу производства, то, что сравнительно большие вложения частного национального торгового капитала в фабрично-заводскую промышленность в колониальных и зависимых странах имели место лишь эпизодически, происходили в периоды нарушения обычных внешнеторговых связей с капиталистическими странами, как это имело место в особенности в годы первой и второй мировых войн. Указанными причинами объясняется то, что сфера обращения в слаборазвитых странах Азии была и остается сферой наиболее активной деятельности частного иностранного капитала. Этими же причинами объясняется та огромная роль, которую играет государство в развитии фабрично-заводской промышленности этих стран после завоевания ими независимости, ибо только государство может позволить себе низкую рентабельность, а нередко и прямую убыточность фабрично-заводских предприятий в начальном этапе промышленного развития.

Конкретные исследования советских востоковедов по слаборазвитым странам Азии не оставляют сомнения, что в большинстве этих стран торговый капитал и сейчас еще остается в основном самостоятельной и преобладающей формой капитала в их экономике. Даже в таких странах, как Индия и Китай, большая часть национального капитала до второй мировой войны функционировала в сфере обращения и меньшая — в капиталистической промышленности. Та большая роль, которую торговый капитал играет в настоящее время и тем более играл в предшествующие десятилетия в экономике слаборазвитых стран Азии, характерна, подобно тому как это имело место в странах Запада в эпоху первоначального накопления капитала и мануфактурный период их истории, для переходного периода от феодализма к капитализму, для периода возникновения капиталистического производства²¹. В этот период торговый капитал является носителем и капиталистических и докапиталистических черт, но докапиталистические черты национального торгового капитала в большинстве слаборазвитых стран Азии и сейчас являются преобладающими.

Современный Афганистан находится на одном из ранних этапов развития капитализма. В афганском сельском хозяйстве преобладают докапиталистические производственные отношения, а продукция имеющегося в стране небольшого числа фабрично-заводских предприятий играет в формировании национального дохода страны еще крайне небольшую роль.

Одним из основных моментов социально-экономического развития Афганистана в последние десятилетия было накопление денежного капитала национальными элементами. Накопление капитала и создание наилучших для него условий было одной из ближайших основных за-

²¹ К. Маркс, *Капитал*, т. 3, стр. 349.

дач внутреннего переворота и национально-освободительной революции 1919 г., многих последующих социальных, экономических, политических и культурных преобразований в стране. Сохранение благоприятных условий для накопления национального капитала в значительной мере определяет антиимпериалистический характер внешней политики, которую проводят в целом все правительства Афганистана.

Однако не только основная часть накопленных капиталов продолжает оперировать до сих пор в Афганистане в сфере обращения, но и, что более важно в данном случае, сфера обращения, прежде всего внешняя торговля, продолжает быть решающей областью накопления денежных капиталов. Имеющиеся в стране фабрично-заводские предприятия, в том числе и наиболее крупные, построенные в последние годы с иностранной финансовой и технической помощью, работают с очень низкой степенью рентабельности, а нередко и в убыток. Некоторые построенные в 50-е годы государственные промышленные предприятия ничего не дают в бюджет, а нередко тянут из бюджета немало дотаций. А те небольшие денежные накопления, которые формируются в деревне, мигрируют, как правило, в город и вливаются в ту же сферу обращения. Афганистан до сих пор не знает производительного приложения частных городских капиталов к сельскохозяйственному производству.

В истории независимого Афганистана было по меньшей мере три крупные, организованные правительством в масштабе всей страны кампании по привлечению купечества к промышленному строительству. Первая была организована эмиром Амануллой в первой половине 20-х годов, вторая — правительством Шах Махмуда в начале 50-х годов и третья — правительством Мухаммеда Дауда во второй половине 50-х годов. Проведению каждой такой кампании предшествовало введение правительством новых протекционистских мер. Барьеры, построенные на пути конкуренции импортных товаров, и привилегии и льготы, предоставленные местным промышленным предпринимателям, настолько велики, многочисленны и разнообразны в сегодняшнем Афганистане, что могли бы быть предметом специального исследования. И тем не менее ни одна из этих кампаний, включая и последнюю, не достигла сколько-нибудь заметных результатов.

Афганнацбанк всегда находился и сейчас находится в этом отношении в особом положении. Создан он был с ближайшей целью вытеснения иностранных купцов, господство которых в Афганистане в течение многих десятилетий было тяжелейшей формой экономической эксплуатации страны империализмом. Национальное купечество (наиболее сильная группа которого создала Афганнацбанк), как и другие господствующие классы Афганистана, испытывавшие на себе самые разнообразные формы империалистического гнета и всегда боровшиеся и продолжающие бороться за лучшие условия экономических взаимоотношений с империализмом, понимали и понимают, что наиболее верным и надежным оружием в этой борьбе является ликвидация экономической отсталости страны, т. е. создание прежде всего национальной современной многоотраслевой промышленности. Поэтому не удивительно, что когда после подавления восстания Бачаи-Сакао Абдул Маджид выступил в печати с проектом программы экономического развития Афганистана²², ее существенным пунктом было развитие в стране фабрично-заводской промышленности. Можно предполагать, что предоставление правительством Афганнацбанку при его организации многочисленных

²² См. «Бюллетень прессы Среднего Востока», № 4—5, 1929/30 г., стр. 51—54.

монополий, других привилегий, а также льгот было обусловлено не только общенациональной задачей вытеснения иностранного капитала из экономики страны, но и обещанием руководства Афганнацбанка заняться в дальнейшем созданием фабрично-заводской промышленности. О необходимости этого Абдул Маджид неоднократно говорил в своих выступлениях в последующие годы.

В первые же годы своего существования Афганнацбанк сделал беспрецедентные в условиях страны накопления и уже во второй половине 30-х годов создал несколько, хотя и очень небольших, но все же более крупных фабрично-заводских предприятий, чем те, которые существовали в стране до этого²³. И вот тут перед руководством банка встал вопрос о рентабельности предприятий. Те из них, которые были заняты обработкой экспортных товаров (например, хлопкоочистительные предприятия на севере), фактически обслуживали нужды торгового капитала и участвовали в конечном счете в формировании торговой прибыли. А предприятия, производившие товары, которые импортировались в значительных количествах из-за границы (например, по производству текстиля), оказывались очень малорентабельными. Американский журнал сообщал, что уже накануне второй мировой войны в руководстве Афганнацбанка возникли разногласия в вопросе о том, целесообразно ли банку участвовать в промышленном строительстве²⁴. При этом следует иметь в виду, что Афганнацбанк и в прошлом и в настоящем участвовал и участвует в тех отраслях промышленности, которые в условиях Афганистана являются наиболее рентабельными.

В годы второй мировой войны, когда страна испытывала острейший недостаток в импортных товарах, а экспорт оставался примерно на довоенном уровне, рентабельность промышленного производства значительно возросла. Это, по-видимому, и послужило одной из основных причин, побудивших руководство Афганнацбанка выступить в 1946 г. с десятилетней программой промышленного строительства. Другая основная причина этого заключалась в том, что в годы войны в силу хищнического накопления торгового капитала Афганнацбанком, происходившего в обстановке общего резкого падения жизненного уровня трудящихся, резко обострилось внутривнутриполитическое положение в стране и, в частности, недовольство Афганнацбанком в самых широких слоях населения страны. Руководство банка, видимо, рассчитывало с помощью программы промышленного строительства реабилитировать себя перед общественностью страны. Принятие программы давало банку возможность выставить себя в какой-то мере поборником общенациональных интересов. Но и в этих трудных для Афганнацбанка условиях Абдул Маджид сумел оговорить для банка такие новые привилегии, которые должны были привести и привели в первые послевоенные годы к дальнейшему укреплению его экономических позиций в стране.

²³ Вложения Афганнацбанка и его дочерних ширкетов в промышленность составили в 1936/37 г. 7,3 млн. афг., в 1937/38—9,1 млн., а в 1938/39—15,2 млн., в 1939/40 г.—19,1 млн. афг.

²⁴ «Внутри группы (Афганнацбанка. — Н. Г.) не было полного согласия. Вскоре возникли разногласия в связи со спецификой организации новых ширкетов. Некоторые из них объединяли два рода деятельности, например торговлю текстилем и вложения в текстильную промышленность. Внутреннее производство, где прибыль была сравнительно невелика и могла контролироваться, должно было заменить импорт — основной источник прибыли ширкетов. Другими словами, правая рука должна была работать против левой. Это вызвало трудности и остановку в завершении строительства промышленных предприятий и выпуске промышленной продукции» («The Middle East Journal», 1952, № 4).

Однако шли годы, а промышленная программа ни в одном пункте не выполнялась. Вряд ли было бы правильным считать, что руководство банка в эти годы выставило программу промышленного строительства лишь для обмана и вообще не намеревалось ее выполнить. По-видимому, определенное намерение выполнить ее было. Но руководство банка имело уже некоторый опыт промышленного предпринимательства и знало о чрезвычайно низкой его рентабельности²⁵, а норма прибыли в экономических связях и роста импорта падала; норма же прибыли в торговле была и оставалась колоссальной, и банк с выполнением промышленной программы не спешил. К тому же при всех колоссальных в условиях Афганистана накоплениях банка его средства для создания даже небольших современных предприятий были еще весьма ограниченными. Этим объясняются та настойчивость, с которой Абдул Маджид добивался в конце 40-х годов от США займа на цели промышленного строительства, и перелива капитала из торговых в торгово-промышленные дочерние ширкеты (главным образом ширкет «Насаджи»), которые руководство банка осуществило в конце 40-х — начале 50-х годов²⁶.

В это время, видимо, происходила напряженная закулисная борьба между правительством и руководством банка по многим вопросам, в том числе и по вопросу выполнения программы промышленного строительства. Проявлением этой борьбы явилась большая статья Абдул Маджида «Наши экономические трудности и борьба с ними», опубликованная в газете «Ислах» в номерах с 19 мая по 5 июня 1949 г. Абдул Маджид лицемерно возмущался людьми, наживающимися за счет народа, и призывал народ ограничить себя во всем ради выхода из переживаемых страной трудностей. Два основных тезиса пронизывают пространное рассуждение Абдул Маджида в этой статье: «надежда только на себя» и «индустриализация». Если первый тезис выражал действительные интересы господствующих классов, то второй призван был замаскировать цели и содержание деятельности группы Афганнацбанка. Вплоть до отставки Абдул Маджида с поста министра экономики в середине 1950 г. никакого промышленного строительства банк так и не начал.

Не случайно, по-видимому, банк предпринял первые конкретные шаги к выполнению промышленной программы лишь после того, как Абдул Маджид был вынужден уйти в отставку, и после того, как правительство приняло в начале 50-х годов первые решительные меры по ограничению господствующего положения банка в торговых операциях страны. В 1950—1951 гг. группа банка заключила договоры с западногерманскими фирмами на строительство Саробийской ГЭС мощностью 22 тыс. квт, на расширение (на 15 тыс. веретен) Пулихумрийского текстильного комбината и на строительство в Гульбахаре самого крупного в Афганистане текстильного комбината (на 60 тыс. веретен). Банк в эти годы начал строительство и реконструкцию и некоторых других, более мелких предприятий. Ниже приводится перечень

²⁵ Прибыль и дивиденды торгово-промышленного ширкета «Насаджи» были в условиях Афганистана очень низкими (а в отдельные годы их не было вовсе), и в 40-е годы, например, акции ширкета продавались на рынке за 1/3 номинала.

²⁶ Так, в августе 1949 г. на ежегодном собрании акционеров ширкета «Каракуль» было принято решение купить на 40 млн. афг. акций ширкета «Насаджи»; в сентябре 1949 г. Афганнацбанк передал ширкету «Насаджи» 60% оплаченного капитала ширкета «Иттихадия Кабул»; в ноябре 1952 г. ширкет «Каракуль» объявил о принятом решении купить акции ширкета «Насаджи» еще на 100 млн. афг.

промышленных предприятий, в строительстве или расширении которых участвовал Афганнацбанк, и общая стоимость их строительства или реконструкции (данные на ноябрь 1953 г. в млн. долл.)²⁷:

Текстильная фабрика в Гульбахаре	16,4
Саробийская гидроэлектростанция	13,9
Завод металлоизделий в Джангалаке	6,5
Кундузский хлопкоочистительный завод	4,5
Цементный завод	2,5
Пулихумрийский комбинат	1,5
Сахарный завод в Баглане	1,3

Всего . . . 46,6

Хотя сооружение и реконструкция указанных объектов составляли лишь небольшую часть промышленной программы 1946 г., банк уже в самом начале добился согласия правительства на половинное участие последнего в финансировании строительства Саробийской ГЭС и цементного завода, т. е. тех, которые из числа приведенных выше являлись наименее рентабельными. В связи с участием банка в строительстве Саробийской ГЭС правительство согласилось передать ему специальные сборы с каждой экспортированной шкурки каракуля, которые ранее делались в пользу полугосударственного ширкета «Ды Брешна лой»; правительство также пошло на увеличение своих инвестиций в капитал ширкета «Насаджи» с 16,9 млн. до 40,2 млн. афг.²⁸, тем не менее Афганнацбанк к ноябрю 1953 г. вложил в строительство приведенных объектов лишь 11,2 млн. долл.²⁹.

В эти годы было много исходивших, конечно, от Афганнацбанка сообщений о переживавшихся им финансовых трудностях. Эти сообщения должны были, видимо, объяснить и оправдать его медлительность в промышленном строительстве, а возможно, призваны были помочь банку получить от правительства согласие на сокращение своих обязательств в области промышленного строительства. Но главная цель этих сообщений заключалась, конечно, в том, чтобы остановить правительство в его мерах по дальнейшему ограничению операций банка в сфере обращения, сохранить возможно больше позиций в этой сфере, дававшей по-прежнему колоссальные прибыли банку, и хоть в какой-то мере ослабить недовольство банком со стороны общественности Афганистана.

Уже вскоре после начала строительства Саробийской ГЭС Афганнацбанк прекратил финансирование этого строительства, и оно было завершено целиком на бюджетные средства; из общей стоимости строительства этой гидроэлектростанции в 600 млн. афг. Афганнацбанк вложил менее 150 млн. афг., или менее 25%. Ширкет «Насаджи», начавший в первой половине 50-х годов сооружение завода металлоизделий в Джангалаке, после заключения советско-афганского соглашения о строительстве с помощью СССР металлообрабатывающего завода в Джангалаке прекратил его строительство (да и прежде строительных зданий и других объектов новому предприятию. Стоимость приобретенного афганским правительством для этого предприятия обору-

²⁷ «Afghanistan», pp. 186—187.

²⁸ Ibid., p. 257.

²⁹ Ibid., pp. 186—187.

дования и сделанных на бюджетные средства новых сооружений превосходит то, что было вложено Афганнацбанком, и новое предприятие является практически государственным. Не принял практически Афганнацбанк участия и в строительстве цементного завода.

В течение 50-х годов Афганнацбанк в области промышленного строительства занимался в основном строительством текстильного комбината в Гульбахаре и реконструкцией текстильного комбината в Пуваров, текстильная промышленность была и остается более рентабельной отраслью промышленности в Афганистане. Никакого нового промышленного строительства в течение первой пятилетки (1956/57—1960/61) Афганнацбанк не предпринял, а основная часть той значительной в афганских условиях программы промышленного строительства, которая была намечена и выполнена в течение первой пятилетки, финансировалась в основном правительством.

Хотя то общее полумонопольное положение, которое до 1954 г. и особенно до 50-х годов банк занимал на афганском рынке, им, видимо, безвозвратно утрачено, Афганнацбанку удалось сохранить в сфере обращения значительные позиции. Так, например, его дочерний ширкет «Каракуль» получает в последние годы, от одной четверти до одной пятой общего контингента заготовок и экспорта каракуля из страны, а каракуль был и остается одним из основных экспортных и наиболее прибыльных товаров в афганской торговле. Банк продолжает осуществлять значительные операции и с другими основными экспортными, а также импортными товарами. Он остается самым крупным и сильным коммерческим банком и играет большую роль в сфере кредита.

Таким образом, Афганнацбанку принадлежит ряд фабрично-заводских предприятий в стране, он обслуживает значительную часть сферы обращения. Хотя в афганской печати никогда не приводилось соответствующих данных, можно с достаточной степенью уверенности предполагать, что ресурсы группы банка, находящиеся во внешнеторговом обороте страны, намного превосходят ресурсы, вложенные в промышленность и внутреннюю торговлю по обращению продукции этой промышленности. Но главное даже не в этом, а в том, что подавляющую часть прибыли он получает по-прежнему от своих операций в сфере обращения, главным образом внешней торговли, и лишь очень небольшую часть этой прибыли — из эксплуатации принадлежащих ему промышленных предприятий, которые нередко приносят ему и убытки. Следовательно, почти весь круг его экономических интересов связан по-прежнему с функционированием торгового капитала как самостоятельной и преобладающей формы капитала, независимой и не подчиненной промышленному капиталу.

Преобладающая докапиталистическая сущность Афганнацбанка становится еще отчетливее при рассмотрении некоторых других сторон его деятельности и деятельности его акционеров.

Операции по заготовке экспортных товаров и сырьевых товаров для своих промышленных предприятий банк осуществляет, как правило, путем предварительного авансирования производителей этих товаров. Проценты по этим авансам формально не взимаются, но факти-

³⁰ Капитал непосредственного владельца этих предприятий — дочернего ширкета «Насаджи» — достиг в связи с этим очень большой в условиях Афганистана суммы — 635 млн. афг. («Kabul Times», 3.IV.1962).

чески банк получает большие прибыли, устанавливая очень низкие заготовительные цены на закупаемые товары и очень высокие цены на промышленные товары, реализуемые в деревне и нередко используемые для товарного авансирования. Поэтому это авансирование носит по существу ростовщический характер. Большой объем ростовщических операций осуществляет банк и его акционеры и в других формах. Немало средств самого банка и в особенности его дочерних ширкетов уходит легально и нелегально в ростовщические операции, главным образом по кредитованию индивидуального купечества. Этим же занимаются практически все акционеры банка. А общая обстановка бесконтрольного хозяйничанья во всей деятельности банка небольшой группы его заправил, ужасное состояние отчетности, широкое распространение взяточничества и т. п. заставляют с величайшей осторожностью относиться ко всем опубликованным сообщениям о его деятельности. Не случайно, конечно, балансы банка за многие годы не опубликованы, а балансы его дочерних ширкетов за отдельными редкими исключениями никогда не публиковались.

Заправилы банка да и, вероятно, практически все его акционеры имеют теснейшую связь с феодально-помещичьим землевладением. Общее состояние беспокойства и неуверенности, обусловленные напряженной международной обстановкой и сложным внутривнутриполитическим положением, побуждают акционеров банка вкладывать значительную часть своих накоплений в землевладение, преимущественно в пригородных районах, а также в домовладение в городах. Своего хозяйства на приобретенной земле они, как правило, не ведут, а сдают землю в издольную аренду безземельным и малоземельным крестьянам. Такие вложения не являются наилучшим применением их денежных капиталов, ибо торговая прибыль неизмеримо выше получаемой при этом ренты, но они рассматриваются как форма более надежных вложений и в известной мере сбережений.

Можно было бы указать и на многие другие нити, которыми Афганнацбанк связан с той докапиталистической почвой, на которой он родился и вырос и соками которой он в основном питается вплоть до настоящего времени.

Ю. М. Осипов

ОБЪЕДИНЕННОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Одна из характерных особенностей нашей эпохи — крушение мировой системы колониализма. «Мощный вал национально-освободительных революций сметает колониальную систему, подрывает устой империализма, — указывается в Программе КПСС. — На месте бывших колоний и полуколоний возникли и возникают молодые суверенные государства. Их народы вступили в новый период своего развития. Они поднялись как творцы новой жизни и активные участники международной политики, как революционная сила разрушения империализма»¹.

Одним из первых среди государств Африки и Ближнего Востока завоевал политическую независимость Египет: в 1952 г. был свергнут монархический режим и провозглашена республика.

Длительное господство империализма превратило Египет в отсталую страну.

Несмотря на то что в Египте сформировалась прослойка крупной национальной буржуазии, в целом ее позиции были весьма слабыми. В 1952 г. в стране насчитывалось свыше 3 тыс. мелких и средних предприятий, на которых работало немногим больше 10% всего населения. Обрабатывающая промышленность (в основном текстильная и пищевая) вместе с производством электроэнергии давала только 9—10% совокупного общественного продукта. Тяжелая промышленность практически отсутствовала. В стране не было ни одного металлургического или машиностроительного предприятия.

Многие важнейшие отрасли экономики находились в руках иностранного капитала. Например, в 1948 г. из общей суммы акционерного капитала промышленных компаний в 118 млн. ег. ф. на долю иностранцев приходилось свыше 60%. Ежегодно иностранные компании беспрепятственно вывозили из страны крупные валютные суммы. Одна только эксплуатация Суэцкого канала приносила иностранным акционерам 30—35 млн. ег. ф. чистой прибыли, или около 3% национального дохода страны. Общий объем инвестиций, который частная промышленность была в состоянии выделять на расширение производства, не превышал к 1952 г. 8—9% по отношению к совокупному общественному продукту, что является очень низким показателем развития экономики.

Государственные капиталовложения на развитие экономики были

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961, стр. 44.

также ничтожны (в 1952 г. в промышленность было вложено только 2,15 млн. ег. ф.).

Однако и это мизерное развитие сдерживалось отсталой системой земельных отношений. До революции в руках крупных земельных магнатов и феодальной верхушки, которые составляли только 0,6% всех землевладельцев, находилось 20% земли. Однобокая специализация сельского хозяйства обуславливала нехватку продовольственных и других культур, на которых могла развиваться отечественная промышленность.

Феодализм сверху донизу разлагал государственный аппарат, процветало взяточничество, подкуп, обман и мошенничество. Несмотря на то что население Египта было почти поголовно неграмотным, страдало от массовых эпидемий и не имело элементарного медицинского обслуживания, на социально-культурные нужды выделялись гроши. В то же время на содержание феодальной клики, военщины и монаршего двора расходовалось свыше $\frac{2}{3}$ бюджета.

Отсталое хозяйство Египта обуславливало неразвитость системы государственных финансов. Как и в других слаборазвитых странах, финансы Египта покоились на шаткой фискальной основе, преимущественно таможенных пошлинах. Главное назначение финансовой системы сводилось к поддержанию режима политической власти.

Естественно, что после провозглашения в стране республиканского строя руководители Египта столкнулись с тяжелой проблемой: как в условиях крайней отсталости экономики и финансов найти кратчайший путь к решению основных задач революции.

Первый этап послереволюционного развития (до 1961 г.) характеризовался в основном вытеснением из экономики иностранного влияния. В июле 1956 г. была национализирована компания Суэцкого канала. Национализация канала и победа над тройственной агрессией позволили перейти к более широкому наступлению на позиции империализма в экономике страны.

Правительство провело в жизнь законы о «египтизации» английской и французской собственности (банки, торговые и страховые компании). В последующем была секвестрована собственность бельгийских компаний и национализированы земельные владения, принадлежащие иностранцам. Мероприятия по «египтизации» и национализации иностранного капитала позволили правительству ликвидировать каналы утечки иностранной валюты за границу. Одновременно национализация Суэцкого канала дала в руки государства весьма существенный источник накоплений для последующего экономического строительства. Если до национализации правительству от эксплуатации канала доставалась сумма, примерно равная 1 млн. ег. ф., то после национализации правительство уже смогло получать и направлять на свои нужды 40—50 млн.

Действия правительства, направленные на подрыв и вытеснение иностранного капитала, не сопровождались в этот период широкой перестройкой внутренней экономики. Аграрная реформа, которая была проведена в 1952 г., далеко не решала земельной проблемы.

Однако уже в этот период правительство приступило к осуществлению политики экономических преобразований. На базе предприятий, перешедших под контроль государства, была создана Экономическая организация развития, которая с 1957 по июнь 1961 г. вложила в различные промышленные предприятия свыше 275 млн. ег. ф. В целом эта организация контролировала капиталы 125 принадлежащих ей ком-

паний на общую сумму 500 млн. ег. ф. В начале 1961 г. были созданы еще несколько крупных государственных организаций, в том числе организация «Мыср» на базе крупнейшего в стране коммерческого банка «Мыср», которому принадлежал контрольный пакет акций в 22 частных компаниях, и организация «Наср» с капиталом 10,5 млн. ег. ф. Помимо прямого участия в государственном предпринимательстве, правительство применяло косвенные меры воздействия на экономику, которые включали использование финансовой, импортной политики, регулирование цен и т. п.

Изменения, которые происходили в этот период в экономике, не могли не сказаться на системе государственных финансов страны. Наряду со структурными изменениями в бюджете резко возрос объем расходов, особенно автономных организаций, которые сосредоточивали у себя хозяйственную деятельность государства. Если в 1951/52 г. расходы государственного бюджета по отношению к национальному доходу не превышали 24%, то в 1960/61 г. они составляли 50%. Произошли также значительные сдвиги в структуре общенациональных инвестиций: в 1951 г. соотношение между частными и государственными вложениями составляло 78:22, в 1956 г. — уже 37:63 и в 1960 г. — 16:84. В 1960 г. государству принадлежало 92% капитала всех созданных новых компаний.

Из этих показателей видно, что бюджет в этот период стал важным инструментом экономической политики государства. Вместе с тем, несмотря на очевидные достижения в экономическом строительстве, они не отвечали тем темпам, которые могли бы привести страну к прогрессу в исторически короткий срок.

Недостаток капиталов, углубление социального расслоения общества², саботаж крупной буржуазии и земельных собственников ставили под угрозу завоевания революции. К тому же экономическое развитие было сильно осложнено суэцкими событиями, которые потребовали значительных внутренних военных ассигнований. В ответ на наступление на позиции иностранных монополий империалисты ответили экономической и валютной блокадой. Валютные активы Египта были заморожены Англией. В этот тяжелый для Египта час Советский Союз пришел на помощь и оказал народу Египта большую экономическую поддержку, которая позволила сорвать преступные планы империализма.

Нехватка финансовых ресурсов тяжело сказалась на выполнении первого пятилетнего плана (1957—1962). Предусмотренные первоначальным вариантом плана капиталовложения (194,2 млн. ег. ф.) были освоены лишь на 77%. В эксплуатацию были сданы 105 промышленных объектов с общей суммой вложенных капиталов 83,5 млн. ег. ф.³

² В 1961 г. крупная буржуазия и земельные собственники — менее 1,5% из 27 млн. населения Египта — присваивали свыше 35% всех личных доходов. Среднедушевой доход этой немногочисленной прослойки составлял 818 ег. ф., тогда как на все остальное население приходилось только 22 ег. ф., т. е. в 37 раз меньше. При этом личные доходы рабочих и мелкой буржуазии (52% городского населения) составляли около 75 ег. ф. Безработные составляли 11% всего населения и 37% городского населения. На долю крестьян, включая зажиточную прослойку (99% всего сельского населения), приходилось в среднем по 11 ег. ф. на человека, причем безземельные и бедные феллахи получали в среднем в год по 4 ег. ф. В целом личный доход на душу населения в 1961 г. составлял в Египте 33,4 ег. ф., или около 95 ам. долл. («Tier's-Monde», 1961, avril—juin, p. 187).

³ «Economic developments in UAR (Egypt)», 1961, p. 4.

Стало очевидным, что на той социальной базе, которая сложилась после революции, нельзя было успешно решить задачу национально-го возрождения.

В этих условиях правительство ОАР осознало необходимость создания более широкой социальной основы для экономического роста. Была сформулирована новая программа действий, в которой подчеркивалась неспособность национального частного капитала развивать в достаточной степени ресурсы страны и декларировалось установление государственного контроля над национальными средствами производства.

Новый этап ознаменовался перестройкой национального хозяйства, направленной на подрыв крупной и отчасти средней буржуазии. Начиная с лета 1961 г. правительство шаг за шагом проводило в жизнь важные государственные декреты. В июле 1961 г. был установлен полный или частичный контроль над 275 компаниями (из них 44 были национализированы полностью, в 83 государство получило не менее 50% акций и в остальных 148 компаниях частным акционерам разрешено держать акции на сумму не более 10 тыс. ег. ф.⁴). Одновременно были национализированы почти все внешнеторговые компании (экспортные национализированы на 75%, импортные — все), банки и кредитные учреждения, значительная часть фирм, занимавшихся торговлей внутри страны. Правительство наложило также арест на имущество тысячи богатейших семей, ввело более прогрессивный налог на доходы, установило максимум заработной платы в 5 тыс. ег. ф. в год, предоставило право рабочим и служащим участвовать в распределении 25% чистой прибыли предприятия и осуществило ряд других мероприятий социально-экономического характера.

В 1961 г. была проведена более радикальная аграрная реформа, в результате которой крестьяне получили около 2,5 млн. федданов⁵ земли. Землевладение помещиков было ограничено 100 федданами. Аграрная реформа значительно улучшила положение мелких землевладельцев — феллахов.

Очередные мероприятия по национализации последовали в 1963 г. В августе было национализировано или поставлено под контроль государства 276 промышленных и транспортных предприятий, в ноябре еще 177. Из ведения частного сектора была целиком изъята вся оптовая торговля, ликвидированы контракты на добычу и разведку полезных ископаемых. После обнародования августовских декретов удельный вес государственного сектора в общем объеме промышленного производства страны повысился до 68,3%. Считают, что после проведения всех мероприятий по национализации частной собственности в руках государства будет сосредотачиваться свыше 80% всей промышленности.

Мероприятия по изменению социальной и экономической структуры общества проводятся под лозунгом строительства социализма в ОАР. Можно по-разному относиться к концепции «арабского кооперативного социализма», однако нельзя не видеть и того факта, что ни в одной слаборазвитой несоциалистической стране не было проведено столь далеко идущих преобразований. Несомненно, что эти преобразования носят прогрессивный характер и отвечают националь-

⁴ По законам ОАР пай государства в 25% акционерного капитала дает ему право прямого контроля за деятельностью предприятия или компании.

⁵ Феддан = 0,42 га.

ным интересам страны. В мае 1962 г. при формулировании основ социально-экономической политики Египта президент Насер заявил, что Египет не пойдет по капиталистическому пути. В известной мере реформы правительства создают такие предпосылки. Однако вопрос о том, насколько полно разовьются эти предпосылки, будет в первую очередь зависеть от отношения руководителей Объединенной Арабской Республики к демократическим слоям населения, от привлечения этих слоев к активному участию в политической и экономической жизни страны.

Социально-экономические мероприятия в ОАР открывают новые благоприятные возможности в области развития экономики и планирования. Сосредоточение в руках государства ключевых позиций и командных высот будет содействовать расширению его участия в экономической жизни, имея в виду ту значительную часть национального дохода, которая перераспределяется через систему государственных финансов. Кроме того, переход к государству банковских и кредитных учреждений облегчает разрешение проблемы накоплений и более рационального использования привлеченных средств в соответствии с общегосударственными потребностями.

* * *

Одновременно с осуществлением социально-экономических реформ был разработан новый пятилетний план. Второй пятилетний план ОАР (1960/61—1964/65) является частью долгосрочной десятилетней программы. Он предусматривает увеличение валового национального производства с 2525 млн. в 1959/60 г. до 3601 млн. ег. ф. в 1964/65 г. Продукцию промышленности и строительства намечается довести с 1209 млн. до 1936 млн. ег. ф., или на 60% (среднегодовой прирост 9,8%), в том числе продукцию тяжелой промышленности увеличить в 2,1 раза. Валовое производство сельского хозяйства должно возрасти с 574 млн. до 736 млн. ег. ф., или на 28%. Соответственно планируется увеличить за пятилетие прирост национального дохода на 40%. За пятилетие намечается ввести в строй около 733 объектов, большинство которых промышленные предприятия.

Планирование национального производства исходит из задач скорейшей индустриализации страны. В этой связи намечено за первые пять лет повысить долю промышленности и строительства в валовом национальном производстве с 47,9 до 53,8% и в национальном доходе с 25,4 до 34,2%. Соответственно будет сокращена доля других подразделений народного хозяйства и, в частности, несколько ослаблена зависимость египетской экономики от сельского хозяйства (доля сельского хозяйства в национальном доходе понизится с 31,2 до 28,5%). К концу 1964/65 г. намечается увеличить занятость до 7 млн. человек, что будет составлять, с учетом прироста населения за пятилетие примерно на 3 млн. человек, около 24,7% всего населения⁶. При этом доля сельскохозяйственных рабочих (54,3%) не изменится, а доля занятых в промышленности возрастет на 14,2% и составит немногим более 12% общего количества работающих по найму.

Для выполнения заданий пятилетнего плана намечается в этот период вложить в экономику 1697 млн. ег. ф., в том числе в промышлен-

⁶ Количество работающих по найму (включая сельское хозяйство) составляет примерно 6 млн. человек, или около 23,5% ко всему населению страны.

ленность и энергетику — 598,8 млн. (35,3%) и в сельское хозяйство — 392 млн., или 23,1%. В целом за счет внутренних источников предполагается профинансировать не менее двух третей всех инвестиций.

Основные задания пятилетнего плана характеризуются следующими данными⁷:

	1959/60 г.	1964/65 г.	Абсолютный прирост, %	Среднегод. прирост, %
Население, млн. человек	25,7	28,7	11,2	2,2
Объем валового национального производства, млн. ег. ф.	2525	3601	42,6	7,3
То же на душу населения, ег. ф.	98,2	125,5	27,8	5,0
Национальный доход, млн. ег. ф.	1282	1795	40,0	7,0
То же на душу населения, ег. ф.	50,0	62,5	25,0	4,6

Новая пятилетняя программа развития экономики является значительной для такой страны, как ОАР. Это предопределяет весьма напряженное состояние финансовой системы страны. Вот почему наряду с реорганизацией государственного сектора была перестроена система государственных финансов. Бюджет выдвигался на первый план не только как основной источник финансирования обширной программы развития, но и как инструмент экономического регулирования.

Начиная с 1962/63 г. бюджету была придана функция краткосрочного финансового плана в рамках долгосрочного перспективного планирования. В 1963/64 г. были упразднены бюджеты многочисленных автономных организаций и вся их финансовая деятельность стала проходить по бюджету госсектора. Более четкая организация системы местного самоуправления позволила учесть расходы местных бюджетов в централизованном порядке и включить их в общегосударственный бюджет самостоятельным разделом. Сосредоточение в бюджете всей финансовой деятельности государства дало возможность более точно учесть потребности в развитии экономики и источники финансирования как текущих, так и капитальных затрат, облегчить планирование, а также поставить производство ассигнований и расходов предприятий в жесткие рамки административного контроля. Бюджет государственного сектора в целом, а также финансовые планы предприятий и организаций госсектора ежегодно утверждаются Высшим советом национального хозяйства. Высший совет контролирует деятельность 13 министерств, куда включена 41 крупная экономическая организация, руководящая производственными и торговыми предприятиями.

В бюджете ОАР ярко проявляется экономический курс, который проводит в жизнь правительство. Помимо организационной перестройки системы государственных финансов и приспособления их к потреб-

⁷ Рассчитано по данным «Economic Bulletin, National Bank of Egypt», 1961, № 1, pp. 5—10.

ностям быстрорастущей экономики, сами масштабы бюджетных расходов отражают активный процесс индустриализации ОАР (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели государственного бюджета *

Год	Национальный доход (млн. ег. ф.)	Расходы		Доходы		Соотношение между доходами и расходами
		млн. ег. ф.	% к национальному доходу	млн. ег. ф.	% к национальному доходу	
1951/52	944	233,6	24,7	194,1	20,6	83,1
1956/57	1129	358,1	31,7	264,5	23,4	73,9
1959/60	1258	484,8	37,7	294,5	22,9	60,7
1960/61	1363	700,1	51,4	370,9	27,2	53,0
1961/62	1411	778,9	55,9	423,0	29,9	54,3
1962/63	1532	970,3	63,3	474,8	31,0	48,9
1963/64	1690	1079,4	63,9	501,0	29,6	46,4

* Начиная с 1960/61 г. в ОАР не публикуются данные об исполнении бюджета. Поэтому за последние три года взяты плановые показатели.
Составлено по: «Economic Bulletin, National Bank of Egypt», 1961, № 2, p. 127; № 4, pp. 403—410; «The African and Middle East Economist», 1963, September, pp. 233—236.

Рост расходов значительно опережает увеличение национального дохода, что свидетельствует о повышении значения госсектора в финансировании экономического развития. Достаточно отметить тот факт, что в 1962/63 г. на долю государственных капиталовложений приходилось 90% общенациональных инвестиций. Правительство ОАР стремится, развивая экономику, опираться главным образом на собственные ресурсы. Вместе с тем рост расходов далеко опережает увеличение доходов. Если расходы с 1951/52 по 1963/64 г. увеличились в 4,6 раза, то доходы только в 2,6 раза. Такой разрыв между доходной и расходной частью государственного бюджета объясняется тем, что развитие собственной базы накоплений требует известного времени, и пока значительную часть экономических расходов приходится финансировать за счет иностранных кредитов и внутреннего государственного долга. Нельзя не упомянуть и о том, что доходная база государственного бюджета, хотя и в меньшей степени, продолжает опираться на экспорт хлопка, что в определенной мере сказывается на стабильности государственных финансов при неблагоприятной мировой конъюнктуре на сырьевые товары.

Стремление правительства ОАР к ускоренному развитию экономики обуславливает неравномерное возрастание различных элементов бюджетной структуры. Так, если текущие расходы обычного бюджета увеличились за 13 лет в 1,8 раза, то капиталовложения — в 11,9 раза. Если же суммировать чистые расходы, так или иначе связанные с хозяйственной деятельностью государственных предприятий и организаций (т. е. расходы автономных бюджетов и капиталовложения), то показатель роста финансовой деятельности госсектора за 13 лет составит 16,5 раза (табл. 2).

Таблица 2

Расходы государственного бюджета
(млн. ег. ф.)*

Год	Текущие расходы		Капиталовложения
	обычный бюджет	автономные бюджеты, включая расходы местных органов	
1951/52	195,4	3,2	34,5
1953/54	178,6	6,8	47,6
1956/57	282,7	8,8	66,6
1957/58	242,1	18,0	59,0
1958/59	239,3	96,4	77,6
1959/60	254,7	102,8	127,3
1960/61	301,0	113,2	285,9
1961/62	335,0	123,9	320,0
1962/63	328,2	279,8	362,3
1963/64	362,6	315,9	410,9

* В связи с реорганизацией в 1962/63 г. бюджетной системы ОАР и включением всей производственной деятельности государственных и полугосударственных предприятий в хозяйственный бюджет государственного сектора текущие расходы автономных организаций также были включены в указанный бюджет. Из-за этого нарушилась сопоставимость различных разделов общегосударственного бюджета. В целях обеспечения сопоставимости данных текущие расходы хозяйственного бюджета госсектора были отнесены нами условно к текущим расходам автономных бюджетов, а капиталовложения, проходящие по обычному бюджету и автономным бюджетам, включая расходы местных органов власти, были переадресованы в раздел капиталовложений. Официальные данные за 1962/63 и 1963/64 гг.: текущий бюджет—380,5 млн. и 392,2 млн. ег. ф. бюджет местных органов—138,7 млн. и 148,2 млн. ег. ф. бюджет госсектора—451,1 млн. и 539 млн. ег. ф.

Составлено по данным: «Economic Bulletin. National Bank of Egypt», 1961, № 2, p. 127; № 4, p. 403; «The African and Middle East Economist», 1963, September, pp. 233—236.

Значительное увеличение расходов и особенно ассигнований на капиталовложения наблюдается за последние четыре года. Так, если за 1951/52—1959/60 гг. государственные капиталовложения составили 581,7 млн. ег. ф., то за последующее четырехлетие они увеличились на 1379,1 млн., или почти в 2,3 раза, и составляют около 87,5% к итоговой цифре капиталовложений, предусмотренных пятилетним планом. Еще более резко возросло соотношение между капитальными и текущими затратами: в 1951/52—1959/60 гг. на 1 ег. ф. капитальных затрат приходилось около 4 ег. ф. текущих расходов, а в 1960/61—1963/64 гг. только 1,7. Об активной политике развития красноречиво говорят также цифры изменения доли государственных инвестиций (фонда накопления) в национальном доходе страны. Если в 1951/52 г. она составляла 3,6%, в 1959/60 г. — 9,9, то уже с 1960/61 г. в связи с мероприятиями по национализации удельный вес государственных инвестиций повысился до 21% и в 1963/64 г. ориентировочно составит 24%⁸.

⁸ После реорганизации экономики частные капиталовложения в ОАР занимают незначительный процент (2—3% по отношению к национальному доходу).

Следует отметить, что такая часть национального дохода, направляемая на расширенное воспроизводство, очень высока. Она соответствует примерно уровню наиболее развитых капиталистических стран и значительно опережает другие слаборазвитые страны. Для сравнения укажем, что фонд накопления в Индии в национальном доходе, включая частные инвестиции, составлял за 1951/52—1960/61 гг. 16,3% (с амортизацией). При этом доля государственных капиталовложений не превышала 5%.

Таблица 3

Распределение бюджетных ассигнований
(% к итогу)*

Отрасль хозяйства	1951/52 г.		1950/51—1959/60 гг.		1963/64 г.	
	все расходы	капиталовложения	все расходы	капиталовложения	все расходы	капиталовложения
Промышленность и энергетика						
Сельское хозяйство, включая Асуанскую плотину	5,1	17,7	14,4	30,0	20,8	39,6
Транспорт и связь	7,1	24,6	8,5	23,6	16,3	37,2
Коммунальное хозяйство и жилищное строительство	13,1	27,8	12,4	20,3	9,3	8,3
	2,0	13,6	3,8	13,1	8,4	8,8
Итого . . .	27,3	83,7	39,1	87,0	54,8	86,9

* Составлено по данным «Economic Bulletin. National Bank of Egypt», 1961, № 4, p. 409; «The African and Middle East Economist», 1963, September, pp. 233—236.

С 1951/52 по 1963/64 г. ассигнования в производственную сферу увеличились с 63,9 млн. до 591,0 млн. ег. ф., или в 9,2 раза. При этом расходы на развитие промышленности и энергетики возросли с 12 млн. до 225 млн. ег. ф., или в 18,7 раза, расходы на развитие сельского хозяйства, включая ирригацию и строительство Асуанской плотины, с 16,7 млн. до 176,4 млн. ег. ф., или в 10,6 раза, и затраты на транспорт и связь, включая Суэцкий канал, с 30,5 млн. до 100,4 млн. ег. ф., или в 3,3 раза.

За этот же период капиталовложения на развитие материальных отраслей хозяйства увеличились с 27,3 млн. до 356,6 млн. ег. ф., или в 13,1 раза, в том числе в промышленность и энергетику — с 6,1 млн. до 162,6 млн. ег. ф., или в 26,7 раза, на развитие сельского хозяйства — с 8,5 млн. до 124 млн. ег. ф., или в 14,6 раза, на транспорт и связь — с 9,6 млн. до 33,9 млн. ег. ф., или в 3,5 раза.

Наиболее ощутимые успехи были достигнуты в области развития промышленного производства.

За период 1951/52—1962/63 гг. объем промышленного производства возрос с 313 млн. до 900 млн. ег. ф., т. е. почти в три раза. При этом происходило опережающее развитие отраслей группы «А». Преимущественно развивается промышленность государственного сектора, что видно из следующих данных⁹:

⁹ Составлено по данным: «Egyptian Gazette», 13.VIII.1963; «Аль-Гумхурия», 13.VIII.1963.

Стоимость промышленного производства, млн. ег. ф.	779,1	900,0	12,5
в том числе:			
в госсекторе	515,9	614,7	19,2
в частном секторе	263,2	285,3	8,4
Удельный вес госсектора в общем объеме промышленного производства, %	66,1	68,3	2,2
Занятость в госсекторе, тыс. человек	254,8	289,2	13,2
То же в % ко всей занятости в промышленности	—	40,0	—
Фонд заработной платы в госсекторе, млн. ег. ф.	54,6	65,1	19,3
Средняя заработная плата одного работника в госсекторе, ег. ф.	214	215	5,2

С июля 1960 г. по 30 июня 1963 г., т. е. за три года, были введены в строй 297 новых промышленных объектов общей стоимостью 236,3 млн. ег. ф. За это же время было реконструировано 224 предприятия. До конца 1963 г. было намечено сдать в эксплуатацию еще 170 промышленных объектов на сумму 109 млн. ег. ф., из которых 120 предприятий войдут в обобществленный сектор.

Если до 1952 г. в стране практически не было своей тяжелой промышленности, то теперь в ОАР созданы основы металлургической промышленности, успешно осваивается производство автомобилей и авторезины, электрооборудования, железнодорожных вагонов, строительных материалов, радиоприемников, телевизоров, холодильников и т. п.

О производстве важнейших видов промышленной продукции в ОАР говорят следующие данные¹⁰:

	1952 г.	1957 г.	1962 г.
Электроэнергия, млн. квт.ч	992	1706	4091
Нефть, тыс. т	2379	2362	4504
Железные руды, тыс. т	—	245	461
Фосфаты, тыс. т	527	585	682
Цемент, тыс. т	951	1466	2313
Чугун, тыс. т	50	99	189
Сталь (изделия), тыс. т	—	1	132
Минеральные удобрения, тыс. т	117	386	434
Хлопчатобумажная пряжа, тыс. т	56	81	121
Бумага, тыс. т	20	38	88

Значительные капиталовложения выделяются государством на развитие сельского хозяйства (они занимают в расходах бюджета второе место после промышленности), так как без развитого многоотраслевого сельского хозяйства нельзя успешно решить задачи индустриализации страны. До самого последнего времени сельскохозяйственное производство не имело прочной основы для своего развития, так как находилось в тисках феодального землепользования. Однако одни мероприятия по перераспределению земли еще далеко не решают всей аграрной проблемы. Главные усилия в развитии сельскохозяйственной

¹⁰ «Economic Bulletin, National Bank of Egypt», 1963, № 1—2, p. 153.

базы поэтому направлены на расширение посевных площадей. Стремление руководителей ОАР обеспечить население продовольствием (ОАР ежегодно ввозит более миллиона тонн зерна) и промышленность сырьем наталкивается на недостаток полезной площади в стране. Вся посевная площадь, занятая под возделыванием сельскохозяйственных культур, не превышает 3% территории страны. Сокращать производство длиноволокнистого хлопка за счет внедрения других культур ОАР пока не может, так как это основная статья валютных доходов, за счет которых финансируется импорт оборудования и машин.

В этих условиях громадное значение для страны будет иметь сооружение Асуанского гидроэнергетического комплекса. Уже с окончанием первой очереди строительства (весной 1964 г.) будут созданы возможности для дополнительного орошения 750 тыс. федданов земли. Завершение Асуанского комплекса позволит увеличить площадь обрабатываемой земли на 30%. По расчетам египетских экономистов, это сооружение даст возможность ежегодно увеличивать национальный доход на 20% от уровня национального дохода, полученного в 1959/60 г.

Общая стоимость стройки определена в 415 млн. ег. ф. Ее огромные масштабы обуславливают выделение значительных бюджетных ассигнований. Это видно из следующих данных¹¹:

	1955/56— 1959/60 гг.	1960/61 г.	1961/62 г.	1962/63 г.	1963/64 г. ¹²
Капиталовложения, млн. ег. ф.	19,5	10,3	27,3	34,6	55,5

Значительные средства тратятся государством на освоение, ирригацию и осушение новых земель. Наряду с этим для повышения продуктивности сельского хозяйства оказывается большая помощь в строительстве кооперативов и обеспечении крестьян семенами, удобрениями, в создании в сельской местности образцовых деревень¹³. Значительная государственная поддержка оказывается также арендаторам земли, которых в ОАР насчитывается около 4 млн. человек. Хотя к завершению второго пятилетнего плана зависимость египетской экономики от сельского хозяйства будет несколько ослаблена, окончательное решение проблемы станет в конечном итоге возможным только тогда, когда избыток сельскохозяйственных рабочих будет целиком поглощаться промышленностью.

Как мы уже упоминали, взятый правительством курс на индустриализацию страны обусловил значительную передвижку бюджетных

¹¹ «Economic Bulletin, National Bank of Egypt», 1961, № 2, p. 128; № 4, p. 409; «The African and Middle East Economist», 1963, September, p. 235.

¹² С учетом текущих издержек ассигнования на строительство Асуанского комплекса составляют в 1963/64 г. 59,4 млн. ег. ф.

¹³ Контроль за распределенными землями осуществляет Организация земельной реформы. Она следит за тем, чтобы феллаху, получившему в результате реформы землю, была оказана необходимая помощь. Вместе с тем получение надела связывается с обязательным условием — вступлением в кооператив. Задача кооператива — снабжать крестьянина удобрениями, сортовыми семенами, предоставлять кредит и организовывать сбыт продукции. Феллахи должны строго соблюдать при этом разработанный организацией севооборот и присоединять свои наделы к землям, на которых возделываются те же культуры. Указанная политика способствовала в числе других мер заметному повышению продуктивности сельского хозяйства и увеличению доходов сельского населения.

расходов в сторону производственной сферы. Удельный вес ассигнований на развитие нематериальных отраслей экономики и непроизводительные расходы снизился с 72,7% в 1951/52 г. до 45,2% в 1963/64 г.

О распределении бюджетных ассигнований (включая капиталовложения) в непроизводственную сферу экономики ОАР свидетельствуют следующие данные (в %) ¹⁴:

	1951/52 г.	1950/51— 1959/60 гг.	1961/62 г.	1962/63 г.	1963/64 г.
Военные расходы, внутренняя безопасность, юстиция	24,9	27,3	15,2	13,6	14,5
Просвещение, здравоохранение, социальное обслуживание и культура	33,3	29,4	15,5	14,8	15,4
Прочие операционные и административные расходы, связанные с текущей деятельностью	14,5	16,1	14,0	14,3	15,3
Всего . . .	72,7	72,8	44,7	42,7	45,2

Снижение удельного веса расходов в непроизводственную сферу не отразилось на абсолютном сокращении этих затрат. Наоборот, они значительно выросли: со 169,7 млн. в 1951/52 г. до 488,4 млн. ег. ф. в 1963/64 г., или почти в 2,9 раза. При этом военные расходы увеличились соответственно с 58,1 млн. до 156,3 млн. ег. ф., или в 2,7 раза, ассигнования на социально-культурные мероприятия—с 77,5 млн. до 166,8 млн. ег. ф., или в 2,1 раза, и прочие расходы, так или иначе связанные с операционной и административной деятельностью государства, — с 34,1 млн. до 165,3 млн. ег. ф., или в 4,8 раза.

Увеличение расходов на здравоохранение, просвещение, культурное и социальное обслуживание в известной мере можно рассматривать как косвенные «инвестиции», которые приносят отдачу в виде технических знаний, улучшения культуры производства, здоровья, т. е. всего того, что в конечном счете находит свое отражение в более высокой производительности труда. Недостаток квалифицированных кадров в ОАР является для страны не менее, а может, и более важной проблемой среди задач, требующих своего первоочередного решения.

Правительство ОАР с 1961 г. ввело бесплатное обучение во всех учебных заведениях (от начальной школы вплоть до университета), приняло декрет о распространении на всех трудящихся социального страхования, установило пенсии по старости, снизило квартирную плату, значительно улучшило медицинское обслуживание на селе.

За период с 1952 по 1963 г. количество школ в ОАР возросло с 5572 до 9302, значительно расширилась сеть среднего специального и высшего образования.

В области здравоохранения ОАР к концу 1963/64 г. будет располагать более чем 400 современными больницами и около 800 лечебными центрами, которые смогут обслужить в течение года вдвое больше больных, чем это было до 1952 г.

Несмотря на значительные трудности финансирования экономи-

¹⁴ Рассчитано по данным: «Economic Bulletin. National Bank of Egypt», 1961, № 4, с. 409; «The African and Middle East Economist», 1963, September, pp. 233—236.

ческого развития, правительство затрачивает значительные средства на субсидирование цен (оно устанавливает твердые цены на продовольствие и некоторые другие предметы первой необходимости—кена и ряд других мероприятий аналогичного характера. В бюджетах на 1962/63 и 1963/64 гг. только субсидии на поддержание цен на пшеницу, муку, кукурузу, овощи, растительное масло, сахар и керосин составили соответственно 36,5 млн. и 32,4 млн. ег. ф. Для сравнения укажем, что эти суммы примерно соответствуют выделенным в 1962/63 г. капиталовложениям на строительство Асуанской плотины. Сосредоточение в руках государства подавляющей части финансовых ресурсов позволило ОАР сделать важный шаг по пути к достижению экономической самостоятельности (табл. 4).

Таблица 4

Основные показатели второго пятилетнего плана

	1959/60 г. (базовый год)	1962/63 г. (третий год пяти- летки)	1964/65 г. (план)	Прирост в % к 1959/60 г.	
				1962/63 г.	1964/65 г.
Объем валового национального производства, млн. ег. ф.	2525	3255	3601	28,9	42,6
Национальный доход, млн. ег. ф.	1285	1532	1795	19,2	40,0
То же на душу населения, ег. ф.	50,0	56,7	62,5	13,4	25,0

Несомненно, правительство ОАР смогло бы добиться еще больших успехов, если бы значительная часть бюджетных ресурсов не отвлекалась на военные цели. За последние годы ОАР расходует на нужды обороны и внутренней безопасности примерно столько же, сколько составляют все капиталовложения на развитие промышленности и энергетики, и значительно больше, чем на просвещение, здравоохранение и социальное обслуживание, вместе взятые. О динамике военных расходов можно судить по следующим данным ¹⁵:

	1951/52 г.	1959/60 г.	1961/62 г.	1962/63 г.	1963/64 г.
Военные расходы, внутренняя безопасность, юстиция (включая капиталовложения в военную промышленность), млн. ег. ф.	58,1	92,3	118,4	138,2	156,3
То же в % к национальному доходу	6,2	7,2	8,4	9,2	9,3

Цифры военных ассигнований последних лет близко примыкают к соответствующему показателю в национальном доходе у высокоразвитых капиталистических стран.

¹⁵ «Economic Bulletin. National Bank of Egypt», 1961, № 2, p. 128; № 4, p. 409; «The African and Middle East Economist», 1963, September, p. 235.

* * *

Упор в экономическом развитии ОАР на собственные силы немислим без укрепления доходной части государственных финансов. Однако правительство ОАР не могло не учитывать тех слабостей экономики, которые являлись объективным тормозом в изыскании дополнительных внутренних источников. Хотя была проведена довольно существенная перестройка налоговой системы, одна эта перестройка не могла сама по себе обеспечить потребности развивающейся экономики. В условиях ужасающей бедности населения форсированное усиление налогов уже само по себе ограничено определенными рамками. С другой стороны, обложение налогами феодалов и крупной буржуазии оказалось малоэффективным. Относительная слабость национального капитала и отсталость сельского хозяйства не позволяли даже при высоких налоговых ставках получить значительные поступления в казну. К тому же правительству было трудно бороться с массовым уклонением от уплаты налогов. По подсчетам египетских экономистов, правительство ежегодно недобирало около 30% прямых налогов¹⁶. Было принято наиболее рациональное решение укрепить финансовую систему путем обобществления и сосредоточения в руках государства частной собственности крупной буржуазии.

Широкая перестройка социально-экономической структуры благоприятно сказалась на укреплении государственных финансов страны. Во-первых, национализация закрыла каналы, по которым в карманы иностранных монополий утекала значительная часть внутренних доходов страны. Во-вторых, государство получило дополнительные накопления за распределяемую среди крестьян землю. И, наконец, в распоряжение государства перешла основная сумма акционерного капитала бывших частных компаний. Только в результате первого тура национализации государству были сданы акции на сумму 53 млн. ег. ф. Экономическое значение национализации заключается прежде всего в том, что государство освободилось от уплаты значительной части дивидендов и процентов из распределяемой прибыли и получило тем самым возможность увеличить массу доходов с государственных предприятий. Автоматически ликвидирован также вопрос, связанный с уклонением от уплаты налогов на государственных предприятиях.

Об изменении структуры государственных доходов свидетельствуют данные, приводимые в табл. 5.

На изменение структуры доходной части оказали влияние, с одной стороны, широкие мероприятия по национализации частной собственности и, с другой — налоговая политика правительства. Уже сама по себе национализация при принятой в ОАР организации государственного сектора предопределяет сокращение поступлений прямых налогов за счет автоматического переключения их в доходы государственного сектора. В соответствии с законом от 11 февраля 1960 г. все предприятия, включенные в государственный сектор или поставленные под контроль государства (смешанные предприятия), освобождаются от уплаты налога на промышленные и торговые прибыли. Иными словами, подоходный налог переходит в новую категорию отчисления

¹⁶ В последнее время правительственные органы ОАР повели решительную борьбу с уклонением от уплаты налогов. Доходы налогоплательщиков будут тщательно контролироваться. При этом на лиц, не сообщающих сведений о своих доходах, будут налагаться санкции, вплоть до уголовной ответственности. Налоговым органам предоставлено также право производить переоценку доходов в случае их занижения.

от прибыли, и сфера обложения подоходным налогом сокращается. Указанная передвижка финансовых ресурсов, дополняемая более быстрым развитием других источников доходов, сказалась на относительном снижении значения налоговой системы в общем объеме бюджетных доходов.

Таблица 5

Структура государственных доходов,
(% к итогу)*

Год	Налоги			Прибыли госпред- приятий	Прочие доходы
	всего	прямые	косвен- ные		
1951/52	75,6	20,5	55,1	14,1	10,3
1953/54	75,0	18,0	57,0	14,6	10,4
1958/59	67,5	18,2	49,3	11,9	20,6
1959/60	64,6	17,2	47,4	9,1	26,3
1960/61	51,0	16,3	34,7	4,6	44,4
1961/62	48,5	15,7	32,8	18,9	32,6
1962/63	51,2	12,3	38,9	17,9	30,9
1963/64	54,8	13,9	40,9	15,9	29,3

* Налоги только центрального правительства. Уменьшение удельного веса прибыли государственных предприятий за 1959 и 1960 гг. объясняется исключением из обычного бюджета железных дорог и генеральной нефтяной организации и включением их в раздел автономных бюджетов. В прочие доходы входят доходы местных органов власти, а также значительная часть государственных доходов в сфере обслуживания и поступления от имущества, находящегося под секвестром. С учетом этих поступлений доля государственных доходов составляет в 1962/63 г. 38% и в 1963/64 г. 35% всех доходов текущего бюджета.

Рассчитано по данным: «Economic Bulletin. National Bank of Egypt», 1961, № 2, p. 130; № 4, p. 417; «The African and Middle East Economist», 1963, September, p. 235.

За истекшие 14 лет налоги возросли со 146,7 млн. до 274,7 млн. ег. ф., или в 1,9 раза, т. е. они увеличивались гораздо медленнее, чем общий рост текущих доходов (он увеличился в 2,6 раза). При этом среди налоговых поступлений рост косвенных налогов опережал увеличение прямых налогов. За тот же самый период косвенные налоги увеличились со 107,0 млн. до 205,2 млн. ег. ф., или в 1,9 раза, а поступления от прямых налогов с 39,7 млн. до 69,5 млн. ег. ф., или в 1,7 раза.

Абсолютное возрастание налоговых поступлений является отражением налоговой политики правительства ОАР. При осуществлении этой политики оно придерживается двойственного подхода. С одной стороны, налоговая политика преследует фискальные цели и, с другой — она все больше используется как инструмент косвенного регулирования социально-экономической структуры. Указанные тенденции лежали в основе перестройки системы налогообложения и в первую очередь прямых налогов.

После июльской революции правительство упорядочило налоговые ставки, однако сам принцип построения системы подоходного налога, введенного в 1939 г., не изменился. В основе этого принципа лежит сочетание шедулярного обложения (т. е. отдельно по каждому виду доходов) с глобальным.

Система личных шедулярных налогов имеет дело с относительно невысокими доходами (хотя по масштабам ОАР они и высоки) и охватывает средние слои городского населения¹⁷. Поэтому острее налоговой политики руководителей ОАР было в основном направлено на изменение общего подоходного налога. В этом налоге воплощается глобальный принцип обложения доходов, превышающих тысячу египетских фунтов в год.

С 1 января 1962 г. правительство ОАР резко ужесточило шкалу обложения общим подоходным налогом. Если раньше ставки этого налога колебались от 8% с дохода от 1 тыс. до 2 тыс. ег. ф. до 80% с дохода свыше 30 тыс., то по новой шкале доходы свыше 10 тыс. подлежат обложению в 90% (с учетом налога на оборону максимальная ставка составляет 97%). По официальным данным, количество плательщиков общего подоходного налога составляло в 1961 г. около 33 тыс. человек, а сумма, уплачиваемая ими в бюджет, 5 млн. ег. ф.¹⁸ При известной нейтрализации посредством налоговой политики высоких доходов немногочисленной прослойки богачей, новые ставки обложения общим подоходным налогом предусматривают значительные послабления для лиц, доходы которых не превышают 6 тыс. ег. ф. в год. Эффективная ставка налогообложения этих лиц установлена в следующих размерах (в ег. ф.):

Годовой доход	Старая шкала	Новая шкала	Средняя ставка по новой шкале
1500	50	40	2,7
2000	105	85	4,25
3000	225	185	6,2
4000	405	335	8,4
5000	665	585	12,7
6000	1005	935	15,6

Таким образом, даже после уплаты налога высокооплачиваемый чиновник государственного аппарата будет получать доход, который в десятки раз превышает зарплату высококвалифицированного рабочего или служащего. В этом, безусловно, находит свое отражение социальная ограниченность налоговой политики в ОАР.

Слабая эффективность прямого налогообложения заставила правительство ввести специальный налог на нужды обороны. Наряду с указанными налогами в ОАР действуют налог с наследств, налог на квартирную плату, налог со строений, поземельный налог и некоторые другие налоги, фискальное значение которых невелико.

Ставка поземельного налога составляет 16% от стоимости участка, оцененного на базе средней арендной платы за землю. При осуществлении первой земельной реформы правительство использовало этот налог в целях дискриминации крупных земельных собственников. С излишков земли (свыше 200 федданов) взимался пятикратный размер налога¹⁹.

¹⁷ Из-за бедности населения база обложения подоходным налогом очень узка. По данным «Tiers-monde» (1961, avril—juin), только около 34% городского населения имело среднегодовой доход, превышающий 100 ег. ф. В 1962 г. количество налогоплательщиков с доходами не свыше 500 ег. ф. насчитывалось около полумиллиона, т. е. эту цифру можно условно принять за базу обложения подоходным налогом.

¹⁸ «Egyptian Gazette», 22.VII.1963.

¹⁹ Вплоть до 1949 г. максимальная сумма налога с одного феддана не должна была превышать 1,64 ег. ф. При такой системе помещики забирали в свои карманы

Следует отметить, что хотя фискальное значение поземельного налога невелико (в 1962/63 г. он составлял, включая налог со строений, 9 млн. ег. ф., или 15% всех прямых налогов), тем не менее при бедности крестьянского населения он является для него значительным бременем, если к тому же учесть, что феллахам надо делать взносы за полученную в результате реформы землю.

* * *

Недостаток ресурсов, необходимых для финансирования экономического развития, вынуждает государство прибегать в значительном объеме к дефицитному финансированию для покрытия своих расходов. Внутренняя государственная задолженность ОАР увеличилась в конце 1961 г. по сравнению с 1958 г. более чем в 1,6 раза и составляла следующую сумму (на конец года, в млн. ег. ф.)²⁰:

	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	Август 1962 г.
Консолидированный долг . . .	162,0	182,0	287,3	311,2	349,2
в том числе займы развития	65,0	75,0	125,0	150,0	150,0
Текущий долг	160,0	175,0	185,0	198,0	200,0
Облигации аграрной реформы	32,6	36,6	42,0	42,0	42,1
Итого	354,6	393,6	514,3	551,3	591,3
Гарантированные правительством облигации Промышленного банка и Банка сельскохозяйственного кооперативного кредита . .	20,0	20,0	29,0	28,0	28,0
Всего	374,6	413,6	537,3	579,3	619,3

Задолженность государства составляла свыше 43% национального дохода ОАР. Следует отметить, что приведенная сумма государственного долга не учитывает имевших место мероприятий по национализации частной собственности.

Осуществление аграрной реформы и национализация частной собственности накладывает на государство определенное бремя выплаты компенсаций бывшим владельцам предприятий и земельным собственникам. Общая сумма государственных облигаций, выпущенных еще в 1952 г. при осуществлении первой аграрной реформы, составляет около 42 млн. ег. ф. и будет погашаться в течение 40 лет. Плата за выкуп земельной собственности по новой реформе отложена на неопределенный срок. Задолженность государства по выпущенным обязательным национализированным коммерческих банков (Национальный банк, «Мыср банк» и «Порт-Саид банк») составляет немногим более 22 млн. ег. ф. Следует также отметить, что иностранные государства,

всю дифференциальную ренту, так как они владели лучшими участками, а вся тяжесть налогов ложилась на плечи феллахов. В системе поземельного обложения, таким образом, наиболее ярко проявлялся реакционный характер старой налоговой системы.

²⁰ «Economic Bulletin. National Bank of Egypt», 1963, № 2—3, p. 136.

в частности Англия, остро ставят перед ОАР вопрос о компенсации за национализированную иностранную собственность. Сумма выкупа иностранной собственности оценивается примерно в 50 млн. ф. ст. В настоящее время достигнута договоренность о погашении обязательств ОАР в форме поставок некоторых египетских товаров (исключая хлопок); кроме того, Англия согласилась предоставить ОАР заем, из которого будут оплачиваться выкупные платежи бывшим иностранным собственникам.

Однако самой крупной статьей государственной задолженности будет замена выкупаемых акций национальных частных компаний облигациями. В качестве компенсации держателям акций выпускаются государственные облигации сроком на 15 лет и из расчета 4% годовых²¹. Однако это отнюдь не снижает значения осуществляемого в ОАР преобразования собственности, так как государство будет, по всей видимости, иметь возможность получать с национализированных предприятий такую массу прибыли, которая полностью покроет затраты по выплате компенсаций.

Самыми крупными кредиторами государства являются Центральный эмиссионный банк и коммерческие банки²². На май 1963 г. в Центральном банке ОАР было размещено казначейских векселей и других государственных обязательств на сумму 305,0 млн. ег. ф., или более чем в 1,5 раза по сравнению с 1958 г. Начиная с 1958 г. государство очень активно размещало свои обязательства в коммерческих банках. Если в 1958 г. позаимствования государства у коммерческих банков не превышали 23,1 млн. ег. ф. и составляли лишь около 7% всех активов, то в апреле 1963 г. государственная задолженность этим банкам возросла почти в семь раз и составляла 157,1 млн. ег. ф., или свыше 30% всех активов. Эта тенденция свидетельствует о все большем использовании государством банковской системы для финансирования капиталовложений за счет снижения удельного веса обычного кредитования частного сектора (в 1958 г. соотношение между кредитами государству и частному сектору составляло 1:9, а в 1962 г. уже 1:2).

Расширение государственного кредитования (особенно Центрального банка) способствовало увеличению денежной эмиссии (с 207 млн. в 1958 г. до 270,5 млн. ег. ф. на март 1963 г., или на 30,7%), которое, однако, не сопровождалось ростом цен. Но это не означает, что в экономике ОАР не было инфляционных тенденций. Стабильность оптовых и розничных цен объясняется мероприятиями правительства по поддержке оптовых цен на хлопок и ряд других товаров, а также введением твердых цен на основные потребительские продукты. Однако искусственно поддерживаемая внутренняя стабильность египетского фунта в условиях инфляционного финансирования создает опасность

²¹ Согласно заявлению министра финансов ОАР, держателям акций национализированных компаний будут выданы государственные облигации на сумму до 15 тыс. ег. ф. на человека.

²² Египетская Генеральная организация банков решила вопрос об уменьшении в стране числа коммерческих банков до пяти. Согласно решению, принятому 9 октября 1963 г., «Суэц банк» и «Банк де коллективите финансьер» сольются в «Мыср банк»; Импортный и экспортный банк Египта объединится с «Александрия банк»; Коммерческий банк войдет в Национальный банк Египта; «Джумхурия банк» волеется в «Порт-Сайд банк» и, наконец, «Банк де юнион комерсиаль» соединится с «Каир банк». Комментируя принятое решение, министр экономики ОАР подчеркнул, что небольшие банки были неэффективны и не могли отвечать всем требованиям банковского обслуживания.

расширения спекулятивных тенденций, что в свою очередь может неблагоприятно сказаться на всей программе экономического развития ОАР.

В целях сдерживания развития инфляции правительство осуществило ряд мероприятий ограничительного характера. С 15 мая 1962 г. учетная ставка Центрального банка была повышена с 3 до 5%. Одновременно были подняты процентные ставки всех других кредитных учреждений страны. Это сделано, с одной стороны, для ограничения получения кредитов и, с другой — для поощрения сбережений местной валюты. Центральный банк установил также для кредитной системы лимиты, в пределах которых должно осуществляться предоставление ссуд и займов. Еще ранее была изменена процедура распределения ассигнований на финансирование строящихся объектов. Согласно новому порядку средства для финансирования строительства будут выдаваться не непосредственно из бюджета согласно заявкам, а через Центральный банк в виде кредитов с уплатой процентной ставки и оплатой через определенные сроки (например, на финансирование промышленных объектов займы будут предоставляться сроком на 12 лет из расчета 2% годовых, а на финансирование сельского хозяйства и жилищного строительства на 25 лет из расчета 2% годовых). Новая практика, таким образом, устанавливает финансовый контроль за ходом строительства, расходованием государственных средств и ограничивает непроизводительные расходы строительных организаций.

В целях предотвращения дальнейшего обесценения египетской валюты на внешних рынках правительство по существу узаконило девальвацию египетского фунта, объявив в мае 1962 г. о понижении валютного курса с 2,87 до 2,3 долл. США за 1 ег. ф. по всем валютным операциям, за исключением уплаты сборов за проход транспорта через Суэцкий канал, которые будут по-прежнему исчисляться на основе паритета египетского фунта—2,87156 долл. США за 1 ег. ф. Одновременно был запрещен вывоз из страны египетских банкнот.

Следует, однако, отметить, что, несмотря на национализацию кредитной системы, которая, несомненно, будет содействовать более рациональному распределению кредитных ресурсов по каналам государственного финансирования, вопрос о дальнейшей мобилизации внутренних источников остается очень острым. ОАР по размерам частных сбережений на душу населения отстает от многих других стран. Общая сумма частных сбережений составила на 1 октября 1962 г. около 430 млн. ег. ф., в том числе в страховых и пенсионных фондах 144,4 млн., в органах соцстраха 37,3 млн., на сберегательных счетах коммерческих банков 127,6 млн. и в почтово-сберегательных кассах 56,9 млн. Кроме того, инвестиции страховых компаний составляют 64,5 млн. ег. ф.²³ Изъятие значительной части этих сбережений (в 1962/63 г. за счет внутренних сбережений предполагалось профинансировать 302 млн. ег. ф.) на нужды экономического строительства, как показывают факты, не способно покрыть предъявляемого спроса. Поэтому правительственные органы ОАР разрабатывают различные проекты по стимулированию притока вкладов от населения. Следует, однако, отметить, что все эти проекты недоучитывают в известной мере реальной суммы доходов и зарплаты, которые получает население ОАР. Поэтому использование денежных сбережений населения в последующие годы может натолкнуться на весьма значительные затруднения.

²³ «Economic Bulletin. National Bank of Egypt», 1963, № 1—2, p. 156.

* * *

Выполнение пятилетнего плана ОАР находится в большой зависимости от импорта оборудования и машин. Это предопределяет необходимость изыскания иностранной валюты для покрытия значительной части капиталовложений. В последние годы ОАР испытывает серьезные валютные трудности. Платежный баланс сводится со значительным дефицитом, что видно из следующих данных (в млн. ег. ф.)²⁴:

	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	Январь—сентябрь 1962 г.
Экспорт	161,0	164,3	200,2	161,3	111,2
Импорт	214,0	235,3	255,2	224,3	220,5
сальдо торгового баланса	-53,0	-71,0	-55,0	-63,0	-109,3 ²⁵
сальдо неторговых операций	+32,9	+35,0	+31,4	+23,2	+25,7
Итого сальдо платежного баланса по текущим операциям	-20,1	-36,0	-23,6	-39,8	-83,6
Сальдо движения капиталов	-3,8	+11,4	+11,1	+20,4	+57,6
Итого	-23,9	-24,6	-12,5	-19,4	-26,0

Основная причина дефицита платежного баланса состоит в том, что выручка от экспорта не покрывает расходов по импорту. Существенное влияние на пассивность баланса оказывают также платежи в погашение иностранной задолженности, в том числе платежи, связанные с выплатой компенсации за национализированную иностранную собственность (включая Суэцкий канал) и затопляемую территорию Судана в связи со строительством Асуанской плотины.

Дефицит внешнеторгового баланса покрывался за указанные годы доходами, получаемыми от эксплуатации Суэцкого канала (примерно 48—50 млн. ег. ф. в год), иностранными кредитами и займами, а также за счет сокращения валютных резервов (в млн. долл.)²⁶:

	1955 г.	1960 г.	1962 г.	Июнь 1963 г.
Золото	174	174	174	174
Иностранная валюта	481	117	43	46
Итого	655	291	217	220

Как видно из приведенных данных, правительство ОАР практически исчерпало валютные резервы (золотой запас не может расходоваться, он служит обеспечением денежного обращения) и поэтому вряд ли может серьезно рассчитывать на этот источник для покрытия все возрастающих инвалютных расходов. К тому же ОАР имеет ограниченную структуру экспорта (примерно 65—70% всей экспортной выручки падает на хлопок, около 7% — на рис и лук, 8% — на хлопчатобумажную пряжу и ткани и остальные 15% на другие товары — нефтепродукты, марганец и т. п.), которая не позволяет добиться роста экспортной выручки соответственно увеличению импорта промышленного оборудования.

²⁴ «Economic Bulletin. National Bank of Egypt», 1962, № 2—3, p. 202.

²⁵ По предварительным данным, дефицит торгового баланса в 1962 г. составил 134,2 млн. ег. ф.

²⁶ «International financial statistics», 1963, October.

В этих условиях правительство ОАР предпринимает энергичные шаги для изменения структуры внешней торговли страны.

Вторым пятилетним планом предусматривается значительное строительство промышленных объектов, в том числе предприятий текстильной промышленности, по переработке нефти, добыче марганца и фосфорита, что даст возможность, по оценке плановых органов, увеличить за пятилетие экспорт хлопчатобумажной пряжи и текстильных изделий с 16,7 млн. до 27,5 млн., продуктов горнодобывающей промышленности — с 3,5 млн. до 6,5 млн., сырой нефти — с 3 млн. до 15 млн., цемента — с 1,7 млн. до 2,3 млн., риса — с 3,6 млн. до 9 млн., овощей, фруктов и других продовольственных товаров — с 10,8 млн. до 17,5 млн. ег. ф. В то же время в 1964/65 г. намечается экспортировать хлопка на сумму 124,3 млн. ег. ф., т. е. ниже достигнутого уровня 1960 г. Это связано, в частности, с увеличением внутренних потребностей в хлопке в связи со строительством текстильных фабрик. Например, уже сейчас ОАР импортирует некоторое количество средневолокнистого хлопка из других стран.

В целом физический объем экспорта в неизменных ценах 1959/60 г. намечается увеличить к 1964/65 г. на 35,4%. При этом имелось в виду изменить товарную структуру экспорта: долю хлопка понизить с 66,6 до 54,2% за счет увеличения удельного веса (с 9,9 до 12%) хлопчатобумажной пряжи, тканей и изделий из текстиля, долю сельскохозяйственной продукции и продовольствия повысить с 8,5 до 11,6%, промышленных товаров — с 11,6 до 18%.

Наряду с этим к концу пятилетия предполагается сократить объем импорта на 6,2%. Намечается значительно сократить ввоз пряжи и текстильных товаров (с 5,7 млн. до 1,6 млн. ег. ф.), полностью прекратить импорт продукции горнодобывающей промышленности, существенно снизить за счет развития отраслей местного производства импорт бумаги, химикатов, нефти и ряда других товаров. В то же время в связи с расширением промышленного строительства значительно возрастет импорт машин и оборудования (с 58,9 млн. в 1959/60 г. до 70,0 млн. ег. ф. в 1964/65 г.). Удельный вес импорта капитальных товаров возрастет, таким образом, за пятилетие с 25,7 до 32,6%. В связи с ростом населения также несколько увеличится ввоз в страну продовольствия, главным образом пшеницы (с 45 млн. в 1959/60 г. до 47,9 млн. ег. ф. в 1964/65 г.)²⁷.

Все это дает основание предполагать, что правительство ОАР путем последовательного осуществления индустриализации страны добьется в текущем пятилетии некоторого увеличения экспортных доходов.

В то же время в текущем пятилетии ОАР предстоит выплатить иностранным государствам и международным финансовым организациям значительные валютные суммы, связанные с погашением и уплатой процентов по внешней задолженности и выплатой компенсации за национализированную иностранную собственность.

Напряженность валютно-финансового положения вынуждает правительство ОАР прибегать к значительному использованию иностранных займов и кредитов на покрытие расходов, связанных с экономическим развитием страны.

Империалистическим государствам не по душе прогрессивные преобразования, которые осуществляет правительство ОАР. Поэтому

²⁷ Все данные — по «Middle East Economist» за 1961 г.

они неохотно идут на оказание экономической помощи стране, огорчивают ее предоставление различными политическими и экономическими уступками.

В отличие от империалистических стран Советский Союз и другие социалистические страны искренне заинтересованы в экономическом развитии молодых суверенных государств, оказывают им большую материальную и моральную поддержку. Вспомним хотя бы события, связанные с национализацией Суэцкого канала, когда при дружественной поддержке Советского Союза Египет успешно отразил англо-франко-израильскую агрессию и отстоял свою политическую независимость.

Бескорыстная помощь социалистических стран служит важным вкладом в дело экономического строительства ОАР. Советский Союз предоставил ОАР на цели экономического развития крупный кредит на сумму 400 млн. руб. (в старом масштабе цен). Достигнута также договоренность о финансировании строительства второй очереди Асуана. На эти цели будет выделен кредит в размере до 900 млн. руб. Помощь социалистических государств ОАР и другим слаборазвитым странам оказывается на льготных условиях. Если, например, кредиты иностранных государств и международных финансовых организаций предоставляются ОАР из расчета 4—6%, то займы социалистических стран предоставлены на обычных условиях — 2,5% годовых и с рассрочкой погашения на 12 лет.

В соответствии с заключенными соглашениями СССР оказывает ОАР содействие в строительстве 80 промышленных объектов, предусмотренных планом экономического развития ОАР. Помощь оказывается в таких важнейших отраслях промышленности, как нефтяная, металлургическая, химическая, машиностроение, судостроение, энергетика, строительство предприятий текстильной и пищевой промышленности, а также в проведении геологоразведочных работ и создании учебных центров для подготовки кадров. К завершению второго пятилетнего плана при содействии СССР будет окончено строительство еще около 30 промышленных предприятий.

Доля объектов, которые будут построены с участием СССР, составит в металлообрабатывающей промышленности 32%, в машиностроении 36 и в горнодобывающей и нефтяной промышленности 48% общей стоимости валовой продукции.

В одном из своих выступлений президент ОАР Насер высоко оценил помощь Советского Союза. «Десятки тысяч наших рабочих и инженеров, — сказал он, — строят сейчас высотную плотину при самой благородной помощи Советского Союза. Эта плотина — цель всех устремлений Египта — поднимется на Ниле как символ воли и усилий народа»²⁸.

Значительную помощь в строительстве промышленных предприятий ОАР оказывают также ГДР, Чехословакия и другие социалистические страны.

Миролюбивая политика ОАР и бескорыстная помощь социалистических стран содействуют независимому развитию страны. Однако продвижение ОАР к экономическому прогрессу сопряжено с еще значительными трудностями. Первые успехи, достигнутые на пути независимого экономического развития, свидетельствуют о том, что эти трудности могут быть преодолены.

²⁸ «Правда», 17.XII.1963.

С. А. Кузьмин

НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА ПАКИСТАНА

Налоговая система является важным инструментом экономической политики Пакистана. Подобно тому как это имеет место в других капиталистических государствах, налоги в руках правящих кругов Пакистана служат орудием перераспределения национального дохода в пользу господствующих классов. Разумеется, конкретные условия в современном Пакистане, расстановка и соотношение сил на политической арене в стране, противоречия в правящих кругах по ряду вопросов экономического развития и пр. оказывают существенное влияние на налоговую политику правительства. Весьма важными аспектами налоговой системы как орудия государственной политики являются, во-первых, использование налогов для балансирования между интересами различных классов и социальных групп страны. Предоставляя максимальные налоговые льготы крупной буржуазии, оберегая от налогообложения доходы помещичьего класса, правящие круги Пакистана время от времени вынуждены отступать от этого основного курса своей налоговой политики, делать кое-какие уступки буржуазии национальных районов, мелкой городской буржуазии и др. Все сложные этапы политической борьбы в Пакистане, размах демократического и национального движений, борьба буржуазии национальных районов за место на пакистанском рынке, наконец борьба внутри самого правящего блока прямо и непосредственно отражались на налоговой политике правительства, которое в свою очередь пыталось использовать налоги, уменьшая или увеличивая налогообложение тех или иных групп населения для того, чтобы как-то разрядить политическую обстановку, расколоть демократическое движение; во-вторых, в условиях слаборазвитой экономики налоговая система приобретает особое значение как орудие государственного регулирования экономического развития. Стимулируя развитие одних отраслей материального производства, ограничивая приток капиталов в другие, правящие круги Пакистана имели возможность направлять экономическое развитие страны в русло, наиболее соответствующее интересам господствующих классов. Генеральным курсом в области народного хозяйства, проводимым правящими кругами страны на протяжении всех лет ее самостоятельного существования, был курс на развитие капитализма по «классическому образцу» западноевропейских стран, т. е. на развитие в первую очередь легкой и лишь некоторых отраслей тяжелой промышленности, на всяческую поддержку формирующейся национальной буржуазии, на привлечение в страну иностранного капитала. Все это нашло отражение и на соответствующих налоговых мероприятиях правительства Пакистана.

Как и в других слаборазвитых странах Азии, налоги являются основой доходной части государственных финансов Пакистана.

Они, в частности, составляют подавляющую часть поступлений центрального бюджета. В первые годы существования Пакистана (до 1950 г.) налоги составляли около 81% всех поступлений обычного бюджета. В последующие два года их доля повысилась до 86—87,5%, что было вызвано главным образом ростом поступлений от таможенных пошлин в связи с некоторым оживлением внешней торговли в период так называемого «корейского бума». Отголоски «бума» распространяются и на последующий, 1952/53 г. Начиная с 1953/54 г. удельный вес налогов в бюджетных доходах правительства несколько сокращается и характеризуется более или менее стабильной цифрой — 74—77% от всех бюджетных поступлений. Несмотря на то что в последние годы доля налогов в бюджетных доходах сократилась (67% от всех доходов в 1959/60 г., 71,6 в 1960/61 г., 69,9% в 1961/62 г.), в абсолютных цифрах она значительно возросла и по-прежнему составляет основу бюджета центрального правительства. Размеры налоговых поступлений в 1960/61 г. увеличились по сравнению с 1948/49 г. более чем в 2,4 раза.

Большую часть средств провинциальных бюджетов также составляют налоговые поступления. В Западном Пакистане в 1960/61 г. налоги составляли 70% обычного бюджета, в 1961/62 г. 69,3%. В бюджете Восточного Пакистана в 1960/61 г. на налоги падало 64,5% всех обычных доходов, в 1961/62 г. 65,2%. Налогообложение в провинциях неуклонно растет. Так, налоговые поступления в Западном Пакистане увеличились с 169,1 млн. рупий в 1948/49 г. до 590,3 млн. в 1961/62 г., т. е. в 3,5 раза. В Восточном Пакистане соответственно с 155,4 млн. до 378,0 млн. рупий, или в 2,4 раза.

Основные черты налоговой системы Пакистана унаследованы им от колониального режима. Правда, в ходе экономического развития, результатом которого были определенные изменения в расстановке классовых сил, в частности перегруппировка сил внутри правящих классов, имела место и некоторая модификация этих принципов, приспособление их к новым интересам правящих классов. Однако фундамент налоговой политики Пакистана на протяжении всех прошедших лет оставался неизменным.

Налоговые функции в Пакистане, в соответствии с принятым еще в колониальный период Актом об управлении Индией (1935 г.), поделены между центральным и провинциальными правительствами. Часть налогов собирает аппарат центрального правительства исключительно для собственных нужд — это пошлины на импортные товары и подоходный налог с компаний. Другая часть также собирается аппаратом центрального правительства, однако поступления делятся между центральным и провинциальными бюджетами. Сюда относятся такие налоги, как экспортные пошлины и налог на личные доходы, кроме поземельного. Провинциальные правительства осуществляют сбор поземельного, водного налогов, налога на оборот и др. Эти средства идут целиком в провинциальные бюджеты. Кроме перечисленных, провинциальные правительства имеют в своем распоряжении акцизы на некоторые товары, не облагаемые центром¹. Подобная система разделения налоговых функций, наряду с дотациями из центрального бюджета в провинциальные бюджеты, создает большую сложность в фи-

¹ J. Russell Andrus, Azizali F. Mohammed, *The Economy of Pakistan*, London, 1958, pp. 306—307.

нансовых отношениях между центром и провинциями, ведет к массе встречных платежей, удорожающих государственный аппарат. Далее надо заметить, что система, при которой центральное правительство может произвольно распоряжаться средствами, полученными в провинциях (например, поступлениями от экспортных пошлин), таит в себе опасность дискриминации одних национальных районов в пользу других, что неоднократно и имело место в Пакистане на протяжении его недолгой истории.

Основной удельный вес в финансовой системе Пакистана принадлежит косвенным налогам. Соотношение между косвенными и прямыми налогами можно видеть из приводимых ниже данных (в млн. рупий)²:

	1948/49 г.	1960/61 г.	1961/62 г.
Прямые налоги:			
подоходный и на прибыли компаний	73,8	343,5	346,6
поземельный	51,6	166,6	172,5
Косвенные налоги:			
таможенные пошлины	392,2	534,5	604,0
акцизы (центрального правительства и провинциальные)	53,4	383,3	398,7
налог на продажи	41,7	365,0	475,0
Прочие налоги	173,0	205,0	367,4
Всего	785,7	1997,9	2364,2

В 1960/61 г. на долю прямых налогов приходилось 22,7% всех налоговых поступлений, на долю косвенных 63%. Графа «Прочие налоги» включает гербовые и регистрационные сборы, административные пошлины, налоги на транспортные средства и другие сборы³, которые с некоторыми оговорками могут быть отнесены также к косвенным налогам. В целом, как отмечает Плановая комиссия Пакистана, косвенные налоги составляют около 70% всех налоговых поступлений. В период второго пятилетнего плана предусматривается лишь самое незначительное (примерно на 1,7%) повышение доли прямых налогов в налоговых поступлениях.

Политика правительства в отношении прямых налогов направлена целиком на поддержку крупной пакистанской буржуазии и иностранных монополий, действующих в Пакистане, основных групп помещиков Западного и Восточного Пакистана.

В рекомендациях Плановой комиссии Пакистана в отношении налоговой политики государства говорится следующее: «Прогрессивное налогообложение нельзя увеличить, не снизив стимула к работе и сбережениям. Налоговая политика должна полностью принимать во внимание необходимость накопления капитала. Придется допустить некоторый первоначальный рост имущественного неравенства с тем, чтобы достичь высокого уровня сбережений и инвестиций. Что нежелательно — это большое неравенство в уровне потребления. Налоговая политика по этому должна быть сориентирована так, чтобы направить значительную часть крупных доходов в накопления и инвестиции, а не в потребление»⁴. В другом официальном документе говорится: «Налоговая поли-

² «Budget 1961—62. Explanatory memorandum», Karachi, 1961, pp. 190—191, 208—209, 212—213.

³ S. M. Akhtar, *Economics of Pakistan*, vol. II, Lahore, 1961, p. 367.

⁴ «The second five year plan (1960—65)», p. 49.

тика была пересмотрена (в течение 1959/60 бюджетного года. — Авт.), с тем чтобы обеспечить максимальный простор накоплениям и инвестициям»⁵. В переводе на практические дела это означало дальнейшее увеличение косвенных налогов.

Таким образом, прямые налоги, особенно прогрессивные, рассматриваются правящими кругами Пакистана как зло, препятствующее накоплению капитала и, следовательно, экономическому развитию страны. Цель налоговой политики — максимально уменьшить это зло за счет увеличения косвенного налогообложения. Об этом прямо говорится в тех же рекомендациях Плановой комиссии: «Для того чтобы достичь максимально высокого уровня сбережений, упор должен быть сделан на косвенные налоги, в частности налоги на потребление, которые уловят значительную часть растущих средних доходов страны»⁶.

Можно заметить, что в основе теоретического обоснования подобной политики лежат известные взгляды Рикардо на налоговую политику буржуазного государства. Вот что он пишет об этом: «С ростом обложения или с умножением правительственных расходов то количество предметов комфорта, которым пользуется народ, должно уменьшаться, если только он не сможет соответственно увеличить свой капитал и свой доход. Задача политики правительства и должна состоять в том, чтобы поощрять это стремление к накоплению. Оно никогда не должно вводить такие налоги, которые неминуемо падают на капитал. Поступая так, оно затрагивает фонд, предназначенный для содержания труда, и тем самым уменьшает будущее производство страны»⁷.

Нынешние неорикарданцы, проповедуя необходимость воздерживаться от «чрезмерного» налогообложения имущих классов, совершенно игнорируют тот факт, что лишь меньшая часть прибылей верхушки национальной буржуазии этих стран идет на расширение производства, что громадные прибыли иностранных монополий вообще безвозвратно уходят из этих стран, причем в размерах, как правило, превышающих первоначально вложенный капитал. Игнорируют они и роль государства в слаборазвитых странах как фактор, который в ряде случаев может обеспечить более высокий «уровень сбережений», чем частный сектор, и, таким образом, сыграть важную роль в достижении этими странами экономической независимости.

Под видом заботы о росте накоплений и стимулировании сил, содействующих экономическому развитию страны, правящие круги Пакистана последовательно осуществляли налоговую политику в интересах имущих классов страны.

Сопоставление динамики роста прямых и косвенных налогов за период существования Пакистана показывает, что прямые налоги росли быстрее и абсолютно и относительно, чем косвенные. Однако для правильной оценки динамики прямого и косвенного налогообложения необходимо, на наш взгляд, иметь в виду следующее.

Основным источником поступлений прямых налогов в Пакистане являются доходы, созданные в фабрично-заводской промышленности. С 1949/50 по 1960/61 г. сумма прямых налогов выросла в 3,5 раза, а доход фабрично-заводской промышленности, даже по заниженным данным официальной статистики, в 7,3 раза. Таким образом, если брать

⁵ «The budget 1960—61. Economic survey and statistics. April 1959 — March 1960», Karachi, 1960, p. 15.

⁶ «The second five year plan (1960—65)», p. 49.

⁷ Д. Рикардо, Сочинения, т. I, М., 1955, стр. 131.

динамику прямых налогов в соотношении к доходу, созданному в промышленности, то имело место относительное сокращение прямого налогообложения.

Объектом косвенного обложения, как известно, является вся сумма расходов общества на личное потребление (облагаемых и необлагаемых прямыми налогами). С 1949/50 по 1960/61 г. национальный доход Пакистана вырос на 31%, сумма косвенных налогов — на 144%. Таким образом, темпы роста косвенного обложения намного обогнали темпы роста дохода широких масс населения.

Следовательно, в пропорции к соответствующему объекту налогообложения косвенные налоги растут быстрее, чем прямые; более того, за прошедший период имело место снижение относительного бремени прямого налогообложения.

Косвенные налоги. Основные виды косвенного налогообложения в Пакистане — таможенные пошлины, акцизы центрального и провинциальных правительств, налог на продажи.

Значительное место в налоговых поступлениях занимают таможенные пошлины. С 1947/48 по 1952/53 г. они составляли 42% поступлений в текущий бюджет центрального и провинциальных правительств. Наибольших размеров поступления от таможенных пошлин достигли в разгар корейской войны: в 1950/51 г. они составили 46,5% всех обычных бюджетных поступлений. После 1952/53 г. поступления по этой статье сокращаются как в абсолютном, так и особенно в относительном выражении. В 1959/60 г. таможенные пошлины составили 19,3% поступлений в обыкновенные бюджеты центра и провинций, в 1960/61 г. — 19,4, в 1961/62 г. (смета) — 20,4%.

Одной из причин падения роли таможенных пошлин в бюджетных доходах (по удельному весу и в абсолютных размерах) является неблагоприятное для Пакистана, как и для многих других слаборазвитых стран — поставщиков сырья, развитие конъюнктуры на мировом капиталистическом рынке. Разрыв цен на импортируемые Пакистаном промышленные товары и экспортируемое сельскохозяйственное сырье с 1948 г. увеличился более чем вдвое; поэтому, несмотря на увеличение объема экспорта, поступления от него значительно сократились. Это особенно коснулось вывоза хлопка-сырца и джута. Между тем основная часть государственного дохода от пошлин зависит от экспорта именно этих двух культур.

В последние годы Пакистан начал поставлять на мировой рынок некоторые промышленные товары, в частности хлопчатобумажную пряжу и ткани, джутовые изделия. Однако это почти не отразилось на поступлениях от экспорта в государственную казну, поскольку правительство Пакистана проводит политику поощрения вывоза готовых изделий и полуфабрикатов; эти товары или совсем не облагаются или облагаются номинальными экспортными пошлинами.

Другая важная причина сокращения дохода от таможенных пошлин лежит в известном изменении структуры пакистанского импорта и той таможенной политике, которую правительство Пакистана проводило и проводит в отношении импорта различных групп товаров. В импорте Пакистана увеличивается доля оборудования, промышленных материалов и других товаров производственного потребления. Импортными пошлинами облагаются преимущественно товары широкого потребления и предметы роскоши. Импорт товаров производственного потребления пользуется льготным таможенным обложением. Поэтому, несмотря на непрерывное увеличение импорта по стоимости, не наблюдается

соответствующего роста государственных доходов от импортных пошлин.

В связи с этим хотелось бы отметить, что, как бы ни оправдывала себя подобная импортная политика в свете общих задач экономического развития Пакистана, ее, конечно, никак нельзя приписать заботе правящих кругов страны об интересах «рядового потребителя». Трудно поэтому согласиться с тем, что некоторые зарубежные ученые, в частности в самом Пакистане, оценивают сокращение абсолютных размеров и удельного веса таможенных пошлин как некое «облегчение» налогового бремени, лежащего на широких массах. Так, известный пакистанский экономист С. М. Ахтар пишет: «Как длительная тенденция падение относительного значения таможенных пошлин явился от всех превратностей внешней торговли. Далее, таможенные пошлины приходятся основной своей тяжестью на группы с низким доходом и потому регрессивны по своему характеру»⁸. Эта оценка нуждается в поправках применительно к пакистанским условиям. Во-первых, отмечаемое автором падение удельного веса таможенных поступлений произошло не за счет ослабления зависимости Пакистана от «превратностей внешней торговли», а главным образом как за счет ухудшений условий его внешней торговли, так и за счет облегчения налогового обложения пакистанской промышленной буржуазии. Как указывалось, импорт товаров производственного назначения пользуется максимальными льготами в налогообложении. Ряд наиболее важных промышленных материалов вообще не облагается таможенными пошлинами. За счет этого сократились и поступления от импортных пошлин. Естественно, что в году получили не «группы с низким доходом», а в первую очередь промышленная прослойка пакистанской буржуазии.

Во-вторых, если сравнивать косвенное обложение на товары, проходящие по каналам внешней торговли, и акциз на товары широкого потребления, произведенные внутри страны, то, несомненно, увеличение или уменьшение внутреннего акциза в гораздо большей степени затрагивает интересы широких масс, чем увеличение или уменьшение таможенных пошлин, поскольку значительная часть импортируемых Пакистаном предметов потребления вообще предназначена не для широких масс, а именно для наиболее обеспеченных слоев населения (бытовые электроприборы, автомобили, мотоциклы, спортивные лодки, радио- и фототовары и др.). Между тем падение удельного веса таможенных пошлин сопровождается более значительным ростом других видов косвенного обложения, в частности акцизов на товары широкого потребления.

Акцизы в Пакистане являются важной статьей поступлений в центральный и провинциальный бюджеты. С 1948/49 по 1960/61 г. поступления от акцизов выросли примерно в 5,5 раза (в неизменных ценах). В 1948/49 г. акцизы составили 5,8% всех обычных поступлений в бюджеты центрального и провинциальных правительств, в 1960/61 и 1961/62 гг. соответственно 13,9 и 13,5%. Интересно сравнить рост удельного веса акцизов в обычных бюджетных поступлениях по периодам: в 1948/49—1952/53 гг. он равнялся 4,5%, в 1953/54—1957/58 гг. — 9,4, в 1958/59—1961/62 гг. — 12,4%⁹. Из сопоставления этих цифр видно, что в Пакистане происходил непрерывный рост акцизного обложения.

⁸ S. M. Akhtar, *Economics of Pakistan*, vol. II, p. 321.

⁹ «Budget 1961—62. Explanatory memorandum», pp. 190—191, 208—209, 212—213.

Этот процесс, безусловно, имел свою объективную причину — рост внутреннего производства товаров широкого потребления. Однако наряду с этим происходило также непрерывное увеличение самих акцизов — повышение акцизов массового потребления. Особенно значительным обложением легла на предметы широкого потребления. Так, был повышен акциз на ткани из искусственного шелка и хлопчатобумажные, причем на низшие сорта он повышен вдвое. С 6,4 до 10% был повышен акцизный сбор на низшие сорта фабричной хлопчатобумажной пряжи. Налог на пряжу и нить искусственного шелка увеличен с 10 до 150%. Это ударило по широкой прослойке пакистанских ремесленников-ткачей, использующих прослойку пакистанских ре-Был повышен налог на некоторые сорта сигарет, в частности на наиболее дешевые, употребляемые беднейшими слоями населения (на 50%). Акциз на чай возрос в шесть с лишним раз по сравнению с предыдущим годом.

Параллельно с акцизами происходит непрерывный рост налога на продажи (налог на оборот), который также основной тяжестью ложится на предметы массового потребления — текстильные изделия, обувь, мыло, продукты питания и т. п. С 1948/49 по 1961/62 г. этот налог возрос более чем в 8,5 раза. Его удельный вес в 1948/49—1952/53 гг. составлял 10,6% от всех обычных поступлений в бюджеты центра и провинций, в 1953/54—1957/58 гг. — 12,1, в 1958/59—1961/62 гг. — 13,2%¹⁰. По закону от 1951 г. этот налог уплачивается с импортных товаров, с товаров, произведенных внутри страны, и с некоторых экспортируемых товаров¹¹. Следуя своей политике всяческого поощрения частнопредпринимательской деятельности, правящие круги Пакистана на протяжении всех лет самостоятельного существования страны увеличивали налог на продажу самых необходимых товаров массового потребления. Товары производственного потребления почти не облагались налогом на оборот. Таким образом, вся тяжесть такого важного источника бюджетных поступлений правительства, как налог на продажи, перекладывалась на широкие массы.

В 1959 г. наряду со значительным повышением акцизов был повышен налог на продажи многих потребительских товаров. Так, был введен новый значительный налог на продажу мыла, повысился налог на продажу низших сортов животного масла. Налог на продажу обуви увеличился с 4 до 10%, изделий из кожи — с 10 до 20%. Наиболее обычная ставка налога на продажи — 12,5%.

Роль косвенных налогов в бюджетных доходах центрального и провинциальных правительств, как предполагается, еще более возрастет. В период действия второго пятилетнего плана (1960—1965) предусматривается увеличение налогообложения на миллиард рупий или примерно на 200 млн. рупий в год. Основной расчет делается на увеличение акцизов и налога на продажи.

Прямые налоги. Основными видами прямых налогов в Пакистане являются следующие: подоходный, налог на прибыли компаний и земельный налог.

Динамика ставок подоходного налога и налога на прибыли компаний лучше всего свидетельствует о непрерывном уменьшении относи-

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid., p. 6.

тельной тяжести прямого обложения в Пакистане¹² (табл.). Наиболее «суровым», с точки зрения имущих классов Пакистана, был 1948/49 год. Начиная с последующих лет подоходный налог имеет явную тенденцию к снижению, а минимум необлагаемого дохода, наоборот, к повышению. С 2,5 тыс. рупий в 1948/49 г. необлагаемый минимум поднялся до 6 тыс. рупий в 1959/60 г. Значительное сокращение налога, особенно на сверхприбыли, наблюдается в 1951/52—1953/54 гг., когда финансовое положение Пакистана в связи с ростом поступлений от внешней торговли несколько улучшилось. Улучшение финансового положения было использовано в первую очередь для уменьшения налогового обложения имущих классов страны.

В 1957/58 г. экономическое положение Пакистана заметно ухудшилось, более выпукло, чем в предыдущие годы, проступают глубокие кризисные явления, расшатывающие экономику страны, — застой в сельском хозяйстве, тяжелое продовольственное положение, валютные затруднения в связи с неблагоприятными условиями на мировом рынке и падением цен на сырье, дефицит платежного баланса, отсутствие средств для финансирования начатых народнохозяйственных объектов. В связи с этим правительство решается наряду с резким увеличением косвенного налогообложения несколько поднять ставки подоходного налога. Следует отметить, что даже в это время ставки подоходного налога и налоги на сверхприбыль не достигают уровня 1948/49 г. Обложение дохода частных лиц, как видно из таблицы, было увеличено в низших градациях, сверхприбыли, наоборот, в верхних градациях, начиная с дохода свыше 50 тыс. рупий. Можно предположить, что это само по себе довольно незначительное повышение подоходного обложения способствовало падению политического престижа сменявших друг друга правительств. Были задеты, с одной стороны, интересы многочисленной прослойки мелких рантье, домовладельцев, высших государственных служащих, мелких торговцев и предпринимателей, с другой — интересы наиболее крупных в Пакистане торгово-промышленных групп, приобретших к 1957—1958 гг. значительный экономический и политический вес. Недовольство этих групп финансовой политикой правительства явилось одной из причин, облегчивших государственный переворот в октябре 1958 г.

Пришедшее к власти в результате переворота 1958 г. правительство Айюб-хана значительно сократило подоходное налогообложение, причем не только по сравнению с последними годами, но и по сравнению с годами наименьшего подоходного обложения (1951/52—1953/54 гг.). Максимальная сумма совокупного налога (подоходный налог плюс налог на сверхприбыль) составляла (в % ко всему доходу)¹³:

Год	На частные лица	На компании
1948/49	96,9	96,6
1950/51	85,5	87,5
1953/54	78,1	78,1
1957/58	87,5	85,5
1959/60	75,0	65,0
1960/61	75,0	60,0

¹² Сюда не включается налог на доход, полученный в сельском хозяйстве, он выделяется пакистанской статистикой в отдельную рубрику, и его мы рассмотрим особо.
¹³ «Taxation of Income and concessions to industries in Pakistan», pp. 16—21, 35—37; «The budget 1960—61. Economic survey and statistics», pp. 68—72.

Таблица

Ставки подоходного налога и налога на прибыли компаний*

Год	Необлагаемый минимум, тыс. рупий	Размеры налогообложения (процент к общей сумме дохода)										
		на доходы частных лиц (тыс. рупий)					на доходы компаний (с любой суммы доходов)	на сверхприбыль (тыс. рупий)**				
		до 5	5—10	10—15	15—20	свыше 20		25—50	50—75	75—100	100—150	150—250
1948/49	2,5	6,2	12,5	21,9	31,3	31,3	18,7—25,0	31,3—43,7	50,0—56,3	56,3—65,6	65,6	65,6
1950/51	3,0	4,7	12,5	21,9	31,3	31,3	14,0—21,9	25,0—37,5	41,1—43,7	46,8	50,0	56,2
1953/54	3,6	4,7	9,4	18,7	28,1	31,3	14,0—18,7	21,9—25,0	31,3	37,5	41,1	46,8
1956/57	4,2	4,7	9,4	18,7	28,1	31,3	14,0—21,9	25,0—28,1	31,3	37,5	41,1	46,8
1957/58	5,0	—	12,5	18,7	28,1	31,3	14,0—21,9	31,3—37,5	43,7	50,0	56,2	56,2
1959/60	6,0	—	2,5—10,5	17,4—24,9	28,1	31,3	5,0—10,0	20,0	20,0	30,0	30,0	30,0

* «Taxation of Income and concessions to industries in Pakistan», Karachi, 1960, pp. 16—21, 35—37; «The budget 1960—61. Economic survey and statistics», pp. 68—72.

** Налог на сверхприбыль взимается наряду с обычным подоходным налогом с дохода свыше 25 тыс. рупий.

Резкое снижение прямых налогов на доходы некоторых слоев торговой и промышленной буржуазии, а также крупных финансовых и торгово-промышленных групп — одна из характерных черт «новой налоговой политики», объявленной правительством Айюб-хана с 1 апреля 1959 г.

Анализ этой политики с классовой точки зрения приводит к следующим выводам. Повышение необлагаемого минимума, безусловно, дало определенные преимущества так называемым средним слоям населения — мелким предпринимателям, торговцам, рантье и пр. В их интересах были проведены и другие правительственные меры, в том числе снижение прямого налогообложения на эти слои. О том, что это было сделано не случайно, а явно в расчете на определенный политический эффект, недвусмысленно говорится в ряде выступлений официальных лиц. Тогдашний министр финансов Пакистана М. Шоаиб, объясняя принципы «новой налоговой политики», заявил: «Средние классы составляют костяк здоровой экономики, и правительство придает большое значение неуклонному развитию среднего класса. Мы на практике продемонстрировали нашу заботу, существенно снизив налоговое бремя на этот класс. В ряде случаев налоги снизились почти на 30% по сравнению с предыдущими годами»¹⁴. Некоторые налоговые льготы, предоставленные «средним классам» после переворота, несомненно, имели целью привлечь их на сторону нового режима.

В то же время видимые и политически эффективные скидки на прямое налогообложение мелких и средних доходов компенсировались в бюджете увеличением косвенных налогов, которые в значительной своей части легли именно на эти средние слои населения.

Но все же наибольшую выгоду от «новой налоговой политики» правительства Айюб-хана, несомненно, получила крупная торгово-промышленная буржуазия Пакистана. В этом нетрудно убедиться даже при простом перечислении «нововведений» правительства Айюб-хана в этой области¹⁵:

— Снижение и установление твердого максимума подоходного обложения компаний и частных лиц. Для компаний этот максимум был установлен в размере 60%, для частных лиц — 75%. Таким образом, наиболее крупные доходы ускользают от прогрессивного налогообложения.

— «Новая налоговая политика упразднила так называемый «налог на предпринимательскую прибыль», хотя, как декларировалось, часть этого налога включается в основной налог с дохода. Поскольку максимум налогообложения строго ограничен, наиболее крупные компании и фирмы практически совершенно освободились от этого налога.

— Было установлено некоторое различие между компаниями, получающими прибыли от промышленной деятельности, и компаниями, получающими прибыль от коммерческой деятельности. Для первых максимум подоходного налогообложения устанавливался в 55%, для вторых — в 60% всего дохода. Можно отметить, что к настоящему времени наиболее крупные группы пакистанской буржуазии, в том числе и бывшие крупные компрадорские дома, активно включились в промышленное грондерство, получают от промышленной деятельности значительную часть своих доходов, и смогут, таким образом, в полной мере реализовать льготную 5-процентную разницу в обложении промышленных и непромышленных доходов.

¹⁴ «Karachi commerce», III, IV, 1959, p. 6.

¹⁵ «Economic observer», April 1959, pp. 5—8, 10; «The budget 1960—61. Economic survey and statistics», pp. 66—67.

— До 1959 г. компания, получающая доход от капиталовложений в другую компанию, в том числе дочернюю, должна была уплачивать налог с этого дохода в размере до 31,5%. С 1959 г. ставка этого налога унифицирована в размере 20%. Для компаний, сделавших капиталовложения после июня 1959 г., эта ставка снижается до 15%.

— Промышленным компаниям, основавшим свои предприятия после 1 апреля 1959 г., дается полное освобождение от налогов на два года при условии, что предприятия данной компании работают в основном на пакистанском сырье; что компания имеет оплаченный капитал не менее 200 тыс. рупий и не менее 60% прибылей в период освобождения от налогов компания вложит в расширение предприятия. Кроме того, устанавливался ряд новых льгот в отношении ускоренной амортизации основного капитала, возможности списывать значительную часть прибылей в резервы перед распределением дивидендов и пр.

Очень важное положение в налоговом законодательстве правительства Айюб-хана заключается в том, что теперь налогом облагается не общий доход, полученный частным лицом или компанией, а лишь тот, который остается после вычета многочисленных льготных сумм. Это значительно снижает как сумму, подлежащую налогообложению, так и ставку, по которой эта сумма облагается.

В общем «новая налоговая политика» означает укрепление позиций пакистанской буржуазии, завоевание ею новых привилегий в государстве. Особенно, как отмечалось, укрепляется положение верхушки этой буржуазии, которая в лице немногочисленных, но очень влиятельных семейств — Давудов, Хабибов, Испахани, Аминов, Шейхов и др. в настоящее время активно вторгается во все отрасли коммерческой деятельности — торговлю, промышленность, банковское и страховое дело, транспорт, коммунальное обслуживание.

Значительные льготы получил в соответствии с «новой налоговой политикой» правительства Айюб-хана иностранный монополистический капитал. С самого начала самостоятельного существования Пакистана его правящие круги проводили политику всемерного привлечения иностранного капитала, особенно в сферу промышленности и горных работ. С этой целью ежегодно устанавливались все большие и большие льготы для иностранных инвесторов в Пакистане. Следует отметить, что, несмотря на все эти льготы, приток иностранного капитала в Пакистан, вплоть до 1958 г., был сравнительно слабым и не оправдал ожиданий правящих кругов Пакистана. Так, не были достигнуты намеченные в первом пятилетнем плане, принятом уже правительством Айюб-хана, делаются еще больший, чем раньше, упор на приток частных иностранных инвестиций. В связи с этим новые льготы иностранным компаниям, вкладывающим капиталы в Пакистане, намного превзошли все, что было до этих пор. Фактически в основных положениях иностранные компании почти уравниваются в правах с национальными компаниями.

Следует отметить, что в целом в весьма благоприятной для иностранного монополистического капитала налоговой политике были и определенные отклонения. В первые годы самостоятельного существования Пакистана молодой и еще не окрепший пакистанский капитал в ряде наиболее прибыльных сфер предпринимательской деятельности столкнулся с сильным, занявшим еще в колониальные времена прочные позиции английским и связанным с ним индийским капиталом. Это вынудило правящие круги Пакистана на протяжении ряда лет проводить политику

некоторого ограничения английского капитала, особенно в сфере банковского и страхового дела. К настоящему времени пакистанский капитал занял прочные позиции в этих, наиболее выгодных отраслях народного хозяйства. Однако некоторое ограничение английского капитала продолжается. Следует, правда, отметить, что эти ограничения сравнительно невелики и не носят принципиального характера. Скорее, это желание повысить конкурентоспособность пакистанского капитала в сферах, где сильны позиции английских монополий. Далее, эти ограничения касаются в основном тех английских и связанных с ними индийских компаний, которые начали свою деятельность до 1947 г. На новые капиталовложения английских монополий эти ограничения чаще всего не распространяются. Отмеченные выше положения можно проиллюстрировать на динамике максимальных ставок налогообложения иностранных компаний в 1958/59—1960/61 гг. (в % к общей сумме доходов и прибылей)¹⁶.

	1958/59 г.	1959/60 г.	1960/61 г.
На прибыли и доходы от коммерческих предприятий ¹⁷			
национальных компаний . . .	60,0—66,2	60,0	60,0 ¹⁸
иностраннх компаний . . .	74,5—81,6	71,4	60,0
На прибыли и доходы от промышленных предприятий, построенных до 15. VIII. 1947			
национальных компаний . . .	60,0—66,2	60,0	50,0
иностраннх компаний . . .	74,5—81,6	71,4	60,0
На прибыли и доходы от промышленных предприятий, построенных после 15. IV. 1947			
национальных компаний . . .	60,0—66,2	55,0	45,0
иностраннх компаний . . .	74,5—81,6	64,6	49,8—53,2

До 1960/61 г. различие в налогообложении национальных и иностранных компаний было заметным, хотя уже тогда режим для деятельности иностранного капитала в стране был чрезвычайно мягким и благоприятным. Начиная с 1960/61 г. значительно уменьшаются как сами максимальные ставки прямого налога на компании, так и различие в налогообложении национальных и иностранных компаний. Хотя иностранные компании и не имеют таких скидок в налогообложении, как национальные компании, они пользуются множеством других прямых и косвенных льгот, что понижает размеры подоходного налога, уплачиваемого национальными компаниями. В официальном издании Центрального налогового управления Пакистана указывается: «в большинстве случаев действительные размеры налогообложения (иностраннх компаний, занятых в промышленно-

¹⁶ «Taxation of Income and concessions to industries in Pakistan», p. 17.

¹⁷ Ставки налогообложения в данном случае варьируются в зависимости от типа компании: акционерная или частная. Ставки налога на акционерную компанию меньше, чем на частную.

¹⁸ Нормальные ставки налогообложения национальных компаний 60% по всем видам прибылей, однако: 1) любая компания получает скидку в размере 10%, если она объявляет дивиденды в Пакистане; 2) компании, получающие прибыль от «одобренных» правительством промышленных предприятий, получают дополнительную скидку с налога в размере 5%.

сти. — Авт.) составляет менее 50%»¹⁹. Из приведенных выше цифр видно, что налогообложение компаний, вложивших свои капиталы до образования Пакистана, выше, чем для компаний, вложивших свои капиталы в период самостоятельного существования Пакистана. Этот тересам английских и связанных с ними индийских компаний, действовавших еще в колониальный период. Следует отметить, что национальные компании, владеющие предприятиями, построенными до 1947 г., получают скидку с налогов, причитающуюся всем национальным компаниям, но не пользуются скидкой, предназначенной для «одобренных» правительством промышленных предприятий в размере 5%. Объясняется это, на наш взгляд, желанием правительства как-то направить промышленное строительство в определенное русло, стимулировать в первую очередь строительство экспортных отраслей и отраслей, производящих ныне импортируемые товары. Следует учесть и то, что большинство предприятий, построенных после 1947 г., принадлежит наиболее влиятельным группам крупной пакистанской буржуазии, тогда как предприятия, построенные до 1947 г., принадлежат или английскому капиталу или менее заметным представителям пакистанской буржуазии.

По данным упомянутого официального издания Центрального налогового управления, из иностранных компаний наибольшими льготами в налогообложении пользуются компании США, Японии, Швеции, особенно занятые в промышленности. Так, ставки налогов для всех прочих иностранных компаний, занятых в промышленности, составляли в 1960/61 г. 60% для вложивших свои капиталы до 1947 г., 53,25% для сделавших капиталовложения после 1947 г.; соответственно ставки налогообложения компаний США, Японии, Швеции составляли 56,7% в первом случае, 49,8% во втором²⁰.

Кроме общего смягчения налогового режима, иностранные компании получили дополнительные льготы в налогообложении. Особенно это относится к компаниям, занятым в горнодобывающей промышленности. Так, в соответствии с «новой налоговой политикой» компании, занятые в разведке и добыче полезных ископаемых, получили следующие льготы: право вычитать из суммы прибылей, подлежащих налогообложению, все расходы, сделанные в период разведки; расходы на оборудование и машины также вычитаются из суммы, подлежащей обложению; в том случае, когда компания организует очистительное или обогатительное производство в Пакистане, прибыль в размере 5% от основного капитала, вложенного в очистительное или обогатительное предприятие, освобождается от налога на 5 лет²¹. Эти льготы укрепляют позиции прежде всего американских нефтяных монополий «Стандард вакуум», «Хант интернешнл», «Тайдуотер ойл компани», «Сан ойл» и других, занимающих ведущее место в разведке нефти в Пакистане. Одновременно это и попытка поддержать национальный капитал, который слабо и неуверенно, но все-таки проникает в нефтяную промышленность страны.

Подоходное обложение сельского хозяйства в Пакистане практически отсутствует. Формально данная статья числится в ряду налогов,

¹⁹ «Taxation of Income and concessions to industries in Pakistan», p. 17.

²⁰ Ibid.,

²¹ «Economic observer», April 1959, p. 8.

собираемых провинциальными правительствами. Однако в Западном Пакистане поступления по данной статье отсутствуют, в Восточном Пакистане составляют совершенно ничтожную сумму. Так, в 1956/57 г. эти поступления составили всего 10,4 млн. рупий, в 1960/61 г. казна имела недоимку по данной статье в размере 9,9 млн. рупий²².

Поземельный налог также собирается провинциальными правительствами и идет целиком в их бюджеты.

В сельском хозяйстве создаются наиболее значительные доходы страны. Наряду с массой мелких крестьянских участков продолжает существовать крупное помещичье землевладение; помещики, как правило, взимают в качестве арендной платы от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ продукта, производимого арендаторами. Как показывают факты, прибавочный продукт, присваиваемый помещиками, а также деревенскими ростовщиками и торговцами, в большей своей части идет на паразитическое потребление этих социальных групп; лишь очень малая часть выделяется на расширенное воспроизводство в сельском хозяйстве или вливается в кругооборот промышленного капитала.

Несмотря на факт непроизводительного расходования значительной части национальных ресурсов паразитическими классами, налоговая политика государства по отношению к доходам, получаемым в сельском хозяйстве, на протяжении всех лет существования Пакистана была чрезвычайно либеральной. Это и понятно, если учесть, что вплоть до последнего времени у власти стояли крупные помещики Западного Пакистана в блоке с представителями верхушки торгово-промышленной буржуазии. Как отмечают составители второго пятилетнего плана Пакистана, «поземельный налог до сих пор составляет лишь 2% всего дохода, создаваемого в сельском хозяйстве страны; его удельный вес в налоговых поступлениях всего лишь 16% от всех поступлений»²³. Даже в годы наиболее бедственного финансового положения Пакистана (такими годами, в частности, были 1957—1958) правительство не пошло на существенное увеличение поземельного налога и налога на доходы наиболее имущих слоев сельского населения. Правда, за период, прошедший с первых лет самостоятельного существования Пакистана, поземельный налог в абсолютных размерах вырос более чем вдвое. Этот рост поступлений от земельного налога объясняется следующим: частичным проведением земельной реформы в Восточном Пакистане, в результате которого государство получило дополнительные средства от крестьян-арендаторов в качестве выкупных платежей; продажей вновь орошенных государственных земель и увеличением в связи с этим числа налогоплательщиков; средствами, вырученными от продажи этих земель, также частично проходят по статье «поземельный налог».

Интересно отметить, что своего высшего уровня поземельное налогообложение достигло в 1958/59 г., т. е. непосредственно после переворота. Налоговые поступления по данной статье в том году составили в Западном Пакистане 192,8 млн. рупий и Восточном Пакистане 130,5 млн. рупий, тогда как в предыдущем, 1957/58 г. они составили соответственно 136,8 млн. и 67,5 млн. рупий. Но в последующие после переворота годы поземельный налог снижается. По бюджету 1961/62 г. он составил в Западном Пакистане 59,9 млн. рупий, в Восточном 112,6 млн. рупий²⁴.

²² S. M. Akhtar, *Economics of Pakistan*, vol. II, p. 367.

²³ «The second five year plan (1960—65)», p. 54.

²⁴ «Budget 1961—62. Explanatory memorandum», pp. 208—209, 212—213.

Объяснение этому надо искать в обстановке того времени. После переворота 1958 г. произошло некоторое экономическое и особенно политическое потеснение верхушки помещичьего класса в пользу крупной торгово-промышленной буржуазии²⁵. По аграрной реформе 1959 г. в Западном Пакистане у 6 тыс. наиболее крупных землевладельцев Западного Пакистана должно быть отчуждено 2,3 млн. акров, или $\frac{1}{3}$ их жизнь. Правда, земли отчуждаются за большой выкуп. Государство расплачивается с землевладельцами специальными облигациями-бондами, дающими процент и подлежащими погашению через 25 лет. Однако дальше этого новое правительство не пошло. Отстранив от власти представителей верхушки помещичьего класса Западного Пакистана, «новый режим» не решился замахнуться на громадные доходы, по-прежнему получаемые феодальной верхушкой, как и всем помещичьим классом в целом. Тем не менее отдельные представители пакистанской буржуазии начинают все громче требовать увеличения налогообложения доходов, получаемых от земли, что можно рассматривать как явный выпад против помещичьего класса. Интересны с этой точки зрения рекомендации Комитета по обследованию налогообложения, возглавляемого в основном представителями пакистанской буржуазии. Комитет порекомендовал перенести основное бремя налогообложения с торговли и промышленности на поземельный налог и налог на сельскохозяйственные доходы и сделал следующие конкретные предложения: увеличить на 25% нынешние ставки водного налога (Западный Пакистан); в Восточном Пакистане увеличить ставки земельной ренты (собираемой государством вместо бывших землевладельцев в качестве выкупных платежей) на 25%²⁶. Если мероприятия, рекомендуемые для Восточного Пакистана, означают усиление эксплуатации крестьянства, то предложения по Западному Пакистану, напротив, в большей степени затрагивают интересы помещиков.

Рекомендации комитета по обследованию налогового обложения продолжают оставаться лишь на бумаге. Однако они проливают свет на ту борьбу, которая идет внутри правящих классов страны за наиболее льготное, привилегированное положение, за политику наибольшего благоприятствования со стороны властей, за переложение финансовых тягот с одной группировки на другую.

* * *

Налоговая система Пакистана служит одним из важнейших орудий перераспределения национального дохода в пользу господствующих классов.

Анализ налоговой политики правящих кругов Пакистана показывает, что основными классами, в пользу которых осуществляется это перераспределение, являются помещики и крупная торгово-промышленная буржуазия. Помещики изымают в качестве арендной платы и концентрируют в своих руках значительную, а в некоторых районах и подавляющую часть прибавочного продукта, созданного в сельском хозяйстве. Тем не менее налогообложение доходов помещичьего класса практически является совершенно ничтожным. Несмотря на то что по-

²⁵ Подробнее см.: С. А. Кузьмин, *Пакистан. Историко-экономический очерк*, — «Народы Южной Азии», М., 1963, стр. 681—682.

²⁶ «Kagashi samihara», 11.11.1959, p. 2.

мешки в современном Пакистане не принадлежат к числу тех, кто несет на себе основное бремя государственных расходов, они широко пользуются помощью и дотациями из государственного бюджета (в частности, на импорт удобрений, улучшенных семян и пр.), займами Сельскохозяйственного банка и кредитных кооперативов.

Наибольшими льготами в налогообложении пользуется крупная торгово-промышленная буржуазия. Вся налоговая политика правительства направлена на то, чтобы стимулировать промышленное предпринимательство в частном секторе. Ставки обложения крупных доходов промышленной буржуазии последовательно снижались на протяжении всего послевоенного существования Пакистана.

Почти одинаковым с национальным капиталом льготным налоговым режимом пользуется иностранный монополистический капитал. Существовавшие в первые годы различия в налогообложении национальных и иностранных компаний к настоящему времени почти ликвидированы. Некоторая дискриминация в налоговой политике наблюдалась по отношению к английским и индийским компаниям, действовавшим в районах Пакистана еще в колониальный период, что, несомненно, вызывалось в первую очередь стремлением растущей местной буржуазии несколько ослабить позиции английского и связанного с ним индийского капитала в ряде наиболее прибыльных отраслей народного хозяйства, в первую очередь в сфере обращения.

Основная тяжесть налогового обложения ложится на широкие трудящиеся массы — крестьянство, рабочий класс, мелкую городскую буржуазию. Ввиду низкого уровня доходов основной части населения прямое налогообложение этих доходов развито слабо и для подавляющей части населения практически отсутствует. Зато косвенное налогообложение, составляющее главную часть всех налоговых поступлений, является очень широким и охватывает основные товары массового потребления. Львиная доля косвенных налогов падает именно на мелкие доходы широких масс.

При общем курсе налоговой политики правящих кругов Пакистана на всемерное облегчение налогового бремени и прямую финансовую поддержку господствующих классов налоговая политика используется ими и для балансирования между противоположными интересами господствующих классов и широких демократических кругов страны. Именно этим обусловлены, в частности, отдельные налоговые льготы и уступки буржуазии национальных районов, ремесленникам, мелким предпринимателям. Использование налоговой политики как балансира между различными классами и социальными прослойками особенно заметно в периоды усиления демократических движений, в наиболее напряженные для правящих кругов Пакистана годы.

Налоговая политика использовалась правящими кругами Пакистана, хотя в сравнительно слабой степени, также и для регулирования экономического развития страны. Это в первую очередь относится к налоговым ставкам и льготам, распространяющимся на различные отрасли народного хозяйства. Налоговая политика используется и как средство стимулировать капиталовложения в промышленность, транспорт, жилищное строительство. Так, в соответствии с «новой налоговой политикой» капиталовложения в промышленность, сделанные после ее введения, на тот или иной срок почти полностью освобождаются от всякого налогообложения.

Налоговые поступления в государственный бюджет Пакистана большей частью идут на непродовольственные расходы государства. Зна-

чительное место в этих расходах занимают затраты на военные нужды. Большие средства тратятся также на содержание административно-управленческого аппарата. Участие Пакистана в военных группировках империализма, рост внутренних противоречий в стране заставляют правящие круги идти по пути все большего увеличения этих расходов. В связи с этим в ближайшие годы предполагается усиление налогового бремени, в первую очередь на широкие трудящиеся массы города и деревни.

В. С. Расторгуев

ФИНАНСЫ КОЛОНИАЛЬНОГО ВЬЕТНАМА — ОРУДИЕ
ЗАКАБАЛЕНИЯ ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА

Французские колонизаторы, начав в 1858 г. завоевание Вьетнама, в конце XIX в. полностью подчинили его своему господству. Они захватили также Камбоджу и Лаос.

Финансовая система колониального Вьетнама была полностью подчинена интересам колонизаторов и стала орудием эксплуатации французским колониализмом не только широких трудящихся масс, но и мелкой и средней вьетнамской буржуазии. Финансовая система колонии была не только орудием для возмещения огромных военных расходов, понесенных при завоевании Индокитая, но и обеспечивала содержание полицейско-бюрократического колониального аппарата, а также в определенных размерах пополняла финансовые ресурсы метрополии.

«С точки зрения государственных финансов, — пишет А. Дюшен в работе „История колониальных финансов Франции“, — идеальная колония для метрополии была бы та, которая ничего бы не стоила государственному бюджету. Эту мечту можно было бы развить еще дальше, пытаясь найти в доходах колонизованной страны источник поступления в общие доходы метрополии, от которой она зависит»¹.

Французские колонизаторы форсировали превращение колонии в источник получения огромных прибылей и рынок сбыта для своих товаров. Декретом от 31 июля 1898 г. был восстановлен генеральный бюджет Индокитая, что дало возможность централизовать финансовые ресурсы колонии. Этим декретом генерал-губернатор Индокитая наделялся большими правами в области финансов. Он составлял генеральный бюджет, получая для этого консультации находившегося при нем Высшего совета, преобразованного впоследствии в Правительственный совет. Далее бюджет утверждался правительством метрополии, однако это были «все-навсего только формальности»². Генерал-губернатор фактически самолично устанавливал размеры косвенных налогов, за исключением таможенных пошлин, и являлся главным распорядителем расходной части бюджета. На основании того же декрета определялось правовое положение местных бюджетов. Помимо этих двух видов бюджетов в различные сроки были созданы провинциальные бюджеты.

Финансовая система колониального Индокитая, окончательно сложившаяся к 1916 г., просуществовала с некоторыми изменениями до

1945 г.³ Она включала генеральный бюджет, местные (бюджеты Лаоса, Камбоджи, Бак-бо и др.), провинциальные, муниципальные и коммунальные (общинные) бюджеты.

Налоговая политика, проводившаяся французскими колонизаторами, являлась одним из основных методов грабежа вьетнамского народа жуазного экономиста П. Бернара, различные налоги и сборы в 30-е годы занимали в Нам-бо 35% в доходах каждого жителя, в Бак-бо — 17% и Чунг-бо — 16%⁴. Французские колонизаторы постоянно вводили новые и увеличивали уже введенные налоги. По меткому замечанию одного автора, цитируемого Ж. Шено, во Франции деятельность колониальных губернаторов в Индокитае оценивалась по сумме бюджетного излишка, а «основная их задача заключалась в сборе налогов, перед которой отступали все остальные заботы»⁵.

Доходная часть генерального бюджета Индокитая складывалась главным образом из поступлений от таможенных пошлин, государственных монополий на опиум, алкоголь и соль, а также от ряда других косвенных налогов.

Для того чтобы оградить индокитайский рынок от проникновения нефранцузских товаров и в первую очередь китайских и японских, в 1928 г. было проведено значительное повышение таможенных пошлин на иностранные товары, в то время как пошлины на французские товары были отменены с 1892 г. В результате такой протекционистской политики французские колонизаторы заняли господствующее положение на индокитайском рынке. Если в 1879—1883 гг. на Францию и ее колонии приходилось только 10% общей суммы внешнеторгового оборота Индокитая, то в 1935—1938 гг. их удельный вес возрос до 54%⁶. В 1940 г. 51,7% стоимости импорта Индокитая приходилось на Францию и ее колонии⁷. Повышение таможенных пошлин вызывало в свою очередь вздорожание товаров на внутреннем рынке. По подсчетам П. Бернара, потребители в Индокитае оплачивали импортные товары на 15% дороже, чем они стоили в других странах. Это был «настоящий косвенный налог, добавлявшийся к другим, официальным, налогам в пользу французских капиталистов»⁸. Во время оккупации Индокитая японскими милитаристами последние добились значительного снижения, а на некоторые японские товары и полной отмены таможенных пошлин, что наряду с сокращением общего внешнеторгового товарооборота привело к значительному уменьшению поступлений в бюджет.

Государственные монополии на опиум, алкоголь и соль были введены в 1897 г. За 1930—1942 гг. поступления в бюджет от этих монополий возросли с 28 399 тыс. пиастров до 31 849, а проектом бюджета на

³ В связи с тем, что Вьетнам, Лаос и Камбоджа были объединены в единую колонию — Французский Индокитай, выделить Вьетнам, когда речь пойдет об анализе генерального бюджета, практически не представляется возможным, при рассмотрении местных бюджетов мы остановимся на бюджете одной из трех его составных частей — Бак-бо. Географически Вьетнам делится на три части: Бак-бо (Северный Вьетнам), Чунг-бо (Центральный Вьетнам) и Нам-бо (Южный Вьетнам).

⁴ P. Bernard, *Le problème économique indochinois*, Paris, 1935, p. 50.

⁵ Ж. Шено, *Очерки истории вьетнамского народа*, М., 1957, стр. 176.

⁶ Nguyễn Khắc Đàm, *Những thủ đoạn bóc lột của tư bản pháp ở Việt-Nam, Hà-nội*, 1957, tr. 116.

⁷ «Annuaire statistique de l'Indochine. 1939—1940», p. 147.

⁸ «Témoignages et documents français relatifs à la colonisation française au Viet-Nam», Hanoi, 1955, p. 1—4; P. Bernard, *Le problème économique indochinois*, pp. 38—39.

¹ A. Duchêne, *Histoire des finances coloniales de la France*, Paris, 1938, p. 168.

² A. Touzet, *Fédéralisme financier et les finances indochinoises*, Paris, 1935, p. 117.

1945 г. доходы по этой статье были предусмотрены в сумме 87 млн. пиастров (см. табл. 1).

Монополия на опиум основывалась на исключительном праве колониальной администрации на его покупку и продажу. Она производила закупку и расфасовку опиума, который затем продавался владельцам опиокурлен, приобретавшим для этого особую лицензию. Хотя французские колонизаторы фарисейски и заявляли о своем стремлении сократить торговлю опиумом, а министр колоний дал «инструкцию», «чтобы с 1916 г. монополия на опиум в течение 10 лет была ликвидирована»⁹, торговля опиумом приносила огромные прибыли колонизаторам. Цены на опиум постоянно росли: так, если перед первой мировой войной 1 кг опиума стоил 100 пиастров, то в 1942 г. — 1 тыс. пиастров¹⁰. В годы второй мировой войны в связи с военными действиями импорт опиума в Индокитай значительно сократился и французские колонизаторы очутились перед угрозой сокращения бюджетных поступлений. Поэтому они начали принуждать местное население увеличивать посевы опийного мака (особенно в Северном Вьетнаме), что наряду с расширением посевов технических масличных культур, осуществлявшимся под прямым нажимом со стороны японских оккупантов, привело к значительному сокращению посевных площадей, занятых под продовольственными культурами. Местное производство опиума увеличилось с 7560 кг в 1940 г. до 60 603 кг в 1944 г.¹¹

Монополия на алкоголь предусматривала исключительное право колониальной администрации на производство и продажу спиртных напитков. Розничные и оптовые торговцы были обязаны приобретать у нее особые лицензии.

В 1904 г. монопольное право на производство алкоголя получила французская компания «Дистеллери д'Эндошин». Это привело к разорению большого числа местных винокуров. Цены на алкоголь постоянно повышались. Местное население, использовавшее алкоголь для отправления различных обрядов, вынуждено было покупать его даже по самым высоким ценам. Так, если до французского завоевания литр спирта стоил 5—6 центов, то в 1906 г. его цена повысилась до 29 центов. При продаже в розницу цена литра доходила до 45 центов¹².

Это привело к увеличению контрабандной торговли. Для борьбы с ней колонизаторы ввели для каждой провинции обязательную норму потребления алкоголя. Например, для провинции Шон-тай (Северный Вьетнам) эта норма была установлена в 500 тыс. л, т. е. по 14 л на человека в год¹³. Французские колонизаторы стремились к расширению торговли спиртными напитками для того, чтобы увеличить поступления в бюджет. Так, бывший генерал-губернатор Индокитая А. Сарро, ставший затем министром колоний, в одной из инструкций, направленной генерал-губернатору колонии, писал в 1915 г.: «Я имею честь просить Вас поддержать усилия подведомственной мне администрации по открытию новых пунктов для продажи алкоголя и опиума. Только при согласованной и неутомимой совместной работе наших ведомств мы сможем достигнуть лучших результатов в интересах казначейства»¹⁴.

⁹ J. de Galambert, *Les administrations et les services publics indochinois*, Hanoi, 1931, p. 489.

¹⁰ Nguyễn Khắc Đạm, *Những thủ đoạn bóc lột của...*, tr. 248.

¹¹ «Témoignages et documents français relatifs à...», p. 6—II.

¹² Ж. Шено, *Очерк истории вьетнамского народа*, стр. 175.

¹³ Гюи Дюваль, *Французский империализм в колониях*, М., 1929, стр. 95.

¹⁴ Там же, стр. 96.

Таблица 1

Генеральный бюджет Индокитая
(тыс. индокитайских пиастров)*

Статьи доходов и расходов	1930 г.	1931 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Доходы									
Таможенные пошлины	24 651	18 957	17 839	16 399	23 115	19 398	18 210	18 210	8 100
Другие сборы при ввозе и вывозе	727	732	11 734	13 430	18 159	25 259	21 633	24 669	15 650
Генеральный внутренний акциз	4 099	2 782	7 932	6 302	6 455	8 024	7 400	7 700	3 800
Акцизы на потребление и обращение	17 570	14 222	20 655	21 980	23 211	34 599	31 910	48 100	58 265
Общественные фонды дорог	487	827	1 102	1 171	378	16	—	—	—
Государственные монополии	28 399	21 822	24 694	26 292	28 932	31 849	31 200	41 760	87 000
Прочие поступления	1 890	2 037	1 366	1 475	1 596	1 854	1 610	2 186	3 191
Итого	77 823	61 379	85 322	87 049	101 846	120 979	111 963	142 625	176 006
Доходы от государственных имуществ, регистрационный и марочный сборы									
Доходы от промышленных предприятий	7 333	5 651	11 821	14 148	17 904	24 644	21 020	25 250	28 625
Доходы от административных учреждений	4 726	4 484	7 716	8 096	11 085	12 993	12 480	16 830	23 067
Другие поступления	705	902	1 094	1 293	2 002	3 327	1 931	2 422	3 387
Взносы и возврат из других бюджетов	4 158	4 287	8 267	6 182	6 444	17 779	24 253	32 009	68 617
Всего	94 745	76 703	115 255	119 139	150 629	181 045	171 647	219 136	299 702
Расходы на:									
Долги, подлежащие высканию	4 033	3 355	16 846	16 651	17 337	17 212	18 137	18 953	19 164
Участие в расходах метрополии	10 871	11 517	4 765	5 831	5 562	6 722	6 970	3 169	3 271
Содержание административного аппарата	3 580	4 964	5 467	5 901	6 966	8 498	29 514	41 166	51 086
Расходы на:	20 213	19 551	18 033	16 897	16 324	19 986	28 148	35 172	58 235

Продолжение

Статьи доходов и расходов	1930 г.	1931 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.**	1944 г.**	1945 г.**
	экономические учреждения	6 942	9 662	4 215	5 964	5 931	5 747	7 202	10 977
промышленные предприятия	8 428	8 946	8 198	8 631	9 391	10 449	12 557	14 317	19 138
общественные работы	22 020	15 158	19 785	23 404	24 618	27 519	26 433	34 628	36 511
социальные нужды	3 514	3 581	3 920	4 217	4 062	5 166	6 902	8 664	12 816
Общие расходы	4 049	4 316	5 183	4 690	4 763	4 814	12 327	13 004	14 173
Субсидии и взносы в другие бюджеты	17 718	10 762	19 806	19 391	16 793	22 311	7 523	14 257	10 452
Чрезвычайные расходы	2 873	3 194	7 385	17 748	12 923	10 798	15 935	24 829	59 192
Всего	104 241	95 006	113 603	129 325	124 670	139 222	171 646	219 136	299 702

* «Annuaire statistique de l'Indochine, 1931—1932», vol. 4, Hanoi, 1933, pp. 223—226; «Annuaire statistique de l'Union Française Outre-mer, 1939—1949», Ch. K. - Finances publiques, Paris, 1949, p. K—90.
 ** Проект бюджета.

Такая политика способствовала увеличению поступлений в бюджет, а вместе с ними и росту дивидендов компании «Дистеллеры д'Эндошин», возросших к 1925 г. почти на 200%¹⁵. Замена в 1932 г. монополии про-изводства алкоголя системой лицензий практически не привела ни к ка-ким изменениям. В 1941 г. компания «Дистеллеры д'Эндошин» давала 70% общего производства алкоголя в колонии, или около 544 тыс. гл¹⁶. С 1931 по 1942 г. поступления в бюджет от монополий на алкоголь уве-личились с 4838 тыс. пиастров до 13 571 тыс. пиастров, т. е. более чем в два раза¹⁷.

Значительным источником поступлений в генеральный бюджет была монополия на соль. Добыча соли оставалась в руках мелких произ-водителей, получавших на это специальную лицензию. Они были обя-заны сдавать колониальной администрации всю добытую соль, которая затем реализовалась потребителям в розницу. Имея в виду, что соль являлась наиболее распространенным потребительским товаром, коло-низаторы стремились постоянно увеличивать цену на нее. В 1927 г. за 1 ц соли колониальная администрация уплачивала мелким производи-телям только 30 центов, а продавала в розницу по 3 пиастра за 1 ц. В то же время французская компания «Сосиете де Салин де Кана» на-чиная с октября 1928 г. поставляла французской колониальной админи-страции соль по 4,5 пиастра за 1 ц¹⁸. В 1945 г. колониальная админи-страция продавала 1 ц соли по цене 28 пиастров, а производители полу-чали только 2,6 пиастра¹⁹.

Рассмотренные монополии являлись одним из основных источников поступлений генерального бюджета, в отдельные годы они давали 50—60% общей суммы его доходной части²⁰.

Помимо государственных монополий, значительные доходы в ге-неральный бюджет давали и другие косвенные налоги, в том числе по-ступления от внутреннего генерального акциза и налога на потребление и обращение. Налогом на потребление и обращение облагались табак, спички, охотничий порох, игральные карты и др. Акциз на табак, на-пример, был установлен в следующих размерах: 0,2 пиастра на 1 кг необработанного табака, 0,3 пиастра на 1 кг обработанного, 1,6 пиастра на 1 кг расфасованного табака или сигарет, 3,2 пиастра на 1 кг сигар²¹.

Генеральный внутренний акциз был введен декретом французских колониальных властей в 1927 г. В декрете указывалось, что акциз «взи-мается со всех товаров, продовольствия и предметов ввезенных или произведенных в стране, независимо от того, предназначены ли они для потребления или для экспорта... Его размер устанавливается одинаково в 2% от стоимости»²². Однако колонизаторам не удалось ввести этот акциз так, как они этого хотели, ибо его введение существенно отрази-лось бы и на без того крайне нищенски низком жизненном уровне на-рода. Последующие декреты устанавливали обложение этим акцизом лишь некоторых товаров, главным образом импортных.

Поступления по такой статье генерального бюджета, как общест-венные фонды дорог, шли за счет налога на жидкое топливо и мине-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Le Thánh Khôi, *Le Viet-Nam. Histoire et civilisation*, Paris, 1955, p. 418.

¹⁷ «Témoignages et documents français relatifs à...», p. 8—11.

¹⁸ Ibid., p. 1—7.

¹⁹ Nguyễn Khắc Đạm, *Những thủ đoạn bóc lột của...*, tr. 246.

²⁰ Le Thánh Khôi, *Le Viet-Nam. Histoire...*, p. 416.

²¹ J. de Galambert, *Les administrations et...*, pp. 496—497.

²² Ibid., p. 499.

ральные масла. В связи с тем что в годы второй мировой войны завоз в страну жидкого топлива и масел практически прекратился, а японским империалистам самим не хватало этих стратегических материалов, поступления от этой статьи в бюджет сократились до нуля (см. табл. 1).

Мировой экономический кризис оказал отрицательное влияние на состояние финансов Индокитая. Снижение поступлений от таможенных пошлин и государственных монополий, а также сокращение общеналоговых поступлений привели к дефициту генерального бюджета. Дефицит его составил 18 млн. пиастров в 1931 г. и 21 млн. в 1932 г.²³ Французские колонизаторы, стремясь ликвидировать бюджетный дефицит, значительно сократили расходы на общественные работы (с 22 020 тыс. пиастров в 1930 г. до 1733 тыс. в 1933 г.), а также провели некоторое сокращение расходов по статье «участие в расходах метрополии». Наряду с этим расходы по статье «долги, подлежащие взысканию» резко возросли: с 3355 тыс. пиастров в 1931 г. до 9415 тыс. в 1933 г.²⁴

Несмотря на это, французские колониальные власти для спасения финансового положения колонии прибегли к новым займам, предоставленным метрополией. С 1931 по 1934 г. их сумма составила 1790 млн. фр., в том числе заем 1932 г. в сумме 250 млн. фр., использованный казначейством Индокитая на покрытие бюджетного дефицита²⁵.

Часть суммы по этим займам была использована на субсидирование колониальных предприятий, подвергшихся ударам кризиса, а также на финансирование крупных общественных работ. В годы кризиса французские колониальные власти оказали помощь владельцам крупных каучуковых плантаций, предоставив им в виде авансов 9 млн. пиастров в течение 5 лет²⁶.

При рассмотрении расходной части генерального бюджета Индокитая сразу же бросается в глаза ее непроизводительный характер. Административно-управленческие расходы увеличивались с каждым годом, что объясняется полицейско-бюрократическим характером режима, созданного в колонии. Административный аппарат разросся до невиданных размеров. Уже в первые годы колониального господства число французских чиновников в Индокитае в расчете на душу местного населения было значительно выше, чем в других колониальных странах. Так в 1900 г. в Нам-бо один французский колониальный чиновник приходился на 7900 человек местного населения, а в тот же период в Индонезии — один голландский колониальный чиновник на 76 тыс.²⁷ Эта пропорция еще больше возросла в последние годы французского колониального господства. В 1941—1942 гг. в Индокитае один французский колониальный чиновник приходился на 4,5 тыс. человек местных жителей, тогда как в Индии в тот же период один английский колониальный чиновник — на 60 тыс. населения²⁸. В 1942 г. в Индокитае было 5,1 тыс. французских чиновников, а местных служащих около 30 тыс. В то же время немногим более 5 тыс. французских колониальных чиновников получали содержание в 40 млн. пиастров, а 30 тыс. местных чиновников — только 15 млн. пиастров²⁹. Оплата французского колониального чиновника была в пять-восемь раз выше оплаты местного чиновника.

²³ Ж. Шено, *Очерк истории вьетнамского народа*, стр. 230.

²⁴ P. Bernard, *Le problème économique indochinois*, p. 159.

²⁵ J. Gauthier, *L'Indochine au travail dans la paix française*, Paris, 1949, p. 47.

²⁶ Ж. Шено, *Очерк истории вьетнамского народа*, стр. 231.

²⁷ Nguyễn Khắc Đạm, *Những thủ đoạn bóc lột của...*, tr. 302.

²⁸ «Témoignages et documents français relatifs à...», p. 1—5.

²⁹ Ibid., p. 8—1.

Особенно большие доходы получала верхушка французской колониальной администрации. Например, жалование французского генерал-губернатора в 1930 г. в 454 раза превышало жалование индокитайского служащего, а по проекту бюджета 1945 г. — в 557 раз³⁰. Кроме того, расходы высших французских колониальных чиновников на квартиру и прислугу осуществлялись за счет колониальной администрации, т. е. за счет бюджета.

Французские колонизаторы путем безудержной эксплуатации вьетнамского народа добились такого положения, когда колония покрывала свои расходы доходами и даже принимала участие в расходах метрополии (см. табл. 1). «Индокитай не только никогда не просил субсидий у метрополии, — пишет французский буржуазный экономист А. Тузэ, — но он еще принимал участие в ее военных расходах, которое всегда было больше $\frac{1}{10}$ его бюджета, независимо от значительных добровольных взносов, которые к ним добавлялись»³¹.

В. И. Ленин определил французский империализм как империализм ростовщический³². Французские империалисты предоставляли Индокитаю займы, по которым он ежегодно выплачивал проценты и осуществлял их погашение. Эти займы предоставлялись во французских франках и индокитайских пиастрах под весьма высокие проценты, размещались они Индокитайским банком на парижском рынке, причем французское правительство предоставляло гарантии по этим займам. С 1896 по 1913 г. было выпущено займов на сумму 515 млн. золотых франков, а за период между двумя мировыми войнами, по данным французского буржуазного экономиста Готье, сумма займов Индокитаю составила во франках 1790 млн. и в индокитайских пиастрах — 60 180 тыс.

Расходы по статье «долги, подлежащие взысканию» имели значительный удельный вес (12—14%) в общей сумме расходов. Несмотря на ежегодные обременительные платежи по займам, невыплаченное сальдо по ним в соответствии с проектом бюджета на 1944 г. выражалось очень крупной суммой: 1770,1 млн. фр. и 45 545 тыс. индокитайских пиастров³³.

Французские колониальные власти осуществляли в Индокитае, в частности во Вьетнаме, различное гражданское строительство, или так называемые «общественные работы». Они состояли в основном в сооружении железных и шоссейных дорог, мостов, оборудовании портов и т. п. Однако строительство велось главным образом в интересах различных французских компаний, как действовавших внутри колонии, так и осуществлявших торговые операции между нею и метрополией. Финансирование строительства проводилось главным образом за счет займов, а также генерального и местных бюджетов. В конечном итоге вся тяжесть этих расходов ложилась на вьетнамских трудящихся путем увеличения налогового бремени. В первый период колонизации средства, выделявшиеся на так называемые «общественные работы», шли в основном на строительство административных учреждений и благоустройство тех кварталов в городах, где обосновались колонизаторы. Этим они хотели «показать вьетнамскому народу, — как выразился генерал-губернатор Ланессан, — что французы решили остаться и не хотят уходить»³⁴.

³⁰ Nguyễn Khắc Đạm, *Những thủ đoạn bóc lột của...*, tr. 300.

³¹ A. Touzet, *Fédéralisme financier...*, p. 133.

³² В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*. — Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 351, 362.

³³ «Budget général. Exercice 1944», Hanoi, 1943, p. 47.

³⁴ Nguyễn Khắc Đạm, *Những thủ đoạn bóc lột của...*, tr. 265.

Уже к концу XIX в. в связи с созданием новых и расширением деятельности уже созданных французских промышленных и торговых компаний «общественные работы» начинают носить более ярко выраженную экономическую направленность. С другой стороны, колонизаторы получали от вводившихся в действие объектов значительные прибыли, что также способствовало их активности в этой области. Помимо всего прочего, строительство железных и шоссейных дорог, оборудование портов отвечало политическим и стратегическим интересам французского империализма. В угоду этому колонизаторы были даже не прочь поступиться своими экономическими выгодами. Так, железные дороги, находившиеся в ведении колониальной администрации, в отличие от железных дорог, находившихся в руках частных компаний, проходили через отдаленные центры и по малонаселенной местности и имели больше стратегическое значение, чем практическое. Несмотря на то что протяженность таких железных дорог увеличивалась, поступления от них были незначительны. Так, если в 1913 г. поступления от железных дорог, находившихся в ведении колониальной администрации, составили 1,7 млн. пиастров, то в 1938 г. они возросли до 7,7 млн., в то же время протяженность их увеличилась с 1167 км до 2185 км. Напротив, за тот же период сеть железных дорог, находившихся в частном владении, осталась без изменений (848 км), а доходы от них увеличились с 3,1 млн. пиастров до 9,7 млн.³⁵

Общественные работы включали строительство и поддержание в порядке оросительной системы. Стихийные бедствия — наводнения и засухи наносили большой ущерб сельскому хозяйству Вьетнама, что в конечном итоге совместно с другими факторами социального порядка приводило к разорению трудового крестьянства. Однако колонизаторы не спешили с проявлением своей «заботы» о сельском хозяйстве колонии. Французские колониальные власти, например, решили создать сеть оросительных каналов на р. Кау. Предполагалось начать строительство в 1896 г. и закончить в 1914 г. Практически же оно началось в 1922 г. и было завершено только в 1938 г.³⁶ Такое затягивание сроков объяснялось незаинтересованностью колонизаторов проводить общественные работы в этой области, так как капиталовложения на строительство дамб и оросительных каналов окупались очень медленно.

Расходы на социальные нужды, здравоохранение и просвещение занимали незначительное место в генеральном бюджете, составляя в среднем не более 4% в общей сумме расходов (см. табл. 1). Например, в 1943 г. французские колониальные власти израсходовали 748 тыс. пиастров на школы, 71 тыс. — на больницы, 30 тыс. — на библиотеки и в то же время 4473 тыс. пиастров — на закупку опиума³⁷. Построенные госпитали и больницы предназначались исключительно для лечения французских колониальных чиновников и личного состава экспедиционного корпуса, а местное население, не получая медицинской помощи, страдало от трахомы, малярии, венерических болезней. В 1943 г. в Индокитае один врач приходился на 77 тыс. жителей³⁸. Во всем Северном Вьетнаме имелась только одна глазная лечебница.

Не лучше обстояло дело и с постановкой народного образования, на которое колонизаторы выделяли мизерные средства. В результате

³⁵ Ibid., tr. 287.

³⁶ Ibid., tr. 272.

³⁷ «Témoignages et documents français relatifs à...», p. 10—II (табл.).

³⁸ Nguyễn Khắc Đạm, Những thủ đoạn bóc lột của..., tr. 293.

этого 95% местного населения было полностью неграмотным. В годы японской оккупации французские колониальные власти немного увеличили расходы на образование и здравоохранение, с тем чтобы повысить свой престиж в глазах вьетнамского народа и представить себя чем-то вроде «благодетелей» по сравнению с японскими оккупантами. В 1943/44 учебном году в Индокитае насчитывалось 716 тыс. учащихся общеобразовательных школ и немногим более 7 тыс. учащихся средних школ и техникумов³⁹.

Во время японской оккупации Индокитая расходы на содержание войск и другие военные нужды значительно возросли. Для содержания войск в Индокитае и оплаты прочих военных расходов японские оккупанты не прибегали к выпуску в Индокитае «военных» денег, как это они делали на других занятых ими территориях. Индокитайский банк предоставлял японскому командованию кредиты в пиастрах с зачислением эквивалента в специальных иенах на счет Индокитайского банка в «Июкогама Сёкин Гинко», т. е. по существу без всякого эквивалента. Кредиты Индокитайского банка на военные расходы японских войск составили в 1940—1945 гг. 725 млн. пиастров, что наряду с другими причинами привело к инфляции индокитайского пиастра⁴⁰.

Денежная масса в обращении резко увеличилась со 192,7 млн. пиастров в 1939 г. до 1575 млн. в марте 1945 г. и 2333,8 млн. пиастров в сентябре 1945 г.⁴¹ Другим моментом, характеризующим инфляционный характер денежного обращения в этот период, явилось разбухание банковских депозитов, которые состояли в основном из текущих счетов. Кредитные остатки на текущих счетах в Индокитайском банке возросли с 53,2 млн. пиастров в декабре 1939 г. до 398,1 млн. в декабре 1945 г.⁴² Наряду с этим уровень промышленного и сельскохозяйственного производства резко упал. Так, добыча угля в 1944 г. снизилась до 537 тыс. т (в 1939 г. — 2615 тыс. т), оловянной и вольфрамовой руд до 647 т (в 1939 г. — 3037 т), производство цемента в 1943 г. сократилось до 149 тыс. т (в 1940 г. — 278 тыс. т)⁴³.

Жизненный уровень трудящихся катастрофически снизился. Так, если индекс жизненного уровня рабочего класса в Ханое и Сайгоне в первом квартале 1939 г. принять за 100, то в июне 1945 г. он составил в Сайгоне 495 и Ханое 3012⁴⁴. Особенно поднялись розничные цены на продукты питания. Индекс розничных цен на продовольственные товары, потребляемые рабочими (первый квартал 1939 г. = 100), увеличился во втором квартале 1945 г. в Сайгоне до 372 и Ханое до 3106. Обесценение пиастра нашло свое выражение и в росте цен на золото. За период с 1941 по 1945 г. цена унции золота (37,75 г) возросла с 300 до 1700 пиастров, т. е. более чем в пять раз⁴⁵.

Индокитайский пиастр сильно обесценился, инфляция в первую очередь ударила по интересам широких трудящихся масс, будучи одним из главных методов их ограбления. В Сайгоне покупательная способность пиастра по товарам потребления рабочего класса в июне 1945 г. составляла только 20,2% от уровня 1939 г., а в Ханое всего лишь 3,3%⁴⁶.

³⁹ Ibid., tr. 296.

⁴⁰ Vu Do Thin, *Evolution économique du Viet-Nam*, t. 1, Paris, 1954, p. 37.

⁴¹ «Annuaire statistique de l'Union Française Outre-mer, 1939—1948», Ch. i — Monnaie — Crédit — Prix, Paris, 1950, p. i—37.

⁴² Vu Do Thin, *Evolution économique du Viet-Nam*, p. 38.

⁴³ Ibid., p. 41.

⁴⁴ Ibid., p. 31.

⁴⁵ Ibid., p. 30.

⁴⁶ Ibid., p. 31.

Наряду с генеральным бюджетом существенное место в финансовой системе Индокитая занимали местные бюджеты. Так, например, в 1935 г. удельный вес местных бюджетов по доходам в общей массе доходов генерального и местных бюджетов составил 41,75%⁴⁷. Основным источником их поступлений являлись прямые налоги.

На примере местного бюджета Тонкина (Бак-бо) рассмотрим источники поступлений местных бюджетов и направление расходов (табл. 2). При первом же ознакомлении с этим бюджетом бросается в глаза тот факт, что поступления от прямых налогов (подушный, подоходный, поземельный, патентный и др.) составляли в среднем от 50 до 70% общей суммы поступлений. Особенно тяжелыми были подушный и поземельный налоги, которые к стати и давали основные поступления в местные бюджеты.

Подушный налог взимался со всех лиц в возрасте от 18 до 60 лет. Если до колониального захвата страны он составлял 0,14 пиастра, то в 1897 г. подушный налог был увеличен до 2,5 пиастра, к 1913 г. — до 5,5, а в 1930 г. возрос до 7,5 пиастра⁴⁸. Размер подушного налога не зависел от уровня получаемого дохода. Однако под влиянием требований народных масс колониальным властям в 1937 г. пришлось дифференцировать его ставки в зависимости от уровня получаемых доходов, а для крестьян в зависимости от размера земельного участка. Например, в Бак-бо было установлено 14 категорий: от 1 до 250 пиастров. Однако минимальную ставку в 1 пиастр уплачивала очень незначительная часть населения. Если принять во внимание, что средний годовой доход трудящегося, по подсчетам французского буржуазного экономиста П. Бернара, составлял в 1931 г. 49 пиастров во всем Индокитае (44 пиастра в Бак-бо)⁴⁹, то становится ясным, каким бременем этот налог был для вьетнамских трудящихся.

Поземельный налог всей тяжестью ложился на трудовое крестьянство. С рисовых полей налог исчислялся с единицы площади (мау), которая в зависимости от качества почвы подразделялась на шесть категорий. С земель, занятых под другими культурами, налог исчислялся из расчета получаемой продукции. Такая система была на руку французским колонизаторам, которые вели крупное плантационное хозяйство (каучук, чай, кофе и другие технические культуры). Под предлогом поощрения освоения пустующих земель значительное число крупных концессионеров вообще освобождалось от уплаты налога⁵⁰. До 1897 г. размер поземельного налога с земель первой категории составлял 1 пиастр с одного мау обрабатываемой площади. В последующие годы ставка налога была увеличена до 1,5—1,9 пиастра. В связи с тем что в разных районах земельная мера мау была различной — от 3600 кв. м до 6200 кв. м, французская колониальная администрация брала при обложении налогом минимальное значение мау — 0,36 га, что давало увеличение поступлений от этого налога в отдельных провинциях на $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{3}$ и даже $\frac{2}{5}$ ⁵¹. По подсчетам П. Бернара, в 30-е годы 25% валового дохода мелкого земельного собственника в Нам-бо шло на уплату различных прямых налогов⁵². «Увеличение налогов, — как

⁴⁷ A. Touzet, *Fédéralisme financier*..., p. 144.

⁴⁸ Nguyễn Khắc Đạm, *Những thủ đoạn bóc lột của...*, tr. 241—242.

⁴⁹ P. Bernard, *Le problème économique*..., p. 21.

⁵⁰ А. Г. Мазаев, *Аграрная реформа в Демократической Республике Вьетнам*, М., 1959, стр. 36.

⁵¹ Nguyễn Khắc Đạm, *Những thủ đoạn bóc lột của...*, tr. 243.

⁵² P. Bernard, *Le problème économique*..., p. 160.

отмечает Ж. Шено, — намного обгонявшее прирост населения, налагало тем более тяжелое бремя на крестьянство, что налоги взимались деньгами; крестьяне-бедняки не в силах были выплачивать такие налоги и поэтому продавали или закладывали свою землю»⁵³.

Различные французские промышленные, торговые и другие предприятия уплачивали подоходный налог, но размер его был незначителен, либо они полностью освобождались от него. Так, французские каучуковые компании освобождались от налогов на довольно внушительный срок. Обо всем этом свидетельствуют незначительные суммы поступлений от подоходного налога в доходной части местных бюджетов (табл. 2).

С другой стороны, патентный налог всей своей тяжестью ложился на плечи мелкой национальной буржуазии. Ставки патентного налога дифференцировались в зависимости от размера дохода предприятия и местности. Национальный вьетнамский капитал направлялся главным образом в торговлю, где он был представлен в основном мелкими розничными предприятиями или агентами крупных французских фирм. Так, например, в 1938 г. в Индокитае насчитывалось 773 торговых предприятия, уплачивавших патентный налог более 1200 пиастров, — это были французские торговые компании. Наряду с этим имелось только 57 французских и 325 вьетнамских торговых предприятий, уплачивавших патентный налог свыше 100 пиастров. Основную же массу налогоплательщиков представляли 124 650 вьетнамских торговых предприятий, уплачивавших патентный налог менее 100 пиастров⁵⁴.

Как видно из табл. 2, основная сумма (от 60 до 70%) расходной части местного бюджета Тонкина направлялась на содержание полицейско-бюрократического и финансового аппарата, занимавшегося выколачиванием налогов из вьетнамских налогоплательщиков.

Кроме того, существовали провинциальные, муниципальные и коммунальные (общинные) бюджеты, которые финансировались в первую очередь за счет многочисленных налогов, в том числе налогов на паромы, джонки, экипажи, гаражи, тротуары, на места на рынках и т. п., а также отчислений от подушного и поземельного налогов. Расходная часть этих бюджетов шла в основном на содержание чиновничества, местных колониальных служащих и полицию.

Вьетнамские трудящиеся, задавленные непосильным налоговым гнетом, выступали с требованиями сокращения и отмены ряда грабительских налогов.

Хо Ши Мин в статье «Несостоятельность французской колонизации», опубликованной в 1924 г., писал, что политика французского колониализма в Индокитае приносила прибыли «банде авантюристов, бесстыдных политиканов и торговцев алкоголем и опиумом, торгашей без чести и подозрительных финансистов»⁵⁵.

Коммунистическая партия Индокитая, созданная в 1930 г., в своей программе, принятой в октябре 1930 г., выдвинула лозунг антиимпериалистической и антифеодальной революции. В области налоговой политики компартия требовала уничтожения налогов — личного (подушного), муниципального, добавочных и др.; введения такого налога, от которого были бы свободны бедняки и который лег бы всей тяже-

⁵³ Ж. Шено, *Очерк истории вьетнамского народа*, стр. 185.

⁵⁴ Lê-Trung-Toàn, *Sự phát triển thương nghiệp của Nước Việt-Nam Dân Chủ Cộng Hòa, Hà-nội*, 1961, tr. 9.

⁵⁵ Хо Ши Мин, *Избранные статьи и речи*, М., 1959, стр. 103.

стью на доходы богатых (прогрессивно-подходный налог); уничтожения монополий на алкоголь, опиум, соль и т. д.⁵⁶

В 1930—1931 гг. в провинциях Нге-ан и Ха-тинь одновременно с крестьянским движением начались выступления пролетариата. Компартия Индокитая осуществляла непосредственное руководство этой рево-

Таблица 2

Местный бюджет Тонкина (Бак-бо)

(тыс. индокитайских пиастров)*

Статьи доходов и расходов	1930 г.	1931 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.
Доходы						
Прямые налоги и сборы:						
подушный	5 383	5 071	5 461	7 723	6 816	8 159
подходный	—	—	—	—	2 392	3 514
поземельный	5 595	5 067	4 710	5 815	5 913	6 304
патентный	961	872	366	1 476	1 528	2 038
прочие	—	—	—	11	11	11
Итого	11 939	11 010	10 537	15 025	16 660	20 026
Регистрационный и марочный сборы, доходы от имущества	1 631	1 115	840	880	1 045	1 510
Прочие поступления	316	120	1 316	1 427	1 441	2 640
Субсидии из генерального бюджета	7 439	430	3 115	3 629	4 059	5 458
Субсидии из других бюджетов	429	300	96	121	124	214
Всего	21 754	12 975	15 904	21 082	23 329	29 848
Расходы						
Содержание административного аппарата	10 107	6 946	6 861	8 090	9 610	12 465
Расходы на:						
финансовые учреждения	844	111	272	250	276	347
экономические учреждения	5 010	2 661	2 712	2 686	3 635	4 730
в том числе общественные работы	3 941	1 746	1 717	1 789	2 444	3 004
Социальные нужды	4 568	2 040	4 677	4 590	5 947	5 832
в том числе:						
просвещение	1 500	1 060	2 941	2 852	2 972	3 550
здравоохранение	3 068	980	1 669	1 662	2 894	2 186
Чрезвычайные расходы	33	19	322	—	—	299
Субсидии и фонды помощи	1 174	1 147	340	3 287	3 244	4 789
Всего	21 736	12 924	15 184	18 903	22 712	28 462

* «Annuaire statistique de l'Indochine. 1931—1932», vol. 4, pp. 238—239; «Annuaire statistique de l'Union Française Outre-mer. 1939—1949», Ch. K-Finances publiques, Paris, 1949, p. K-93.

⁵⁶ «Программные документы коммунистических партий Востока», М., 1934, стр. 123.

люционной борьбой трудящихся масс. В указанных провинциях были созданы Советы, которые первыми же декретами уничтожили подушный и ряд других налогов. Первые успехи революционного движения убедили рабочих и крестьян, что только «борьбой самих народных масс можно добиться освобождения»⁵⁷.

Коммунистическая партия Франции, верная принципу пролетарского интернационализма, постоянно разоблачала французский колониализм и империализм. Выступая в палате депутатов 4 марта 1933 г., генеральный секретарь Компартии Франции М. Торез процитировал отрывок из выступления докладчика по бюджету Индокитая, сделанного на Большом совете экономических и финансовых интересов Индокитая, который сам по себе является обличительным актом против французских колонизаторов: «Насчитываются тысячи несчастных, которые не едят досыта и которые в некоторых случаях даже продают своих детей, чтобы платить взимаемые нами налоги... В деревне по-прежнему царит нищета. Требования налоговых властей настолько велики, что следует предвидеть в ближайшем будущем волнения. Любой ценой хотят вытянуть деньги из карманов нянке, не имеющих больше ни одной сапеки... Поскольку население не в силах выполнять требования казначейства, поговаривают о забастовках налогоплательщиков»⁵⁸.

Коммунистические и рабочие партии других стран поддерживали справедливую национально-освободительную борьбу вьетнамского народа за национальную независимость и освобождение от колониального угнетения и эксплуатации.

Французский колониальный режим и японская оккупация принесли трудящимся Вьетнама невероятные лишения и страдания. В результате хозяйничанья французских оккупантов экономика Вьетнама накануне Августовской революции 1945 г. находилась в состоянии упадка, денежное обращение и финансы были полностью расстроены. Под прямым нажимом французских оккупантов марионеточные власти увеличивали налоги. Грабительская политика японских империалистов нашла свое яркое выражение, в частности, в клиринговых соглашениях и кредитах, предоставлявшихся Индокитайским банком на покрытие японских оккупационных расходов. В соответствии с клиринговым соглашением (июль 1941 г.) поставки товаров из Индокитая в Японию должны были оплачиваться импортом японских товаров. Поскольку уже в первый год действия соглашения клиринг принял односторонний характер (Япония, выкачивая из Индокитая сырье и продовольствие, покрывала лишь очень небольшую часть импорта своими поставками), то с конца 1942 г. погашение сальдо по клирингу предусматривалось «специальными иенами», т. е. фактически без всякого эквивалента. Экономическая разруха, инфляция, непосильное налоговое бремя способствовали вызреванию во Вьетнаме революционной ситуации.

Разгром германского фашизма и японского милитаризма во второй мировой войне создал во Вьетнаме, особенно после вступления СССР в войну против Японии, благоприятные условия для победоносного развития национально-освободительного движения, завершившегося победой Августовской революции 1945 г. и созданием Демократической Республики Вьетнам.

⁵⁷ Там же, стр. 120; см. также: А. П. Шилтова, В. Ф. Мордвинов, *Национально-освободительное движение во Вьетнаме*, М., 1958, стр. 120.

⁵⁸ М. Торез, *Избранные произведения*, т. 1, М., 1959, стр. 65; *нянке* — вьетнамские крестьяне, *сапека* — мелкая медная или цинковая монета феодального и колониального Вьетнама.

А. И. Динкевич

СИСТЕМА СПЕЦИАЛЬНЫХ СЧЕТОВ В ЯПОНИИ

Одной из важных составных частей государственных финансов Японии, характерной не только для послевоенного времени, но и для всего периода развития японского капитализма, начиная с незавершенной буржуазной революции 1868—1871 гг., является система так называемых специальных счетов. Подавляющая часть операций по указанным счетам не может быть отнесена к бюджету, поскольку они не имеют отношения к перераспределению национального дохода через систему государственных финансов. Вместе с тем часть операций, осуществляемых через специальные счета, имеет к бюджету прямое отношение. Таким образом, было бы одинаково неверным как полностью отождествлять специальные счета и государственный бюджет, так и полностью игнорировать эти счета.

В современной Японии часть доходов от государственных предприятий и имуществ фиксируется в государственном бюджете, другая — нет, причем последняя в основном остается на специальных счетах соответствующих государственных предприятий и органов, что, однако, не может рассматриваться как фактор, изменяющий характер этих денежных средств. Независимо от того, переводятся в бюджет эти доходы частично или вообще не переводятся, они являются той частью национального дохода, которая оказывается в распоряжении государства и расходует под его контролем. Вместе с тем имеется важное отличие между теми частями доходов, которые поступают и которые не поступают в бюджет. Если в первом случае такие поступления (переводы), являясь составной частью бюджетных доходов, используются, как правило, на иные нужды, не связанные с функционированием соответствующих предприятий и органов, то во втором случае они используются в подавляющем большинстве случаев в целях их собственного финансирования (например, для расширения предприятий, модернизации оборудования, нового строительства и т. п.). Именно это различие и определяет специфику взаимоотношений между специальными счетами и бюджетом. Однако оно не имеет и не может иметь существенного характера, поскольку и в том и в другом случае речь идет о чистом продукте, о доходах от государственных предприятий и органов. Положение значительно упростилось бы, если бы в бюджете в полном объеме фиксировались доходы от этих предприятий, равно как и расходы на их финансирование. Именно то обстоятельство, что указанные собственные доходы, как правило, предназначены для финансирования строго определенных целей, т. е. не используются вне соответствующих предприятий и органов, является одной из причин существования автономных бюджетов (специальных счетов).

Однако и в данном случае эти операции следует рассматривать в бюджетном плане. Такое использование указанных доходов ничем принципиально не отличается от других расходов государства на инвестиционные цели, осуществляемых, например, из центрального бюджета. Более того, за счет ассигнований из центрального бюджета финансируются расходы, проводимые по тем или иным специальным счетам, причем нередко бывает так, что часть таких расходов финансируется из собственных доходов данного специального счета, а другая часть ассигнованиями из государственного бюджета. В этой связи общую сумму чистых доходов государственных предприятий, органов, имуществ следует рассматривать как составную часть бюджетных поступлений, а их использование как часть расходной части бюджета.

Исходя из этого, принципы взаимоотношений между специальными счетами (автономными бюджетами) и центральным и местными бюджетами (принцип брутто, принцип нетто, а также принцип обособления — отсутствия прямых связей между ними) затрудняют определение экономической роли государства, находящей свое выражение, в частности, в его финансах, и не могут рассматриваться как удовлетворяющие требованию полноты бюджета. В самом деле применение принципа брутто означает учет не только всей вновь созданной на данных государственных предприятиях стоимости (т. е. части национального дохода), но и части ранее созданной стоимости, не имеющей отношения к использованию под контролем и при участии государства части текущего национального дохода. Принцип нетто, наоборот, означает, что только часть (притом небольшая) национального дохода фиксируется в бюджете в том случае, если сальдо соответствующей сметы активно; при этом может сложиться такое положение, что предприятие в действительности приносит доход, но так как расходы на его реконструкцию и т. п. превышают последний, в бюджете будет отражаться лишь его дефицит, покрываемый путем эмиссии государственных займов, отраженной только в данном специальном счете. Принцип обособления — отсутствия прямых связей между бюджетом и соответствующими автономными бюджетами исключает возможность учета в бюджете подавляющей доли доходов государственных предприятий (за исключением той небольшой части, которая поступает в бюджет в виде налогов и сборов, а также — в редких случаях — через систему государственного кредита).

Следовательно, чтобы полностью учесть ту часть национального дохода, которая сосредоточивается в руках государства в качестве его доходов, к последним следует относить всю сумму чистых доходов от государственных предприятий, имуществ, органов. Она является составной частью бюджетных поступлений с той лишь оговоркой, что расходование ее частично носит заранее обусловленный, целенаправленный характер.

Однако вопрос о доле государства в создании и распределении национального дохода этим не исчерпывается. Та часть, которая оказывается в распоряжении государства и расходует им на оплату наемного персонала государственных предприятий, также должна учитываться при исчислении этой доли. В этом случае имеются важные различия: часть этого персонала (рабочие и инженерно-технический персонал государственных предприятий) сама участвует в создании национального дохода, труд другой (служащих государственных органов) оплачивается в результате его перераспределения. Это различие не имеет существенного значения с точки зрения доли государства в

не имеющие отношения к бюджету, с другой — часть их доходов должна быть отнесена к последнему. Это обстоятельство, носящее в основном технический характер, не должно, разумеется, служить основанием для противопоставления специальных счетов и государственного бюджета, поскольку и эти счета и центральный и местные бюджеты являются теми орудиями, при помощи которых в руках государства сосредоточивается и под его контролем расходуется значительная часть национального дохода.

Ряд специальных счетов представляют собой сметы-балансы государственных кредитных органов. Они также являются орудиями государственного перераспределения определенной части национального дохода. Однако это специфические орудия такого перераспределения; поскольку они являются составной частью кредитной системы, воплощающими в себе долю, участие, позиции государства на рынке ссудных капиталов, в сфере кредита, их не следует смешивать с государственными финансами, хотя между последними и государственными кредитными органами существует тесная связь. Конечно, эти кредитные органы в определенной мере связаны с государственным бюджетом в том случае, когда они участвуют в финансировании бюджетных расходов на основе государственного кредита, когда в бюджетном плане учитываются их прибыли. Прирост части пассивов государственных кредитных учреждений служит показателем того, какая доля национального дохода в данном году сосредоточивается и расходуется под контролем государства.

* * *

К государственным финансам относятся центральный бюджет (общий или генеральный счет), местные бюджеты (общий счет местных органов власти), а также многочисленные специальные счета центрального правительства, счета правительственных компаний и банков и специальные счета предприятий местных органов государственной власти. Количество этих счетов ежегодно изменяется, одни из них ликвидируются, учреждаются новые, но их общее число остается значительным. В 1961/62 финансовом году, например, насчитывался 41 специальный счет центрального правительства, 14 счетов компаний и банков и свыше 7,7 тыс. счетов государственных предприятий местных органов, сведенных в официальных статистических отчетах в 18 групп¹.

Официальная статистика подразделяет специальные счета центрального правительства в зависимости от их ведомственной принадлежности на десять групп, а в зависимости от их характера — на пять групп². Недостатком этой классификации является то, что в те или иные из указанных пяти групп включены специальные счета, существенно отличающиеся по своему характеру.

Мы подразделяем эти специальные счета на семь групп, а именно: 1) государственных предприятий и имущества; 2) кредитно-инвестиционные; 3) государственного строительства; 4) страховые; 5) государ-

¹ «Дзайсэй кинью токэй гэппо», 1961, № 116, стр. 83, 111; «Тихо дзайсэй но дзё-кё» («Состояние местных финансов»), Токио, 1961, стр. 185—186 (далее — «Местные финансы»).

² См. «Куни но ёсан. 1958/59», Токио, 1958, стр. 580, 641, 688, 750, 763 (далее — «Бюджет страны на 1958/59 фин. г.»). Официальная статистика подразделяет специальные счета на: 1) предпринимательские, 2) контрольные, 3) страховые, 4) инвестиционные, 5) регулирующие.

Таблица 1

Доходы специальных счетов центрального правительства,
не учтенные в бюджете
(млрд. иен*)

Специальные счета	Финансовые годы						
	1955/56	1956/57	1957/58	1958/59	1959/60	1960/61	1961/62
1 группа							
Монетного двора	1,5	1,6	1,6	2,9	5,4	5,9	3,4
Государственных типографий	0,6	0,6	0,5	0,5	0,7	0,9	4,5
Государственных больниц	1,4	1,3	1,6	1,5	1,5	1,6	2,6
Почтовой службы	13,9	17,2	18,3	21,2	23,2	24,8	27,9
Монополии на спирт	0,7	0,5	0,3	0,3	0,8	1,0	0,8
Государственных лесов	19,3	16,3	18,0	19,3	22,1	24,1	24,4
Специального фонда государственного имущества	—	—	—	0,2	0,3	0,1	0,3
Специальных мер по увеличению числа хозяйств крестьян-собственников	1,1	1,3	1,3	1,3	1,5	1,9	1,5
2 группа							
Бюро доверительного фонда	5,2	5,2	4,1	6,3	6,4	7,9	8,1
Почтовых сбережений	—	—	—	—	—	—	—
Промышленных инвестиций	21,2	22,0	29,7	27,3	24,5	29,5	23,6
Кредитования переселенцев	1,0	1,2	1,3	1,8	2,9	3,4	3,6
3 группа							
Дорожного строительства	0,4	0,2	—	5,9	9,7	9,4	15,5
Строительства специальных многоцелевых плотин (с 1960/61 г. — гидротехнического строительства)	—	—	1,8	2,8	3,3	3,3	4,3
Мелиорации особых районов	—	—	1,1	1,9	3,2	4,4	7,5
Ликвидации ущерба минеральным ресурсам (с 1959 г. ликвидирован)	—	—	—	—	—	—	—
Портового строительства	—	—	—	—	—	—	6,1
4 группа							
Страхования здоровья	33,1	47,8	56,4	59,1	60,9	94,1	102,9
Страхования моряков	0,6	1,0	1,7	1,8	1,9	2,6	3,2
Перестрахования союзов сельскохозяйственной взаимопомощи	1,1	1,1	1,1	1,4	1,6	1,2	0,9
Страхования лесов	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	—
Перестрахования рыболовных судов	—	0,1	0,1	—	—	—	—
Национальных пенсий	—	—	—	—	—	—	18,7
Страхования гарантий кредитов мелким и средним рыбопромышленникам	—	—	0,1	—	—	—	—
Страхования экспорта	0,4	0,7	0,4	0,4	0,6	1,5	0,8
Страхования кредитов мелким и средним предприятиям (с 1959 г. ликвидирован)	2,8	2,3	2,2	—	—	—	—
Перестрахования деревянных судов	—	—	0,1	—	—	—	—
Перестрахования компенсаций в связи с автомобильными катастрофами	—	1,1	—	—	—	0,2	—

Продолжение

Специальные счета	Финансовые годы						
	1955/56	1956/57	1957/58	1958/59	1959/60	1960/61	1961/62
Страхования компенсаций в связи с несчастными случаями на производстве	1,0	3,6	5,4	5,3	4,8	7,8	6,0
Страхования от безработицы	1,2	3,1	5,4	4,9	7,1	8,3	10,1
Почтового страхования жизни и пенсионного обеспечения	59,2	73,2	85,2	96,1	106,3	119,0	128,4
Страхования кредитов для обновления машинного оборудования	—	—	—	—	—	—	0,1
5 группа							
Фонда иностранной валюты Продовольственного контроля	6,7	7,2	5,8	7,6	11,8	15,8	14,4
Стабилизация цен на шелк	1,1	2,4	3,2	6,3	2,8	—	15,8
Опиумной монополии	—	—	—	—	—	—	—
Благородных металлов	—	—	—	0,1	0,1	0,1	0,1
6 группа							
Перераспределения налоговых поступлений в пользу местных бюджетов	—	—	—	—	—	—	—
Консолидации государственного долга	54,2	67,3	76,1	77,9	99,1	122,5	89,5
Репараций и других специальных обязательств	—	—	—	—	—	—	—
Платежей за особые товары	—	—	—	—	—	—	—
7 группа							
Специальных заказов, выполняемых в Японии (с 1960 г. ликвидирован)	—	—	—	2,7	4,0	—	—
Фонда экономической помощи I**	2,5	—	—	—	—	—	—
II***	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Финансирования закупок излишков сельскохозяйственных товаров I**	18,9	14,3	4,1	0,6	—	—	—
II***	—	0,1	0,2	1,0	1,7	1,7	1,7
Итого (А)	249,3	292,9	327,3	358,6	408,4	493,2	526,8
Суммы, не имеющие отношения к перераспределению национального дохода Японии (Б)	21,5	14,3	4,1	3,3	4,0	—	—
А—Б	227,8	278,6	323,2	355,3	404,4	493,2	526,8

*Исчислено по данным «Куни но ёсан. 1956/57» («Бюджет страны на 1956/57 фин. г.»), стр. 657—718; «Бюджет страны на 1958/59 фин. г.»), стр. 578—83); «Хомпо кэйдай токэй. 1958» («Экономическая статистика Японии. 1958»), Токио, 1958, стр. 189.

**Сумма «помощи».

***Сумма процентов по кредитам.

ственного контроля над внешней и внутренней торговлей; 6) перераспределительные; 7) экономической и военной «помощи» Соединенных Штатов (см. табл. 1).

Существуют определенные различия между счетами, отнесенными к одной группе, но не по их характеру, а с точки зрения принципов их составления. Одни из них представляют балансы валовых доходов и расходов (большинство счетов 1-й группы, счет промышленных инвестиций 2-й группы, счета 3-й и 5-й групп и т. д.); другие, в первую очередь счета банковских органов, страховые счета и т. п., — балансы лишь валовых прибылей и прироста кредитных ресурсов³ и их расходования.

Основная часть (60%) неучтенных центральным бюджетом доходов по специальным счетам в 1961/62 фин. г. падала на три счета — почтового страхования жизни и пенсионного обеспечения, страхования здоровья и консолидации государственного долга.

1. Специальные счета *государственных предприятий и имущества* охватывают восемь счетов, перечисленных в таблице 1. Доходы от этих предприятий и имущества, зафиксированные в соответствующих счетах, в основном не переводятся в центральный бюджет, а используются, как правило, на инвестиционные цели. Прибыль специального счета государственных лесов в первую очередь образуется в результате повышения цен на лесоматериалы (общеизвестно напряженное положение баланса лесоматериалов в Японии, являющееся следствием распада японской колониальной империи, большого спроса на лес в условиях промышленного подъема и т. п.).

Поскольку собственные доходы государственной почтовой службы недостаточны для финансирования расходов на строительство и оборудование почтовых учреждений, то в этих целях используются средства, получаемые на основе государственного кредита, но фиксируемые не в центральном бюджете, а только на специальном счете почтовой службы. Органы почтовой службы помимо прямых своих функций осуществляют функции почтово-сберегательной и почтово-страховой систем, а также часть функций Японской телефонно-телеграфной корпорации. Поэтому расходы на содержание персонала, а также чисто производственные издержки финансируются не только из валовых доходов самой почтовой службы, но и за счет переводов со специальных счетов почтово-сберегательной системы, почтового страхования и пенсионного обеспечения и Японской телефонно-телеграфной корпорации. Система таких переводов дает возможность маскировать дефицит одних и доходы других служб, а между тем эти доходы, являясь доходом государства от предпринимательства в соответствующих областях, должны учитываться в бюджетном плане.

2. Специальные счета *кредитно-инвестиционного характера* включают четыре счета.

Бюро доверительного фонда министерства финансов Японии является по существу крупнейшим банком в стране. Основная часть его пассивов⁴ образуется из депозитов почтово-сберегательной и почтово-

³ В них не отражены ранее накопленные кредитные ресурсы по их сальдо на соответствующую дату.

⁴ На 31 марта 1961 г. пассивы Бюро составили 2078,1 млрд. иен, в том числе 53,8% пришлось на депозиты специального счета почтовых сбережений, 6,8% — специального счета почтового страхования жизни и пенсионного обеспечения, 21,7% — специального счета страхования здоровья, 9,2% — других счетов, 8,5% — на капитал, резервы, переходящие остатки и т. п. [«Куни но ёсан. 1961/62» («Бюджет страны на 1961/62 фин. г.»), стр. 724].

страховой систем, а также системы государственного страхования здоровья. Чистый доход Бюро доверительного фонда не переводится в центральный бюджет, а используется для покрытия хронического дефицита специального счета почтовых сбережений.

Специальный счет промышленных инвестиций в сущности выполняет функции крупного государственного кредитно-инвестиционного органа. Его пассивы в подавляющей своей части состоят из капиталов ликвидированного в 1953 г. эквивалентного фонда экономической помощи США Японии и переводов из центрального бюджета⁵. Капиталы с этого специального счета инвестируются в государственные банки, финансовые корпорации и предпринимательские компании, выдаются им в виде кредитов и т. п. Его доходы складываются из доходов на инвестированный капитал, ссудного процента, возврата номинала кредитов, переводов со специального счета платежей за особые товары и др. За исключением возврата номинала ранее выданных кредитов, поступления на этот специальный счет являются чистыми доходами — прибылями государственного кредитно-инвестиционного органа.

3. Специальные счета *государственного строительства* насчитываются четыре. Они непосредственно относятся к государственному предпринимательству. Если счета 1-й группы являются общими балансами государственных предприятий различного характера (типографии, больницы, имущество и т. п.), а счета 2-й группы балансами валовых доходов и соответствующих расходов государственных кредитно-инвестиционных органов, то счета 3-й группы имеют отношение лишь к области строительства и, так же как и счета 1-й группы, носят характер общих балансов, в которых отражаются все поступления и все расходы.

В качестве примера можно взять специальный счет дорожного строительства. Подавляющая часть его доходов складывается из соответствующих ассигнований на эти цели в центральном бюджете, которые переводятся на указанный специальный счет. Остаток поступлений мобилизуется с помощью государственного кредита, однако эти поступления, используемые для покрытия дефицита специального счета дорожного строительства, в центральном бюджете не отражаются. Аналогичное положение имеет место в специальных счетах строительства специальных многоцелевых плотин и др.

4. Специальные счета в области *страхования*. В эту группу входят 13 счетов, которые подразделяются на счета социального страхования и социального обеспечения, с одной стороны, и на счета страхования имущества, кредитов, а также страхования от стихийных и иных бедствий — с другой.

Специальные счета в области страхования отражают ту часть национального дохода, которой распоряжается государство через систему страховых органов, имея в виду ежегодный прирост средств в соответствующих страховых фондах. Часть этих платежей, как уже отмечалось, представляет собой разновидность налоговых изъятий. Мобилизованные таким образом средства соответствующие органы⁶ используют

⁵ На 31 марта 1961 г. пассивы счета промышленных инвестиций составляли 444,7 млрд. иен, в том числе 51,6% приходилось на остаток капиталов эквивалентного фонда, 26,7% — на переводы из центрального бюджета, предназначенные для инвестирования в Банк развития Японии и Экспортно-импортный банк, 18,4% — на переводы из центрального бюджета специально на счет промышленных инвестиций и 3,3% — на переводы с других спецсчетов («Бюджет страны на 1961/62 фин. г.», стр. 729—730).

⁶ Например, операции по почтовому страхованию осуществляются органами почтовой службы.

как ссудный капитал, и доход на этот капитал в форме ссудного процента в данном случае является доходом государства от его предпринимательской деятельности в области кредита на основе использования страховых поступлений. Часть доходов со специального счета почтового страхования и пенсионного обеспечения в виде переводов поступает на специальный счет почтовой службы, органы которой осуществляют соответствующие операции. В этой связи сумма доходов в графе спецсчета почтового страхования и пенсионного обеспечения в таблице 1 была исчислена за вычетом суммы переводов на специальный счет почтовой службы, хотя в действительности они относятся к специальному счету почтового страхования. По специальному счету страхования здоровья его чистый доход был определен за вычетом поступлений от краткосрочных кредитов, предназначенных для финансирования кассового разрыва и погашаемых в том же финансовом году.

5. Специальные счета *государственного контроля над торговлей* объединяют пять счетов.

Регулирование инвалютных расчетов имело своей основой обязательный обмен иностранной валюты на цены, а мицэрзионная государственная система на производство инвалютных операций служила важным орудием регулирования экспорта и импорта до осуществления мер по либерализации внешней торговли Японии. В целях пополнения иенных фондов, необходимых для производства таких операций, выпускаются специальные инвалютные сертификаты на срок до одного года, причем они должны быть погашены, как правило, в течение данного финансового года. Так как кассовый разрыв по специальному счету фонда иностранной валюты связан с разрывом во времени между покупкой и продажей иностранной валюты за иены, уровень эмиссии инвалютных сертификатов является показателем не бюджетного дефицита, а количества иностранной валюты, находящейся в распоряжении государства и еще не проданной импортерам. Другими словами, за каждой иеной инвалютных сертификатов стоит ее эквивалент в иностранной валюте, т. е. движение инвалютных сертификатов является обратной стороной и условием движения инвалютных резервов и в конечном счете соответствующих товарных масс.

Поскольку в Японии курс инвалюты при продаже выше, чем при покупке⁷, у государства оказывались соответствующие доходы, являющиеся своеобразной формой косвенного налогообложения (за вычетом расходов, связанных с производством указанных операций). Кроме того, правительственные инвалютные резервы, находясь на депозитных счетах в соответствующих банках инвалютных расчетов, приносили государству определенный доход в виде ссудного процента.

В области внутренней торговли государственно-монополистическое регулирование осуществляется через четыре специальных счета, крупнейшим из которых является счет продовольственного контроля. В функции администрации продовольственного контроля входит закупка продовольствия по официально установленным ценам, его транспортировка, хранение, распределение и продажа; это относится и к импортным продовольственным товарам. Доходная часть этого специального счета складывается в большей своей части из выручки от продажи продовольствия, а также из поступлений от эмиссии специальных (продоволь-

⁷ В 1958—1959 гг. разница составляла 35 сэн на 1 долл. и 7 иен 56 сэн на 1 ф. ст. («Бюджет страны на 1958/59 фин. г.», стр. 644).

ственных) сертификатов, а в расходах первое место занимают ассигнования на покупку продовольствия и переводы на специальный счет консолидации государственного долга.

Эмиссия продовольственных сертификатов обусловлена не дефицитом этого специального счета (такой дефицит действительно существует и покрывается специальными ассигнованиями из центрального бюджета), а тем обстоятельством, что правительство закупает соответствующие товары в относительно короткий промежуток времени, а их продажа растягивается на весь последующий год. Сертификаты выпускаются обычно на два-три месяца и, как правило, погашаются в том же финансовом году (за исключением сертификатов с переходящим сроком погашения)⁸.

По своему характеру продовольственные сертификаты аналогичны инвалютным и являются показателем той части государственных продовольственных запасов, которые еще не реализованы. Поскольку продажные цены ниже покупных, в специальном счете продовольственного контроля образуется дефицит, который по операциям с отечественным продовольствием частично покрывается доходами от продажи импортного продовольствия (импортные цены ниже продажных на японском внутреннем рынке). Остаток финансируется из центрального бюджета. Дефицит специального счета продовольственного контроля имеет хронический характер.

6. *Перераспределительных* специальных счетов насчитывалось четыре.

Спецсчет перераспределения налоговых поступлений носит чисто технический характер: на нем фиксируются перечисления из центрального в местные бюджеты. В специальном счете репараций отражаются ассигнования на эти цели из центрального бюджета. Налоговые платежи, вносимые импортерами определенных товаров (бананов, ананасов, наручных часов и др.), накапливаются на специальном счете платежей за особые товары и перечисляются на специальный счет промышленных инвестиций⁹.

Наименование специального счета консолидации государственного долга не отражает действительного содержания выполняемых им функций: его правильнее называть специальным счетом фонда погашения и управления государственным долгом. Поскольку средства, мобилизуемые на основе эмиссии облигаций государственных займов различной срочности и получения краткосрочных кредитов, используются для финансирования не только расходов (дефицита) центрального бюджета, но и различных специальных счетов, а также правительственных корпораций, то поступления в государственный бюджет на основе государственного кредита не отражают всей совокупности операций последнего. Погашение же государственного долга и выплата процентов осуществляются путем ассигнований не только из центрального бюджета, но и со специальных счетов. Часть таких расходов финансируется путем новых эмиссий долгосрочных государственных займов, но поступления от последних фиксируются не в центральном бюджете, а только в специальном счете консолидации государственного долга.

Помимо расходов по погашению долгосрочных государственных займов и выплата процентов по ним, в специальном счете консолидации

⁸ «Кэйдзай синго дзитэн. 1959» («Словарь новых экономических терминов. 1959 г.»), Токио, 1960, стр. 180; «Кэйдзай синго дзитэн. 1961», Токио, 1962, стр. 181, 200.

⁹ В табл. 1 они учтены в данных, относящихся к специальному счету промышленных инвестиций.

государственного долга отражены операции по погашению и уплате процентов по кредитам, получаемым государством в различных банковских и других учреждениях и не предназначенных для финансирования кассовых дефицитов. Остаток, за вычетом ассигнований на все эти цели из центрального бюджета, финансируется из прибылей различных специальных счетов, и поскольку эта часть их прибыли, переводимая на специальный счет консолидации государственного долга, во избежание двойного счета была исключена при исчислении прибылей этих счетов, то ее следует учесть в данном случае, хотя по существу эту часть национального дохода следует, конечно, включить в чистую прибыль соответствующих специальных счетов.

Необходимо подчеркнуть, что в приведенных расчетах не учтены проводимые также через специальный счет консолидации государственного долга операции по погашению краткосрочных продовольственных и инвалютных сертификатов, поскольку поступления от них предназначаются для финансирования кассового разрыва в специальных счетах продовольственного контроля и фонда иностранной валюты, а также (в незначительных размерах) в специальном счете стабилизации цен на шелк. Эти расходы не имеют отношения к операциям, связанным с финансированием бюджетного дефицита.

7. К специальным счетам *экономической и военной «помощи» США* относятся два счета.

Специальный счет «специальных заказов, выполняемых в Японии», существовавший в 1957—1959 гг., фиксировал лишь крайне небольшую часть военной «помощи» США, которую они оказывали японским империалистам.

С 1957/58 финансового года вместо поставок некоторых видов вооружения и боевой техники из США американские власти стали размещать соответствующие военные заказы в самой Японии. Японские военно-промышленные компании, выполняя эти заказы, поставляли вооруженным силам страны боевую технику и вооружение (военные корабли, транспортные средства), но оплачивали эти заказы США в счет их военной «помощи» Японии. Объем таких выплат был невелик, и в 1960/61 финансовом году указанный специальный счет был ликвидирован.

По трем соглашениям 1954—1956 гг. между Японией и США последние поставили ей излишки сельскохозяйственных товаров на общую сумму 215 млн. долл. Иеновая выручка от реализации этой продукции на японском внутреннем рынке частично использовалась американскими властями на оплату военных заказов, частично была предоставлена Японии в виде долгосрочных займов, а в двух случаях — безвозвратных субсидий. Именно эти суммы и нашли свое отражение в доходной части специальных счетов «фонда экономической помощи» и «финансирования закупок излишков сельскохозяйственных товаров».

Специальный счет «специальных заказов, выполняемых в Японии», не имел никакого отношения к перераспределению национального дохода страны. Доходы двух других специальных счетов в подавляющей части также не имеют к нему отношения; лишь та часть их поступлений, которая представлена процентами по кредитам, выданным японским предпринимателям, является доходом от этих двух государственных кредитных органов и должна учитываться в плане бюджетного перераспределения части национального дохода страны.

Счета государственных корпораций

В 1961/62 финансовом году в Японии насчитывалось 14 счетов правительственных корпораций. Из них три корпорации — Японская корпорация государственной монополии, Корпорация государственных железных дорог Японии и Японская телефонно-телеграфная корпорация, — на которые приходится подавляющая часть доходов этой группы государственных предприятий и органов, существенно отличаются по характеру своей деятельности от всех остальных. Если последние представляют собой кредитные государственные институты (крупнейшие из них — Банк развития Японии и Экспортно-импортный банк Японии), то первая из упомянутых трех корпораций осуществляет государственную монополию на табак, соль и камфару (скупка у производителей или импортеров, производство готовой продукции, например табака, посадка камфарных деревьев и т. п.), вторая осуществляет управление государственным железнодорожным хозяйством, а третья — государственной телефонно-телеграфной системой.

Доходы от государственной монополии на табак, соль и камфару (за вычетом из валовых доходов всех производственно-эксплуатационных расходов) полностью перечисляются в центральный бюджет, являясь составной частью его доходов от косвенного обложения. В связи с этим в приводимых в таблице 2 данных доходы этой корпорации не показаны, хотя они составляют значительные суммы (например, в 1955/56 финансовом году 113,7 млрд., в 1958/59 г. — 126 млрд., в 1961/62 г. — 149 млрд. иен)¹⁰.

Доходы корпорации государственных железных дорог Японии образуются главным образом путем завышения тарифов на пассажирские и определенные виды грузовых перевозок, т. е. дополнительного налогового обложения клиентуры государственных железных дорог, а также частично мобилизуются путем эмиссии специальных займов и получения кредитов в банках и иных учреждениях. Аналогично этому образуются и доходы Японской телефонно-телеграфной корпорации.

Из восьми государственных кредитных институтов прежде всего выделяется Банк развития Японии; значительными капиталами располагают корпорации жилищного финансирования, финансирования сельского и лесного хозяйства и рыболовства и др. Однако, за исключением Банка развития Японии, остальные кредитные государственные органы, судя по официальным отчетам, не приносили сколько-нибудь значительной прибыли (табл. 2).

В целом доходы от государственных корпораций, не учтенные государственным бюджетом, возросли (без повторяющихся сумм) с 120,8 млрд. иен в 1955/56 г. до 419,0 млрд. в 1961/62 финансовом году.

Центральный бюджет и специальные счета центрального правительства, а также сами эти счета связаны между собой сложной системой взаимных переводов, которые в большой степени затрудняют соответствующие расчеты, требующие полного исключения повторяющихся сумм.

Основные переводы в центральный бюджет со специальных счетов сводятся к перечислениям прибылей корпорации государственной монополии (часть поступлений от косвенных налогов), а также небольшой части прибылей ряда специальных счетов (продовольственного конт-

¹⁰ «Бюджет страны на 1958/59 фин. г.», стр. 773; «Бюджет страны на 1961/62 фин. г.», стр. 748.

Таблица 2

Доходы государственных корпораций, не учтенные государственным бюджетом (млрд. иен)*

Правительственные корпорации	Финансовые годы						
	1955/56	1956/57	1957/58	1958/59	1959/60	1960/61	1961/62
Государственной монополии	—	—	—	—	—	—	—
Государственных железных дорог Японии	65,5	86,5	124,9	137,5	156,4	181,7	253,6
Японская телефонно-телеграфная	34,5	38,8	49,8	64,5	70,9	127,1	139,1
Национальная финансовая	1,0	1,2	1,3	1,5	1,2	1,5	1,2
Жилищного финансирования	1,2	0,9	0,6	0,4	0,4	0,2	0,2
Финансирования сельского и лесного хозяйства и рыболовства	0,7	0,5	0,4	0,8	1,3	1,0	0,5
Финансирования мелких и средних предприятий	0,7	0,9	1,2	1,4	1,4	1,8	2,5
Финансирования развития Хоккайдо и Тохоку	—	0,1	0,5	0,9	0,8	1,0	1,0
Финансирования местных государственных предприятий	—	—	—	—	0,2	0,4	0,4
По страхованию кредитов мелких и средних предприятиям	—	—	—	—	1,4	1,6	1,8
Финансирования медицинских мероприятий	—	—	—	—	—	—	—
Банк развития Японии	16,6	18,4	19,4	18,0	18,9	19,4	18,1
Экспортно-импортный банк Японии	0,9	1,4	1,1	0,9	0,6	0,8	0,6
Итого	121,1	148,7	199,2	225,9	253,5	336,5	419,0

*Исчислено по: «Бюджет страны на 1956/57 фин. г.», стр. 657—718; «Бюджет страны на 1958/59 фин. г.», стр. 772—830; «Экономическая статистика, 1958», стр. 189; «Бюджет страны на 1961/62 фин. г.», стр. 748—812.

роля, монетного двора, государственных лесов, мелиорации особых районов, благородных металлов и др.). Эти последние переводы имеют целенаправленный характер и используются для финансирования бюджетных расходов, связанных с выплатой пенсий. Таким образом, в форме переводов в центральный бюджет поступает часть его доходов, в первую очередь прибыли компании государственной монополии.

В свою очередь из центрального бюджета на ряд специальных счетов переводятся крупные ассигнования, так что специальные счета становятся своеобразным продолжением соответствующих статей расходной части бюджета. Так, из центрального бюджета финансируется значительная часть расходов по специальным счетам дорожного строительства, мелиорации особых районов, строительства специальных многоцелевых плотин, значительные переводы поступают на специальные счета перераспределения налоговых поступлений в пользу местных бюджетов, репараций и других специальных обязательств, консолидации государственного долга, промышленных инвестиций, Бюро дове-

рительного фонда, страхования от безработицы, продовольственного контроля и т. д. В 1958/59 финансовом году, например, переводы из центрального бюджета поступили на 21 специальный счет, а так как этого оказалось недостаточно для финансирования всех расходов по соответствующим счетам, то последние прибегали к другим методам мобилизации необходимых финансовых ресурсов.

Переводы с одних специальных счетов на другие были прежде всего связаны с деятельностью Бюро доверительного фонда, счетов почтовых сбережений, почтового страхования и пенсионного обеспечения, страхования жизни, почтовой службы, консолидации государственного долга, Японской телефонно-телеграфной корпорации.

Так, на счет Бюро доверительного фонда в виде депозитов поступает подавляющая часть прироста пассивов счетов почтовых сбережений, почтового страхования и пенсионного обеспечения, страхования здоровья; в свою очередь Бюро доверительного фонда переводит на эти счета проценты по депонированным капиталам. Специальные счета почтовых сбережений, почтового страхования и пенсионного обеспечения, а также Японской телефонно-телеграфной корпорации переводят на счет почтовой службы значительные суммы, поскольку органы почтовой службы, как уже отмечалось, выполняют полностью или частично их функции. На специальный счет Бюро доверительного фонда поступают проценты по кредитам от их многочисленных получателей.

Крупные перечисления поступают на специальный счет консолидации государственного долга с различных счетов (в 1961/62 финансовом году, например, их насчитывалось 19), в первую очередь со специальных счетов продовольственного контроля, а также фонда иностранной валюты, корпорации государственных железных дорог, Японской телефонно-телеграфной корпорации, промышленных инвестиций, страхования здоровья и др. Минуя Бюро доверительного фонда, счет консолидации государственного долга осуществляет перевод соответствующих сумм по погашению задолженности и выплате процентов на счет страхования здоровья, ряд правительственных корпораций — на счет почтового страхования и пенсионного обеспечения и т. д. Эти и подобные им перечисления являются формой выражения как кредитных отношений на банковско-коммерческой основе, так и отношений, возникших на основе государственного кредита.

Из других переводов следует указать на поступления со специального счета платежей за особые товары на специальный счет промышленных инвестиций, со счета специальных мер по увеличению числа хозяйств крестьян-собственников на счет государственных лесов (покупка лесных участков), со счета государственных лесов на счет почтовой службы (оплата услуг) и т. д. Эта группа переводов является формой перераспределения финансовых ресурсов или коммерческих расчетов между различными счетами (службами).

Специальные счета местных органов власти

Закон № 292 о предприятиях, находящихся под управлением местных органов власти¹¹, который вступил в силу 1 октября 1952 г., предусматривает, что эти предприятия могут функционировать в строго

¹¹ См. Ямасиро Акира, *Кокигё* (Ямасиро Акира, *Общественные предприятия*), Токио, 1955, стр. 106 (далее — Ямасиро Акира, *Кокигё*).

определенных отраслях предпринимательства и их размеры не должны быть меньше установленных норм. По ст. 2 местные государственные предприятия могут функционировать в шести отраслях (водоснабжение, дорожное дело, автоперевозки, местные железные дороги, электро- и газоснабжение), а в качестве критерия их размеров законом установлено количество занятых на каждом из них с дифференциацией по отраслям (например, для транспортных предприятий — 100 человек, для водоснабженческих — 50 человек, для газо- и электроэнергетических — 30 человек и т. п.)¹². В действительности же предпринимательство местных органов власти далеко не ограничивается указанными отраслями, и это обстоятельство лежит в основе разделения всех местных государственных предприятий на две группы: к первой относятся предприятия, на которые распространяется закон № 292, ко второй предприятия, формально не подпадающие под его действие.

В официальных изданиях министерства финансов местные государственные предприятия подразделяются на пять групп¹³:

1. Государственные предприятия, на которые закон № 292 распространяется полностью или частично. На водоснабженческие, транспортные, электроэнергетические и газопромышленные предприятия, превышающие определенные размеры, закон распространяется полностью. На такие производства и заведения, как больницы, система канализации, выпуск медикаментов, использование горячих источников, каменоломни, земельно-строительные работы, производство искусственного льда, пошивочные, служба контроля над реками и некоторые другие, он распространяется или полностью, или частично. В конце 1958/59 финансового года предприятий первой категории насчитывалось 179, второй — 118, а всего — 297¹⁴.

В официальных статистических отчетах о местных финансах балансы предприятий и заведений этой группы фигурируют под рубрикой «счета государственных предприятий», а счета предприятий и заведений, отнесенных ко 2—5-й группам, — под рубрикой «счета предприятий»¹⁵.

2. Водоснабженческие, транспортные, электроэнергетические и газопромышленные предприятия, не подпадающие под действие закона № 292. Их в конце 1958/59 финансового года насчитывалось 889¹⁶.

3. Предприятия и заведения, на которые также не распространяется закон № 292. К ним относятся упрощенные водопроводы, портовые устройства, больницы, рынки, бойни, экскурсионное бюро, канализационное хозяйство крупных городов и некоторые другие. В конце 1958/59 финансового года их насчитывалось 2615¹⁷.

4. Фискальные предприятия — ипподромы, организация велосипедных, лодочных и автомобильных гонок. В середине 1958 г. их насчитывалось 332¹⁸.

5. Прочие предприятия — учреждения по страхованию жизни, ломбарды. В конце 1958/59 финансового года страховых учреждений насчитывалось 2961, ломбардов — 625¹⁹.

¹² Там же, стр. 108—109.

¹³ «Местные финансы», стр. 186.

¹⁴ Там же, стр. 185.

¹⁵ См. «Экономическая статистика Японии, 1958», стр. 200.

¹⁶ «Местные финансы», стр. 186.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Таким образом, общее число предприятий и заведений, находящихся в управлении местных органов власти, превысило 7,7 тыс.

Как и общегосударственные предприятия и органы, находящиеся в ведении центрального правительства, местные государственные предприятия и заведения функционируют, как правило, в тех отраслях предпринимательства, участие в которых частного капитала в силу ряда причин и прежде всего в связи с их сравнительно низкой доходностью относительно невелико. Вместе с тем отдельные предприятия, органы и заведения (4-я группа) имеют для местных властей определенное фискальное значение, их возникновение и деятельность прямо обусловлены необходимостью изыскания дополнительных доходов в местные бюджеты.

Между местными бюджетами и местными специальными счетами действует система взаимных встречных переводов. При этом характерно, что основная масса переводов в бюджеты местных органов власти приходится на счета 4-й группы предприятий и заведений, тогда как в отношении всех остальных групп переводы с их счетов в местные общие бюджеты намного уступают встречным переводам из местных бюджетов,— переводам, используемым прежде всего на инвестиционные цели, а также для финансирования расходов по погашению задолженности и т. п. В целом суммы переводов с обеих сторон почти одинаковы (в млн. иен)²⁰:

Группы местных государственных предприятий	Переводы из общего бюджета	Переводы в общий бюджет
1 группа	2 999	1 713
2 группа	1 619	596
3 группа	7 796	1 034
5 группа:		
страховые органы	4 218	54
ломбарды	168	39
Итого	16 800	3 436
4 группа	110	12 875
Всего	16 910	16 311

Другими словами, имеет место перераспределение части доходов между местными бюджетами и специальными счетами.

Несомненно, что чистые доходы местных специальных счетов, являясь составной частью доходов местных бюджетов, вместе с тем сами состоят из неоднородных элементов. В большинстве случаев местные государственные предприятия и органы оказывают различные коммунальные услуги населению. При этом по ст. 21 закона об этих предприятиях плата за соответствующие услуги должна устанавливаться в размерах, обеспечивающих «равновесие между доходами и расходами»²¹ по различным местным специальным счетам. Другими словами, закон предоставляет широкую возможность введения таких тарифов, которые

²⁰ «Местные финансы», стр. 191 (данные за 1958/59 финансовый год). Система таких переводов прямо предусмотрена ст. 18 закона о местных государственных предприятиях (Ямасиро Акира, *Кокигэ*, стр. 252).

²¹ См.: Ямасиро Акира, *Кокигэ*, стр. 252.

превосходят стоимость оказанных услуг; соответствующий излишек является одним из видов косвенного обложения. Кроме того, по ст. 22 и 23 упомянутого закона предусмотрена возможность эмиссии облигаций местных займов с целью использования дохода от них для финансирования нужд местных государственных предприятий и органов. Наконец, часть чистых доходов последних действительно является результатом их предпринимательской деятельности.

С 1955/56 по 1961/62 финансовый год доходы местных государственных предприятий возросли, по нашим подсчетам, с 62,9 млрд. до 151,7 млрд. иен (табл. 3).

Таблица 3

Доходы местных государственных предприятий (млрд. иен)*

Предприятия	Финансовые годы						
	1955/56	1956/57	1957/58	1958/59	1959/60	1960/61	1961/62
1-й группы	8,0	14,2	15,2	18,5	20,3	25,9	27,8
2—5-й групп	54,9	51,5	77,8	82,6	92,4	110,2	123,9
Итого	62,9	65,7	93,0	101,1	112,7	136,1	151,7

*Исчислено по данным «Дзайсэй кингью токэй гэппо», 1959, № 98, стр. 132; «Местные финансы», Токио, 1961, стр. 188—189; «Экономическая статистика Японии за 1962 г.», стр. 200—202; «Бюджет страны на 1961/62 фин. г.», стр. 213—22).

Доходы государства, не учтенные в центральном и местном бюджетах и проведенные по специальным счетам, составили в 1955/56 финансовом году 433,6 млрд., а в 1961/62 г. — 1097,5 млрд. иен (табл. 4).

Доходы по центральным специальным счетам и счетам государственных корпораций составили соответственно 34,2 и 44,9% доходной части центрального бюджета, а доходы по местным специальным счетам — 8,9 и 13,4% объема местных бюджетов. В целом доходы по всем специальным счетам достигли в 1955/56 г. 25,2% объема государственного (центрального и местных) бюджета, а в 1961/62 г. — 33,8%. В этой связи общий объем всего государственного бюджета с учетом доходов по всем специальным счетам намного увеличивается: в 1955/56 финансовом году доходы по этим счетам составили 20,1, а в 1961/62 г. — 25,3% от общей его суммы; удельный вес доходов специальных счетов в национальном доходе (без «помощи» США) исчислялся соответственно в 6,1 и 8,1%. В связи с этим доля государственного бюджета в национальном доходе в действительности была выше по сравнению с данными, содержащимися в официальных источниках (в 1955/56 г. — 31,8 против 25,7%, в 1961/62 г. — 32,1 против 24,0%).

В среднем с 1955/56 по 1961/62 финансовый год доходы по всем специальным счетам, не учтенные в государственном бюджете, составили 7,6% национального дохода, а доля в нем государственного бюджета (с учетом этих доходов) достигла 32, а не 24,5%, как гласят официальные данные. Это означает, что официальные данные об объеме государственного бюджета были занижены и в среднем должны быть увеличены на 31%.

Таблица 4

Доходы центральных и местных специальных счетов и их удельный вес в национальном доходе и государственном бюджете (млрд. иен.)*

	Финансовые годы						
	1955/56	1956/57	1957/58	1958/59	1959/60	1960/61	1961/62
Доход центральных счетов: общая сумма (А)	249,9	292,8	327,3	358,6	408,4	493,2	526,8
без «помощи» США (Б)	227,9	278,5	323,2	355,3	404,4	493,2	526,8
Доход счетов государственных корпораций (В)	120,9	148,7	199,2	225,9	253,5	336,5	419,0
Доход местных счетов (Г)	62,9	65,7	93,0	101,1	112,7	136,1	151,7
Итого доходов по центральным счетам и счетам государственных корпораций (Б+В)	348,8	427,2	522,4	581,2	657,9	829,7	945,8
Итого доходов по всем специальным счетам (А+В+Г=Д)	433,7	507,2	619,5	685,6	774,6	966,8	1097,5
Итого доходов по всем специальным счетам без «помощи» США (Б+В+Г=Е)	411,7	492,9	615,4	682,3	770,6	966,8	1097,5
Национальный доход (Ж)	6718,9	7627,6	8285,9	8519,0	10037,3	11821,7	13510,0
Центральный бюджет (З)	1018,2	1069,2	1187,7	1331,6	1495,0	1743,1	2107,4
Местные бюджеты (И)	1163,2	1286,3	1442,7	1552,7	1748,2	2093,7	2592,8
Повторяющиеся суммы (К)	457,6	553,4	619,8	675,6	803,7	985,2	1457,8
Местные бюджеты без повторяющихся сумм (И-К)	705,6	732,9	822,9	877,1	944,5	1108,5	1135,0
Государственный бюджет [З+(И-К)=Л]	1723,8	1802,1	2010,6	2208,7	2439,5	2851,6	3242,4
Государственный бюджет, % к национальному доходу ($\frac{Л}{Ж}$)	25,7	23,6	24,3	25,9	24,3	24,1	24,0
Доходы по всем специальным счетам (без «помощи» США), % к национальному доходу ($\frac{Е}{Ж}$)	6,1	6,5	7,4	8,0	7,7	8,2	8,1
Доходы по центральным счетам и счетам государственных корпораций, % к центральному бюджету ($\frac{А+В}{З}$)	34,2	40,0	44,0	43,6	44,0	47,6	44,9
Доходы по местным счетам, % к местным бюджетам, без повторяющихся сумм ($\frac{Г}{И-К}$)	8,9	9,0	11,4	11,5	11,9	12,3	13,4
Общий объем государственного бюджета с учетом доходов по всем счетам (Л+Д=М)	2157,4	2309,3	2630,1	2894,3	3214,1	3818,4	4339,9

Продолжение

	Финансовые годы						
	1955/56	1956/57	1957/58	1958/59	1959/60	1960/61	1961/62
То же без «помощи» США (Л+Е=Н)	2135,4	2295,0	2626,0	2891,0	3210,1	3818,4	4339,9
Общий объем государственного бюджета, % к национальному доходу ($\frac{Н}{Ж}$)	31,8	30,1	31,7	33,9	32,0	32,3	32,1
Доходы по всем специальным счетам, % к общему объему государственного бюджета ($\frac{Д}{М}$)	20,1	22,0	23,6	23,7	24,1	25,3	25,3

*Исчислено по данным: «Дзайсэй кинъю токэй гэппо», 1961, № 116, стр. 31; 1963, № 19, стр. 104—106; «Дзайсэй токэй. 1962/63» («Финансовая статистика. 1962/63 г.»), Токио, 1963, стр. 10, 304, табл. №№ 1—2 и других источников.

Выше уже говорилось, что под общей формой доходов специальных счетов скрываются разнородные элементы — налоговые поступления, доходы от государственного кредита и предпринимательская прибыль. Произведенный нами расчет показал, что в 1955/56—1961/62 гг. из общей суммы их доходов, не учтенных в государственном бюджете, 43,8% пришлось на предпринимательскую прибыль, 36,3 — на налоговые поступления и 19,9% — на доходы от государственного кредита (табл. 5).

Таблица 5

Доходы специальных счетов, не учтенные в государственном бюджете (млрд. иен)

Финансовые годы	Всего	В том числе		
		доход	налоги	займы
1955/56	411,6	204,5	144,1	63,0
1956/57	492,9	227,5	172,6	92,8
1957/58	615,4	267,3	247,0	101,1
1958/59	682,3	296,9	250,8	134,6
1959/60	770,6	374,0	267,6	129,0
1960/61	996,8	402,0	337,9	226,9
1961/62	1097,5	436,3	408,9	252,3

В специальных счетах всех видов удельный вес налогов почти совпадает (35,7—36,6%), а предпринимательских доходов и поступлений от государственного кредита различается: например, в специальных счетах центрального правительства доля предпринимательских доходов составляла 52,1, а в счетах правительственных корпораций и банков — 27,7%, доля же поступлений от государственного кредита исчислялась соответственно в 11,3 и 36,6%.

Обращает на себя внимание тот факт, что налоговые поступления на специальные счета всех видов составили за рассматриваемый период

в среднем 13,1% от налоговых поступлений (по официальным данным) в центральный и местные бюджеты. По отношению к национальному доходу налоговые поступления на специальные счета исчислялись в среднем в 2,7%; в результате удельный вес налоговых изъятий в национальном доходе в 1955/56 финансовом году составил не 19,6, а 21,7%, а в 1961/62 г. 25,8 вместо 22,8%, сообщаемых в официальных отчетах. Таким образом, официальные данные о величине налоговых изъятий оказываются заниженными в среднем на $\frac{1}{7}$ — $\frac{1}{8}$. Делается это не случайно, а с целью хотя бы частично скрыть и без того значительно усилившееся по сравнению с довоенным периодом бремя налогов.

Как уже отмечалось, государственный бюджет является главным, но не единственным орудием, при помощи которого определенная часть национального дохода сосредоточивается в руках государства и расходует под его непосредственным контролем.

Во-первых, на государственных предприятиях непосредственно создается та часть национального дохода, которая расходует в виде заработной платы рабочей силы, а также служащих этих предприятий. Кроме того, определенный процент национального дохода в результате его перераспределения (оплата услуг, выплата ссудного процента) принимает форму валовых доходов различных государственных органов и служб, причем часть этих доходов также расходует на оплату наемного персонала (служащих). По нашим подсчетам, в 1957/58 г. оплата персонала, занятого на государственных предприятиях, в различных службах, органах и т. п., составила 4,7% национального дохода, в 1961/62 г. — 5,6%.

Во-вторых, часть национального дохода перераспределяется с помощью государственных кредитно-банковских и страховых институтов (Японский банк, Банк развития Японии, Экспортно-импортный банк, местные кредитные институты и т. д.). С учетом прироста их пассивов (без повторяющихся сумм) в 1957/58 г. государство различными путями контролировало использование (расходование) 38,5%, а в 1961/62 г. — 40,2% национального дохода. При этом основным и решающим орудием перераспределения части национального дохода служили центральный и местные бюджеты (соответственно 24,3 и 24%), подчиненную роль по отношению к ним играли специальные счета всех видов (7,4 и 8,1%).

Непосредственно контролируя расходование около $\frac{2}{5}$ национального дохода, государство оказывает серьезное влияние на ход расширенного воспроизводства, на динамику цикла и отдельных его фаз. Сам факт, что в распоряжении японского государства, под его прямым контролем оказывается столь большая часть национального дохода, свидетельствует о той значительной роли, которую государство играет в экономике страны, о серьезном (и нарастающем) расстройстве механизма капиталистического расширенного воспроизводства, которое в значительной мере опирается на поддержку государства, в первую очередь оказываемую монополистическому капиталу. Противоречия японского империализма обострились настолько, что без такой поддержки японские монополии и экономика в целом обойтись не могут.

Однако сколь бы сильным ни было вмешательство государства в экономику, оно не способно разрешить основные, коренные противоречия японского капитализма, обусловленные природой господствующего в стране социально-экономического строя. Лишь революционная ломка последнего способна раз и навсегда покончить с неизлечимыми при капитализме и порожденными капитализмом язвами и пороками.

А. И. Динкевич

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ

Послевоенному развитию системы государственного кредита Японии присущ ряд важных особенностей, имеющих отношение к его объему, характеру его использования, к его связям с банковской системой, с другими методами бюджетного финансирования и т. д. При помощи государственных займов в 1955/56 финансовом году (в Японии он начинается 1 апреля) было покрыто 12,1%, в 1958/59 г. — 11,7, в 1960/61 г. — 11,3% всех расходов по государственному бюджету (включая специальные счета¹). Для сравнения можно указать, что в 1936/37 финансовом году на государственные займы пришлось 30,5% всех бюджетных поступлений. Сокращение доли государственных займов сопровождалось значительным повышением удельного веса налогов (с 54,1% в 1936/37 г. до 83,3% в 1960/61 финансовом году).

Выпуск государственных займов и получение кредитов с целью покрытия дефицитов государственного бюджета и специальных счетов после второй мировой войны возросли (в текущих ценах) с 58,4 млрд. в 1946/47 финансовом году до 443,1 млрд. иен в 1960/61 г., или в 7,6 раза².

Анализ структуры ежегодных поступлений от государственных займов с целью покрытия дефицита свидетельствует, во-первых, о быстром росте удельного веса в ней поступлений на специальные счета, особенно с 1950/51 финансового года, во-вторых, о том, что главное место среди поступлений на специальные счета принадлежит счетам центрального правительства и государственных корпораций, в-третьих, о ясно прослеживаемой в 50-е годы тенденции к упадку доли поступлений в центральный и местные бюджеты, что особенно видно на примере долгосрочных облигационных займов центрального правительства и поступлений от кредитов в центральный бюджет. По сравнению с периодом войны размеры дефицитов значительно сократились, но это вовсе не означает кардинального укрепления государственных финансов, о чем свидетельствуют, например, хронические бюджетные дефициты.

Отмеченные изменения в структуре поступлений от государственных займов в бюджет и на специальные счета, равно как и в структуре государственного долга, явились следствием дальнейшего развития в стране государственно-монополистического капитализма, активного вме-

¹ О специальных счетах см. нашу статью в настоящем издании (стр. 140—160).

² В первый период после капитуляции в условиях жесточайшей инфляции ежегодная сумма средств, мобилизуемая системой государственного кредита, снижалась и в 1950/51 финансовом году составила 13,3% от показателей 1946/47 г. (в неизменных ценах 1934—1936 гг.), а затем стала расти и в 1960/61 г. превысила уровень 1950/51 г. в 2,6 раза.

шательства государства в экономику. Это нашло свое выражение прежде всего в предпринимательской деятельности государства, которая с 50-х годов привела к усилению роли местных бюджетов (на них в результате послевоенной финансовой реформы была переложена значительная часть расходов, ранее финансировавшихся из центрального бюджета) и особенно специальных счетов. Рост дефицитов, в первую очередь специальных счетов, был обусловлен главным образом расширением объема государственных инвестиций в экономику, что в условиях нехватки капиталов в стране полностью отвечает интересам монополий; именно в их интересах государственные инвестиции направляются в те отрасли и объекты, в финансировании которых сами монополии по ряду причин не заинтересованы или мало заинтересованы. Правда, государственное регулирование экономики, вмешательство государства в экономику имели место и в конце 40-х годов, однако тогда удельный вес специальных счетов в поступлениях от государственного кредита был крайне мал. Это объясняется специфическими условиями оккупации, когда американские власти в целях облегчения финансового контроля делали упор на центральный бюджет, через который проходила основная часть средств. Но в дальнейшем в связи со значительным расширением юрисдикции японских властей удельный вес центрального бюджета упал, а роль специальных счетов резко возросла. Например, основная часть поступлений от долгосрочных облигационных займов приходится в последние годы именно на специальные счета.

В соответствующих специальных счетах, при утверждении их в парламенте, в доходной части прямо предусматривается сумма поступлений от эмиссии облигационных займов или получения кредитов. Так, в специальном счете консолидации государственного долга регулярно фигурирует статья «доходы от долгосрочных облигационных государственных займов»; в счетах Японской компании государственных железных дорог и Японской телефонно-телеграфной корпорации предусматриваются эмиссия специальных займов и получение кредитов; в специальных счетах почтовой службы, мелиорации специальных районов, строительства многоцелевых плотин, специального дорожного строительства и др. — получение специальных кредитов и т. д. Аналогичная практика принята и для специальных счетов местных властей. Как правило, поступления от этих займов и кредитов фиксируются на капитальных субсчетах, если они есть в составе соответствующих специальных счетов, или прямо в последних, если такое деление отсутствует. Эти кредиты долгосрочные и лишь частично среднесрочные. Так, Бюро доверительного фонда министерства финансов выдавало из депозитов почтово-сберегательной системы кредиты сроком не менее 7 лет (на 31 марта 1961 г. были предоставлены на срок свыше 7 лет все 100% выданных кредитов; из депозитов специального счета страхования здоровья — 96,7%, а всего из общей суммы кредитов Бюро доверительного фонда 84,9% были выданы на срок свыше 7 лет, 10% — от 1 до 7 лет³).

Возврат номинала и уплата процентов осуществляются за счет общих ассигнований из центрального и местных бюджетов, специальных ассигнований на эти цели соответствующих министерств и ведомств, получения новых кредитов или эмиссии новых займов и из доходов специальных счетов. Погашение облигаций государственных займов и выплата процентов по ним осуществляются не только за счет соответ-

³ «Куни но ёсан. 1962/63» («Бюджет страны на 1962/63 финансовый год»), Токио, 1961, стр. 724—725.

ствующих ассигнований из центрального бюджета, но и за счет переводов на эти цели с отдельных специальных счетов и счетов государственных корпораций (промышленных инвестиций, фонда переселенцев, почтовой службы, государственных железных дорог, телефонно-телеграфной корпорации, специальных мер по созданию хозяйств крестьян-собственников и др.). Аналогичное положение и с погашением кредитов и выплатой процентов по ним.

Динамика внутреннего государственного долга свидетельствует о почти неизменном его возрастании в абсолютных величинах. За 1946/47—1961/62 финансовые годы он увеличился в текущих ценах в 11,6 раза, а в ценах 1934—1936 гг. — в 5,1 раза (лишь в 1949/50 г., когда осуществлялась финансовая часть «линии Доджа», общая сумма государственного долга незначительно снизилась). В сентябре 1961 г. государственный долг составил свыше 2,9 триллиона иен. При этом в его структуре произошли серьезные изменения: удельный вес займов центрального правительства и кредитов ему сократился (в 1946/47—1961/62 финансовых годах соответственно с 68 до 14,6% и с 23,6 до 4,8%); удельный вес займов и кредитов для покрытия дефицитов местных бюджетов в 1961/62 финансовом году составлял 27,5% против 4,2 в 1946/47 г. и 34,8% в 1956/57 г. Напротив, доля спецсчетов центрального правительства и счетов государственных корпораций возросла с 3,8 до 42,8%, а специальных счетов местных властей с 0,4 до 10,2%. Таким образом, в 1961/62 финансовом году на специальные счета приходилось уже более половины всей суммы государственного долга (53%) против 4,2% в 1946/47 г. Впрочем, последняя цифра не дает никаких оснований отрицать значительную долю специальных счетов в общей сумме государственного долга в первое послевоенное десятилетие. Дело в том, что часть поступлений от государственных займов в центральный бюджет использовалась для финансирования расходов по специальным счетам, а в общую сумму долгосрочных облигационных займов центрального правительства была включена сумма долга по государственным займам, выпущенным во время второй мировой войны для финансирования агрессии и проведенным по специальному счету чрезвычайных военных расходов. За годы войны (1937—1945) прирост государственного долга составил 130,7 млрд. иен, в том числе в центральном бюджете были зафиксированы поступления лишь на 23,6 млрд. и в местных бюджетах на 4,1 млрд. иен⁴. С учетом этого получается, что уже в 1946/47 финансовом году удельный вес специальных счетов в общей сумме государственного долга составил 44,9%; в последующем в связи с ростом финансирования дефицита центрального и местных бюджетов их доля снизилась (до 29,5% в 1949/50 г.), но в 50-х годах вновь стала быстро расти (33,3% в 1952/53 г., 45,1% в 1956/57 г.) и в 1961/62 г. уже значительно превосходила уровень 1946/47 г., достигнув 56,5%.

Таким образом, изменения в структуре послевоенного государственного долга выразились в том, что удельный вес специальных счетов, весьма высокий в первые послевоенные годы, еще больше повысился к настоящему времени.

Официальная статистика относит к государственной задолженности и сальдо по операциям с краткосрочными сертификатами, не дела-

⁴ См.: «Хэмпо кэйдзай токэй 1954» («Экономическая статистика Японии»), Токио, 1955, стр. 176, 193, 194; А. И. Динкевич, *Военные финансы Японии (1937—1945)*, М., 1958, стр. 36, 37.

при этом никакой оговорки. Между тем различие здесь принципиальное, поскольку упомянутые сертификаты, обслуживая операции специальных счетов продовольственного контроля и фонда инвалютных расчетов, никакого отношения к финансированию бюджетного дефицита не имеют, а их эмиссия связана даже не с кассовым разрывом в обычном бюджетном смысле, а с особенностями движения определенных групп товаров, несоответствием сроков оплаты их при закупке и поступления выручки при реализации. Данные о динамике задолженности по этим сертификатам имеют значение лишь с точки зрения определения величины соответствующей части ссудных капиталов, которая отвлекается государством и перманентно находится в его распоряжении⁵.

Размещение государственного долга характеризуется некоторыми важными особенностями. В первый период после капитуляции главным источником средств для финансирования государства был Японский банк, который, широко используя печатный станок и форсируя инфляцию в стране, пополнял свой портфель государственных ценных бумаг, в том числе приобретал облигации государственного Банка финансирования реконструкции. В этот период в реализованной сумме государственных ценных бумаг возрос удельный вес Бюро доверительного фонда, а также (до 1949/50 финансового года) всех банков страны (кроме Японского).

Определенная часть долга (непогашенные кредиты) была получена в наследство от войны, когда центральное правительство заимствовало 41,4 млрд. иен в Банке иностранных капиталов (38 млрд.) и в «Иокагама спешу бэнк» (3,4 млрд.)⁶. Эти банки, широко использовавшиеся японскими империалистами в целях нещадного ограбления колоний и временно оккупированных стран, после войны были ликвидированы.

Из прочих кредиторов государства в этот период следует отметить Центральный кооперативный банк сельского и лесного хозяйства, на который, например, в 1948/49 финансовом году приходилось 5,4% общей суммы государственного долга, страховые компании (1,6%), специальные правительственные, кооперативные и прочие кредитные органы; кроме того, небольшая часть облигаций долгосрочных займов оставалась временно не размещенной.

В последующие годы инфляция была преодолена, Банк финансирования реконструкции ликвидирован, кредитная система все больше переключалась на обслуживание нужд экономики, что в свою очередь не могло не отразиться на структуре размещения государственных ценных бумаг и кредитов для покрытия бюджетных дефицитов. Во-первых, постепенно падала роль Японского банка как источника финансирования бюджета (если в 1950/51 финансовом году на него приходилось 39,3% общей суммы государственного долга, то в 1955/56 г. — уже 13,7, а в 1960/61 г. — 4,9%); во-вторых, так же падала роль других банков страны: их доля составила в 1960/61 финансовом году 6% против 22,8 в

⁵ Сальдо краткосрочных продовольственных и инвалютных сертификатов возросло с 30,9 млрд. в 1946/47 финансовом году до 679,6 млрд. иен в 1961/62 г., или почти в 22 раза (в текущих ценах). Если принять во внимание сделанное выше уточнение характера сертификатов, то с их учетом общая сумма государственной задолженности составила в 1946/47 финансовом году 284 млрд., в 1950/51 г. — 591,6 млрд., в 1955/56 г. — 1927,2 млрд., в 1960/61 г. — 3340,7 млрд. иен, а удельный вес в ней краткосрочного долга составил соответственно 10,9%, 20, 23,6 и 20,3%.

⁶ «Куни но ёсан. 1956/57» («Бюджет страны на 1956/57 фин. г.»), Токио, 1956, стр. 647—648; «Нихон но дзайсэй. 1961/62» («Финансы Японии в 1961/62 г.»), Токио, 1961, стр. 317; см. также А. И. Динкевич, *Военные финансы Японии (1937—1945)*, стр. 76—78.

1948/49 г.; в-третьих, поскольку в этих условиях дефицит бюджета и специальных счетов не был ликвидирован и его необходимо было финансировать, резко возросло значение Бюро доверительного фонда, а также специального счета почтового страхования жизни и пенсионного обеспечения как источников бюджетных поступлений через систему государственного кредита. Так, удельный вес Бюро доверительного фонда возрос с 32,8% в 1949/50 г. до 52,5% в 1960/61 г., а специального счета почтового страхования жизни и пенсионного обеспечения с 0,1 до 18,5%⁷.

С 1952—1953 гг. облигации долгосрочных государственных займов стали использоваться в качестве эквивалента части членского взноса Японии в Международный валютный фонд (МВФ), а также в Международный банк реконструкции и развития (МБРР)⁸. С 1952/53 финансового года облигации этих займов стали выдаваться в счет правительственных пособий семьям погибших во время войны, репатриантам и т. п. Наконец, в небольшую часть облигаций были инвестированы капиталы эквивалентного фонда, а впоследствии фондов, образовавшихся из выручки от реализации на японском внутреннем рынке излишков американских сельскохозяйственных товаров, поступавших в страну по японо-американским соглашениям 1955 и 1956 гг.

Что касается краткосрочных сертификатов специальных счетов продовольственного контроля и фонда инвалютных расчетов, то они, как правило, размещались прежде всего в Японском банке: в меньшей мере с этими целями привлекались капиталы Бюро доверительного фонда: например, в 1960/61 финансовом году на Японский банк приходилось 52,8% сальдо краткосрочных сертификатов, на Бюро доверительного фонда — 33,8, на специальный счет почтового страхования жизни и пенсионного обеспечения — 4,6%. Временное и при том резкое уменьшение вложений Японского банка в краткосрочные сертификаты в 1950—1953 гг. по сравнению с первыми годами после второй мировой войны, когда на Японский банк приходилась основная часть этих сертификатов, объяснялось переключением ресурсов банка на форсирование кредитной экспансии; одновременно расширился портфель краткосрочных сертификатов Бюро доверительного фонда. Напротив, свертывание этих операций Бюро в 1955—1958 гг., связанное с расширением использованием его капиталов для финансирования экономики (но не в ущерб финансированию дефицитов бюджета и специальных счетов) сопровождалось ростом вложений Японского банка в продовольственные и инвалютные сертификаты. В последующие годы в области приобретения краткосрочных сертификатов между двумя этими институтами стало устанавливаться известное равновесие.

Если иметь в виду весь объем ссудных капиталов, находящихся в распоряжении государства, включая и краткосрочные сертификаты, то в 1960/61 финансовом году 14,7% их предоставил Японский банк, 48,7 — Бюро доверительного фонда, 15,6 — спецсчет почтового страхования жизни и пенсионного обеспечения и 4,8% — все банки страны (кроме Японского банка).

Выше уже отмечалось, что после второй мировой войны абсолютный размер внутреннего государственного долга возрос, однако харак-

⁷ Исчислено по данным: «Дзайсэй кинъю токэй гэппо», 1959, № 94, стр. 33; 1961, № 122, стр. 39; «Бюджет страны на 1956/57 фин. г.», стр. 610; «Бюджет страны на 1961/62 фин. г.», стр. 717 и др.

⁸ «Финансы Японии в 1961/62 г.», стр. 316.

терными особенностями развития государственного кредита Японии в послевоенный период являются, во-первых, относительный упадок государственного кредита, резкое снижение его роли на рынке ссудных капиталов в стране, существенное ослабление его связей с банковской системой в целом; во-вторых, в отличие от периода войны государственные займы перестали служить главным методом мобилизации финансовых ресурсов. Данные, характеризующие упадок государственного кредита, приведены в таблице.

Таблица

Динамика государственного долга в послевоенной Японии
(млрд. иен)*

Финансовые годы	Государственный долг (А)	Государственный долг, включая краткосрочные сертификаты (Б)	Депозиты кредитной системы (В)	$\frac{А}{В}, \%$	$\frac{Б}{В}, \%$
1946/47	253,1	284,0	274,8	92,1	103,3
1948/49	419,1	539,8	735,7	57,0	73,4
1950/51	473,5	591,6	1 558,6	30,4	38,0
1952/53	815,7	1094,8	3 419,8	23,9	32,0
1954/55	1252,5	1586,6	5 073,7	24,7	31,7
1956/57	1655,4	2065,3	7 919,7	21,9	26,1
1958/59	2104,2	2571,5	11 298,7	18,6	22,8
1960/61	2661,0	3340,7	18 226,3	14,6	18,3

*Составлено по данным: «Экономическая статистика Японии, 1958», Токио, 1959, стр. 19—24; «Дзайсэй кингё токэй гэппо», 1961, № 122, стр. 55; «Кэйдзай токэй гэппо», 1962, № 2, стр. 19—23 и других источников.

Как видно из таблицы, размер государственного долга по отношению к депозитам кредитной системы в послевоенный период резко сократился (с 92,1 до 14,6%, а с учетом краткосрочных сертификатов — с 103,3 до 18,3%), что теснейшим образом связано с крайне напряженным положением на рынке ссудных капиталов в стране и прямо обусловлено им⁹. Очевидно, такое положение на денежном рынке не могло не отразиться на распределении ссудных капиталов, на их использовании. Это и нашло свое выражение в деятельности важнейших звеньев кредитной системы Японии.

Именно нехватка ссудных капиталов в условиях технической реконструкции производства явилась решающей причиной, обусловившей направление их подавляющей массы на финансирование этого процесса в ущерб государственному кредиту, что и привело к его упадку. Ссудный капитал в первую очередь использовался для финансирования экономики, что полностью соответствовало интересам монополий и не могло не сказаться на финансировании бюджета. Упадок госкредита, снижение его удельного веса в общей сумме бюджетных доходов явились одной из важных предпосылок значительного повышения доли накопления в национальном доходе. Далеко не случайно, что при общем уменьшении доли государственных финансов в национальном доходе в 50-е годы удельный вес государственного кредита снизился еще боль-

⁹ См. по этому вопросу А. И. Динкевич, *Рынок ссудных капиталов и банковская система в послевоенной Японии*, — сб. «Вопросы государственных финансов, кредита и денежного обращения стран Азии», М., 1962, стр. 81—107.

ше, чем доля налогообложения (если удельный вес налогов в национальном доходе, несмотря на такое снижение, продолжал оставаться намного выше уровня довоенных лет, то доля государственного кредита была ниже этого уровня). Не удивительно, что кредитно-банковские учреждения японских монополий в этих условиях резко сократили объем своих операций, связанных с государственным кредитом. Но это вовсе не означало, что все звенья кредитной системы отказались от финансирования бюджета. Важной особенностью деятельности кредитной системы в этой области явилось отчетливое размежевание функций отдельных ее звеньев в соответствии с интересами монополистического капитала.

Как мы уже видели, в качестве основных кредиторов государства с целью финансирования дефицитов государственного бюджета и специальных счетов выступали Бюро доверительного фонда, а в последние годы и спецсчет почтового страхования жизни и пенсионного обеспечения, на которые вместе в 1960/61 финансовом году приходилось уже 71% общей суммы государственного долга. Это означает, что спецсчета Бюро доверительного фонда и почтового страхования жизни и пенсионного обеспечения, а также некоторые другие страховые счета являются той формой, той системой, с помощью которой происходит систематическое привлечение сбережений, а также страховых платежей широких слоев населения для финансирования бюджетного дефицита, причем большая часть этих операций не находит отражения в центральном и местных бюджетах, осуществляется помимо них — через систему центральных и местных специальных счетов, маскируя таким образом подавляющую часть бюджетного дефицита. Характерно, что в ежегодных бюджетах специальных счетов Бюро доверительного фонда и почтового страхования жизни и пенсионного обеспечения, утверждаемых парламентом, заранее предусмотрено и тщательно расписано выделение соответствующих ассигнований, сумма последних, их получатели и т. п., и это же перманентно отражается в специальных счетах получателей.

В связи с общим ростом объема государственного долга, а главное в связи с тем, что в 50-е годы другие звенья кредитной системы Японии систематически свертывали финансирование бюджетных дефицитов, доля инвестиций в государственные ценные бумаги и бюджетных кредитов составила в среднем около 70% активов Бюро доверительного фонда, т. е. превысила довоенные показатели, но была ниже уровня военных лет. Одновременно удельный вес финансирования частных фирм обнаруживал тенденцию к повышению.

Что же касается пассивов Бюро доверительного фонда, то в их структуре произошли немалые сдвиги. Удельный вес переводов почтово-сберегательной и почтово-страховой систем намного снизился: на почтово-сберегательную систему приходилось в 1946/47 финансовом году 77% всех пассивов бюро, в 1960/61 г. — только 53,8, на почтово-страховую систему соответственно 7,7 и 6,8%; поскольку капиталов этих двух систем не хватало, стали шире использоваться фонды специального счета страхования здоровья, удельный вес переводов с которого в Бюро доверительного фонда возрос в общей сумме пассивов последнего с 4,6% в 1946/47 г. до 21,7% в 1960/61 г.¹⁰

¹⁰ Исчислено по данным: «Экономическая статистика Японии, 1958», стр. 139—140; «Дзайсэй кингё токэй гэппо», 1961, № 122, стр. 38; «Кэйдзай токэй гэппо», 1961, № 12, стр. 89—90.

Наконец, особенностью активов специального счета почтового страхования жизни и пенсионного обеспечения явилось то обстоятельство, что он значительно расширил непосредственное финансирование бюджетных дефицитов, тогда как прежде основную часть своих пассивов он депонировал в Бюро доверительного фонда. Так, в конце марта 1952 г. было переведено в Бюро 92,3% пассивов специального счета, а в конце октября 1961 г. только 18,4%; одновременно доля операций по непосредственному кредитованию бюджета и специальных счетов возросла с 4,4 до 67,4%, а удельный вес операций, не связанных с бюджетным финансированием, с 2,4 до 14,2%¹¹.

Что касается эмиссионного центра страны — Японского банка, то для его послевоенной деятельности, за исключением первых лет после капитуляции, характерна ярко выраженная тенденция к свертыванию операций, связанных с финансированием центрального и местных бюджетов и специальных счетов.

В первые послевоенные годы удельный вес операций по финансированию их дефицитов повышался и в 1947/48—1948/49 финансовых годах достиг 62—64% от общей суммы активов Японского банка против 17,1% в 1945/46 г. и 38,5% в 1946/47 г.¹² Значительное повышение доли этих операций банка в 1947—1949 гг. было обусловлено, в частности, тем, что последний в широких масштабах инвестировал свои капиталы в облигации государственного Банка финансирования реконструкции. В дальнейшем в связи с ликвидацией Банка финансирования реконструкции, на смену которому пришел эквивалентный фонд, и с переходом к политике дефляции и бюджетной стабилизации («линия Доджа») доля указанных операций в активах Японского банка снизилась до 40,5% в 1950/51 финансовом году, в 1951/52—1956/57 гг. находилась на уровне 21—24%, после чего вновь упала до 14,9 в 1958/59 г. и 9,1% в 1960/61 финансовом году¹³.

В первые годы после войны доля государственных краткосрочных сертификатов в общей сумме активов Японского банка была невелика (например, в 1947/48 г. 14,4%, в 1949/50 г. 12,8%), но в дальнейшем она повысилась до 35—40% в 1955/56—1959/60 гг.¹⁴, после чего стала снижаться, так же как удельный вес операций по финансированию бюджетного дефицита.

Это означает, что в структуре соответствующей части активов Японского банка в первые годы после войны преобладали операции, связанные с финансированием бюджетных дефицитов, а в дальнейшем они уступили место краткосрочному кредитованию государства, никак не связанному с необходимостью восполнения бюджетных прорех. Это в свою очередь, с одной стороны, вело к укреплению денежного обращения, с другой — свидетельствовало об ослаблении связей между бюджетом и Японским банком.

В целом удельный вес операций Японского банка, связанных с финансированием государства (бюджетного дефицита и государственных коммерческих операций), достиг высшего уровня в 1948 г., когда на них пришлось 81,7% всех его активов. В условиях кредитной рестрикции 1949—1950 гг. этот уровень снизился и в 1951 г. составил 27,8%, а в последовавшие затем годы экономического подъема стал

¹¹ Исчислено по данным: «Дзайсэй кингью токэй гэппо», 1959, № 94, стр. 33; 1961, № 122, стр. 39.

¹² Исчислено по данным: «Экономическая статистика Японии. 1954», стр. 17—18, 156.

¹³ Исчислено по данным: «Экономическая статистика Японии. 1958», стр. 17—18, 165; «Кэйдай токэй гэппо», 1960, № 111, стр. 13—14; 1961, № 12, стр. 17—18.

¹⁴ Исчислено по тем же данным.

вновь расти¹⁵ (если не считать временное снижение в 1953 г., связанное с политикой кредитной рестрикции), достигнув в 1955—1956 гг. 61—64%; в период промежуточного кризиса 1957—1958 гг. удельный вес этих операций снова снизился (1957 г. — 35,7%) и после увеличения в 1959 г. вновь упал, особенно в 1961 г. — до 15,4%¹⁶.

Динамика ссуд и дисконтов Японского банка была обратно пропорциональна операциям по финансированию государственного бюджета и специальных счетов. Оба эти вида операций теснейшим образом взаимосвязаны: когда кредитование Японским банком других банков, а также прочих звеньев кредитной системы, а через них — экономики (в первую очередь монополий), расширялось или свертывалось в соответствии с проводимой властями политикой кредитной экспансии или кредитной рестрикции — сокращалось или расширялось финансирование бюджетов и специальных счетов. Уменьшение удельного веса ссуд и дисконтов в активах Японского банка имело место прежде всего в годы кредитной рестрикции (1949, 1954, 1958, 1959—1960), а также в годы подъема (1955—1956), когда банки в значительной степени погасили свою задолженность эмиссионному центру. И, напротив, в 1950—1951, 1957 и 1961 гг., в условиях быстрого роста производства и торговли, когда банкам не хватало своих ресурсов, они широко прибегали к поддержке Японского банка.

Для всех банков страны, за исключением Японского банка, характерно последовательное сокращение инвестиций в государственные ценные бумаги: в конце января 1962 г. удельный вес портфеля государственных займов составил лишь 1,8% от суммы депозитов этих банков против 30,5 до войны и 29,6% в первые годы после войны. Одновременно значительно возросла доля ссуд и дисконтов, а удельный вес портфеля ценных бумаг, значительно сократившись к 1950 г. в результате «антимонопольных» мероприятий оккупационных властей, в дальнейшем в связи с ростом межкорпоративной собственности постепенно увеличивался и в 1962 г. значительно приблизился к довоенному уровню, если иметь в виду только частные ценные бумаги (1936 г. — 19,1%, 1962 г. — 17,4%)¹⁷.

Даже в структуре активов Бюро доверительного фонда и специального счета почтового страхования жизни и пенсионного обеспечения, направляющих основную их часть на финансирование дефицитов бюджета и специальных счетов, отчетливо прослеживается рост операций, не связанных с бюджетным финансированием. Так, в активах Бюро доверительного фонда доля этих операций составила в марте 1947 г. 3,4, а в январе 1962 г. — 23,6%, в специальном счете страхования жизни — 2,4 в марте 1952 г. и 14,2% в октябре 1961 г. Другими словами, нехватка ссудных капиталов столь значительна, положение в этой области столь напряженно, что даже те звенья кредитной системы, которые были ориентированы на финансирование бюджета и специальных счетов, вынуждены расширять свои операции по кредитованию экономики, т. е. в первую очередь монополий.

Напряженное положение на рынке ссудных капиталов не могло не сказаться на условиях эмиссии государственных ценных бумаг.

¹⁵ Это было связано и с ростом урожаев в стране, и с увеличением ее внешне-торговых оборотов.

¹⁶ Исчислено по данным: «Экономическая статистика Японии 1954», стр. 17—18, 165; «Кэйдай токэй гэппо», 1960, № 11, стр. 13—14; 1961, № 12, стр. 17—18.

¹⁷ «Экономическая статистика Японии. 1958», стр. 43—44; «Кэйдай токэй гэппо», 1961, № 12, стр. 27—30; 1962, № 2, стр. 29—30.

Например, долгосрочные облигационные займы, во-первых, стали выпускаться из более высоких процентов (так, облигации местных займов в 1935 г. выпускались из 4,291% годовых, а в 1962 г. — из 7,354%, облигации общегосударственных займов — соответственно из 4,116 и 6,432%); во-вторых, уменьшилась срочность займов: если в 1935 г. общегосударственные займы выпускались в среднем на 27 лет и 1 месяц, то в 1962 г. — на 7 лет; местные займы выпускались в 1935 г. в среднем на 15 лет и 7 месяцев, в 1958 г. — на 7 лет¹⁸.

* * *

Особенности социально-экономического развития японского империализма в послевоенный период явились основной причиной, которая обусловила ряд специфических черт государственного кредита и деятельности кредитной системы страны в целом. Как уже говорилось, относительный упадок государственного кредита явился прямым следствием высокого уровня накопления в условиях достаточно напряженного положения на рынке ссудных капиталов в стране. Огромное влияние на состояние государственного кредита оказала послевоенная инфляция, достигшая невиданных в истории Японии размеров и приведшая к резкому обесценению величины государственного долга.

Относительный упадок государственного кредита означал некоторое ослабление отрицательного воздействия государственных займов на налоговую систему. Если займы при капитализме являются по существу отсроченными налогами, то относительно меньшие темпы роста государственного долга явились одним из факторов замедленного прироста налоговых поступлений. В 50-х и начале 60-х годов удельный вес налогов в национальном доходе Японии был ниже, чем в первый период после капитуляции, что объясняется главным образом интересами монополистического капитала, а также борьбой рабочего класса, широких масс трудящихся за свои права, против наступления монополий на их жизненный уровень. Относительное сокращение государственного кредита действовало в том же направлении, хотя, разумеется, оно не могло оказать сколько-нибудь существенное влияние на материальное положение трудящихся, не могло предотвратить значительного повышения налогообложения по сравнению с довоенным временем и сопровождалось более широким использованием сберегательных и страховых фондов населения в интересах финансирования бюджетных дефицитов. Из этого следует, что хотя относительный упадок государственного долга явился одним из факторов, тормозивших прирост налогов, однако эффективность этого фактора крайне невелика, а значительный по сравнению с довоенным временем рост налогообложения, вызванный при прочих равных условиях упадком государственного кредита, явился своеобразной реакцией системы бюджетного финансирования на экономическую обстановку в стране, и именно это прямое воздействие государственного кредита на налоговую систему во много крат перекрыло и по существу сделало очень незначительным влияние относительного замедления роста государственного долга на налогообложение.

Взаимосвязь и взаимовлияние между государственными займами и налогами сводятся не только к тому, что расширение государственного кредита ведет в конечном счете к росту налогов, а рост налогов к расширению государственного кредита. Упадок государственного кре-

дита, как об этом свидетельствует опыт Японии, также является серьезной причиной роста налогообложения, а усиление последнего по сравнению с довоенным периодом (в условиях относительного сокращения роли государственных займов в общей системе бюджетного финансирования) в свою очередь подготавливает предпосылки для роста государственного кредита. Но связь эта не прямая, а опосредствованная. Возможность реализации этих предпосылок зависит от объективных условий — развития промышленного цикла, уровня и объема капиталонакопления, состояния рынка ссудных капиталов и т. п. При этом следует иметь в виду, что последовавшее в самом начале 50-х годов сокращение удельного веса налогов в национальном доходе по сравнению с первым периодом после войны не компенсировалось относительным ростом государственного кредита; именно то обстоятельство, что доля налогов в национальном доходе оставалась после такого сокращения в общем и целом стабильной, также служило одним из факторов, содействовавших относительному упадку государственного кредита.

Относительный упадок государственного кредита означает, разумеется, уменьшение его роли как непосредственного источника прибылей для крупного капитала, т. е. уменьшение значения государственных займов как орудия перераспределения национального дохода в пользу монополий. Но, с другой стороны, именно это уменьшение и явилось важной предпосылкой для перераспределения ссудных капиталов в интересах монополий. Одновременно это означало в конечном итоге значительное уменьшение роли облигаций государственных займов как объекта биржевой спекуляции. Здесь следует иметь в виду, что в первые годы после капитуляции фондовые биржи в Японии были вообще закрыты американскими оккупационными властями, а эмиссия акций и облигаций акционерных компаний была ими ограничена. Выпуску частных ценных бумаг препятствовала и огромная инфляция. После возобновления деятельности фондовых бирж роль облигаций государственных займов оказалась несравненно ниже довоенной, поскольку частные фирмы увеличивали эмиссию акций и облигаций, а выпуск облигаций государственных займов значительно отставал от них.

Роль государственных займов в качестве орудия перераспределения национального дохода между фондом накопления и фондом потребления в послевоенной Японии также своеобразна. Как уже отмечалось, фонд накопления после войны значительно возрос и абсолютно и относительно, а структура фонда потребления, значение которого соответственно снизилось, характеризовалась уменьшением доли непроизводительного потребления, в связи с общим относительным уменьшением государственных расходов и в том числе военных расходов. В целом государственный кредит в послевоенной Японии означает перераспределение части национального дохода между фондом накопления и фондом непроизводительного потребления в пользу первого, а с точки зрения соотношения фондов накопления и личного потребления — перераспределение также в пользу первого или, что то же самое, образование части фонда личного потребления в капитал. Все это способствовало повышению темпов расширенного воспроизводства, что в первую очередь стимулировалось, конечно, общим относительным сокращением государственного кредита. (Разумеется, возможен рост государственного кредита и при одновременном повышении темпов расширенного воспроизводства, если суммы, мобилизуемые при помощи государственных займов, используются в производительных целях; это означало бы,

¹⁸ «Экономическая статистика Японии. 1962», стр. 169—170.

что при помощи государственного кредита лишь перераспределяются капиталы между соответствующими отраслями производства¹⁹.)

Большой спрос на капитал в послевоенной Японии не мог не сказаться и на использовании вновь выпускаемых государственных займов и бюджетных кредитов. Значительная часть сумм, поступавших таким путем в распоряжение государства, направлялась на финансирование его предпринимательской деятельности, носила производительный характер, т. е. выступала и функционировала как капитал. В этом, в частности, сказалось повышение роли государства в экономике. Указанное обстоятельство объясняет, почему немалая часть государственных займов проводится по специальным счетам предпринимательского характера: с самого начала предполагается их использование в производительных целях.

В этой связи необходимо отметить, что повышение роли государства в экономике в форме государственно-монополистического регулирования, означающее не что иное, как широкое использование государства в интересах монополий, не могло не привести к некоторым изменениям в системе государственного кредита. Теперь было бы неверно утверждать, что все средства, мобилизуемые с помощью государственного кредита, используются только и исключительно в непроизводительных целях. В отдельные периоды и в отдельных странах доля производительно использованных средств от государственного кредита может быть большей или меньшей. Использование их в качестве капитала, естественно, изменяет характер части облигаций государственных займов. В данном случае они служат бумажными дубликатами не уничтоженного, а действительного капитала, прямо или косвенно связаны с процессом воспроизводства и именно поэтому выплата процентов и погашение номинала имеют своей основой получение прибавочной стоимости, наличие государственно-капиталистической прибыли. Разумеется, в случае если соответствующее государственное предпринимательство убыточно, то возмещение расходов по этой части государственного долга (так же как и по государственному долгу, возникшему на непроизводительной основе) осуществляется за счет бюджетных средств, за счет налогов. В этом случае грань между двумя группами облигаций государственных займов, с точки зрения источника финансирования расходов по ним, стирается, однако остается принципиальное различие — по характеру использования. Можно сказать, что в рассматриваемом случае та часть государственных облигаций, доход от которых был использован производительно, но расходы по которым финансируются из бюджета, является в известном смысле своеобразной переходной формой между облигациями, используемыми в непроизводительных целях, и облигациями, поступления от которых расходуются производительно. Это же относится и к ссудам.

Наконец, относительный упадок государственного кредита являлся одним из факторов, способствовавших относительной и временной стабилизации денежного обращения в Японии в 50-х и начале 60-х годов. Здесь необходимо отметить, что сама инфляция явилась одной из основных причин, обусловивших упадок государственного кредита. Послевоенное обесценение денег в Японии привело к резкому сокращению реальной стоимости государственного долга. Поскольку значительная

¹⁹ Пример этого дает ряд слаборазвитых в экономическом отношении стран, где государственный кредит является основным методом финансирования расходов по бюджетам капиталовложений.

часть (не менее 45%)²⁰ облигаций государственных займов, выпущенных в годы второй мировой войны, была размещена по системе «добровольных народных сбережений», т. е. за счет принудительных отчислений из заработной платы рабочих и доходов крестьян, интеллигенции, мелкой и части средней буржуазии, резкое сокращение реальной величины государственного долга означало ликвидацию подавляющей части государственной задолженности этой группе кредиторов государства поневоле, т. е. их дополнительное ограбление на колоссальную сумму. В результате значительная часть государственного долга трансформировалась в разновидность налога.

Диалектика инфляционного процесса заключалась в данном случае в том, что упадок государственного кредита, явившийся прямым следствием инфляции в первый период после капитуляции, в дальнейшем выступил в качестве одного из моментов, способствовавших временной стабилизации денежного обращения. Дело в том, что инфляция, резко обострив положение на рынке ссудных капиталов в условиях весьма высокого спроса на них, ограничила таким путем возможности роста государственного кредита в период оживления и подъема в ходе послевоенного цикла. В свою очередь упадок государственного кредита сдерживал темпы роста денежного обращения. Хотя часть облигаций государственных займов и размещалась в Японском банке — эмиссионном центре страны, однако выпуск им бумажных денег опирался на быстрорастущий товарооборот, а процент портфеля государственных ценных бумаг и бюджетных кредитов относительно основной статьи пассивов — банкнотной эмиссии — составил, например, в марте 1961 г. 12,1 против 59,5 в декабре 1944 г., т. е. значительно снизился по сравнению с годами второй мировой войны. Резкое уменьшение количества государственных облигаций относительно общей массы эмитированных ценных бумаг привело к тому, что удельный вес банковских ссуд под залог облигаций государственных займов в общей сумме ссуд быстро снизился и составляет незначительную величину и т. д.

Как было показано выше, упадок государственного кредита означал резкое ослабление взаимоотношений, взаимозависимости и взаимобусловленности между ним и банковским кредитом. Правда, это не означало, что связь между ними вовсе исчезла, она осталась, но в целом резко ослабла (хотя для отдельных звеньев банковской системы продолжает играть первостепенную роль).

Одной из особенностей японского империализма является как раз то обстоятельство, что в Японии в отличие от США, Англии и других главных империалистических государств связи между государственным и банковским кредитом и раньше были намного слабее, отражая относительную слабость рынка ссудных капиталов в этой стране. Даже в годы второй мировой войны, когда эти связи достигли наибольшего развития, Япония значительно уступала в этой области США и Англии. Так, в 1939—1944 гг. в США банки — члены федеральной резервной системы инвестировали в облигации государственных займов 61,1% среднегодовой суммы ссуд и инвестиций, в Англии лондонские клиринг-банки 70,4, а японские коммерческие банки использовали в этих целях лишь 32,1%²¹.

В послевоенный период зависимость банковской системы от государственного кредита повсеместно ослабла, но степень этого «ослабления» была неодинакова. Если для США и Англии, например, связь

²⁰ См.: А. И. Динкевич, *Военные финансы Японии (1937—1945)*, стр. 43—45.

²¹ Там же, стр. 49.

между банковским и государственным кредитами осталась достаточно сильной и значительно превосходила довоенный уровень²², то в Японии она упала намного ниже довоенных показателей. Это значит, что роль бюджета как связующего звена между банковским кредитом и процессом воспроизводства действительного капитала резко упала, а непосредственная связь между ними значительно окрепла.

Если учесть, что упадок государственного кредита в Японии — явление временное, то можно сказать, что в целом в этой стране также прослеживается тенденция сращивания банковского и государственного кредита, с той, однако, оговоркой, что тенденция эта проявляется значительно слабее, чем в США и других главных империалистических странах, и после войны в специфических условиях острой нехватки ссудных капиталов стала намного слабее довоенного уровня.

Все это означает, что процесс качественного перерождения банковского кредита протекает в Японии с существенными особенностями. Во-первых, по своей интенсивности он всегда отставал от уровня, характерного для банковских систем США и Англии; во-вторых, уже в годы второй мировой войны львиная доля банковских капиталов в США и Англии была использована в целях финансирования военных расходов, а в Японии в целях финансирования военной экономики; в-третьих, после войны этот процесс значительно ослабел, однако не исчез; несомненно, что, сколь бы ни были велики особенности Японии и сколь бы сильно ни трансформировалась в ней тенденция к сращиванию банковского и государственного кредита, эта тенденция, этот процесс имеют место и сейчас (хотя и в очень слабой степени), ликвидировать их не в состоянии даже самая острая нехватка капитала, а в будущем они могут только значительно усилиться.

Отмеченные выше обстоятельства послужили важнейшей предпосылкой расширения непосредственных связей банковского кредита с процессом расширенного воспроизводства, значительного повышения удельного веса операций производительного характера в банковских активах. Это означает, что упадок государственного кредита явился одним из важных факторов, стимулировавших в интересах монополий рост инвестиций, способствовавших росту производства в фазах оживления и подъема, укреплению позиций и обогащению монополистического капитала, обострению противоречий японской экономики. Вместе с тем упадок государственного кредита не означал серьезного укрепления ликвидности банковского кредита в целом. Конечно, ослабление связей банковского и государственного кредита не могло не способствовать значительному повышению ликвидности, но наряду с этим действовала и обратная тенденция, порожденная той же причиной, которая обусловила упадок государственного кредита и ослабление его связей с банковским кредитом: напряженное положение на рынке ссудных капиталов в условиях большого спроса на капитал сопровождалось форсированной кредитной экспансией, приведшей к «перекредитованию», когда кредиты всех банков превысили сумму их депозитов (это наблюдалось в 1950—1954, 1956—1957 и в 1959—1960 гг.). В таких условиях банки увеличивали свои займы в других кредитных институтах, в первую очередь в Японском банке. Наряду с этим увеличилась доля банковских инвестиций и долгосрочных ссуд промышленности и другим отраслям экономики и т. д.

²² См.: И. А. Трахтенберг, *Кредитно-денежная система капитализма после второй мировой войны*, М., 1954, гл. VIII.

Понятно, что ослабление связи государственного и банковского кредита вовсе не свидетельствует об ослаблении системы государственно-монополистического капитализма. Общеизвестно, что формы вмешательства в экономику непостоянны, изменчивы, зависят от многих экономических и политических причин и обстоятельств. Ослабление связи банков с финансовой системой, имея в виду механизм финансирования бюджетного дефицита, в условиях напряженного положения на рынке ссудных капиталов сопровождалось усиленным использованием монополиями государства в целях расширения возможностей получения кредита. Это обеспечивалось в первую очередь учреждением ряда специальных банковских институтов, широким привлечением иностранных, прежде всего американских, капиталов в страну при сохранении, разумеется, господствующих позиций в экономике страны за японскими монополиями.

Относительный упадок государственного кредита со всеми его последствиями носит временный характер, что обуславливается рядом обстоятельств. Во-первых, процесс технической реконструкции не бесконечен, рано или поздно наступит время, когда создадутся предпосылки для более или менее серьезного ослабления напряженности на рынке ссудных капиталов; во-вторых, курс на милитаризацию, проводимый реакцией, рано или поздно (в случае, разумеется, если не будет достигнуто соглашение о всеобщем и полном разоружении) приведет при прочих равных условиях к изменению структуры расходной части бюджета, абсолютному и относительному росту военных ассигнований, увеличению общих размеров бюджета; в этих условиях неизбежно повышение роли государственного кредита; в-третьих, такое повышение возможно и в случае серьезных экономических потрясений, экономических кризисов.

Разумеется, будут действовать и обратные тенденции, противодействующие возрождению прежней роли государственного кредита. К главным из них относятся, во-первых, темпы, какими будет идти восстановление удельного веса денежного, ссудного капитала в общей структуре общественного капитала, т. е. по существу сколь быстрой будет ликвидация наследия войны, во-вторых, рост милитаризма не отделит от инфляции, которая, дезорганизуя рынок ссудных капиталов, в первый период не сможет предотвратить повышение роли государственного кредита, но в дальнейшем, безусловно, отбросит его далеко назад.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Н. Бродович. Роль кредита в развитии государственного сектора экономики Индии	3
И. И. Егоров. Накопление капитала в Индии (1951/52—1960/61)	24
А. П. Муранова. Сельскохозяйственный кредит в Бирме (1948—1962)	37
О. Н. Куликов. Ростовщический капитал в колониальной Индонезии	52
Н. М. Гуревич. Афганский национальный банк	65
Ю. М. Осипов. Проблемы финансирования экономики Объединенной Арабской Республики	87
С. А. Кузьмин. Налоговая система Пакистана	109
В. С. Расторгуев. Финансы колониального Вьетнама — орудие закабаления вьетнамского народа	126
А. И. Динкевич. Система специальных счетов в Японии	140
А. И. Динкевич. Государственные займы в послевоенной Японии	161

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА НАРОДОВ АЗИИ

№ 79

(Финансы и кредит)

*Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР*

Редакторы издательства Н. Б. Зубков, А. П. Колуцаева,
С. В. Полтавская, М. М. Хасман
Технический редактор Л. Т. Михлина
Корректоры Г. В. Афонина и Р. П. Основат

Сдано в набор 11/II 1964 г. Подписано к печати 8/V 1964 г. А-06545. Формат 70×108^{1/16}
Печ. л. 11. Усл. п. л. 15,07. Уч.-изд. л. 15,07. Тираж 850 экз. Зак. 296. Цена 90 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства „Наука“. Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография издательства „Наука“. Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
2	2 св.	коллегия	коллегия
10	10 стр.	300 млн.	3000 млн.
12	18 св.	24%	2,4%
73	5 св.	в 1951/52 г.	с 1951/52 г.
87	2 и 3 св.	Объединенной Арабской Республики проблемы финансирования экономики	Проблемы финансирования экономики Объединенной Арабской Республики
96	2 св.		1961/62 1962/63 г. Прирост, %
131	8 св.	монополий	монополии

Зак. 1402